

*рассказы
повести
киносценарии*

Николай Шмагин

**Не все
переплывут
реку**

Николай Шмагин

Не все переплывут реку

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шмагин Н. Н.

Не все переплывут реку / Н. Н. Шмагин — «У Никитских ворот»,
2019

ISBN 978-5-00095-854-4

Герои Николая Шмагина – простые люди, с их слабостями и пороками: они работают, живут, как могут, наивны и доверчивы, им не всегда везет в жизни. Не оцененные по достоинству, они спиваются и умирают раньше срока, уготованного им судьбой. Это самородки, которые умеют мечтать, любить, талантливы по-своему, добродетельны, не без юмора. Быт и характер русского человека, связь настоящего и прошлого, противостояние духовного и материального – вот те основные проблемы, волнующие автора, в каком бы жанре он ни писал. В настоящем сборнике представлены рассказы, повести и киносценарии, способные найти отклик в умах и сердцах самых притязательных читателей.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-854-4

© Шмагин Н. Н., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

От автора	6
Рассказы	13
Павлуша	13
Люська	19
Мишкина невеста	31
Друг сердечный	46
Девушка в красном	65
Бледная немочь	76
Виктор, в переводе с латинского – победитель	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Николай Шмагин

Не все переплывут реку

© Шмагин Н. Н., 2019

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2019

* * *

«Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь...

И жизнь течет, как река. Она несется вперед, встречая на своем пути приключения и преграды.

Чистые полноводные притоки дают новые силы, разгоняют течение, обогащают знаниями своих истоков.

Но попадают и гнилые, зловонные канавы, которые так и норовят отравить, омрачить, очернить, остановить.

Как важно реке не затеряться в водоворотах и омутах интриг, не зачахнуть в болотах и трясилах обыденности!..»

Из Библии

От автора

В своих рассказах, написанных в разные годы, и представленных в сборнике, я пишу о людях, которым не всегда везет в жизни, которые пытаются приспособливаться, даже ловчить, как другие, но они наивны и доверчивы, зачастую беспомощны перед хамством и наглостью, их легко обмануть.

Они не могут шагать по «трупам» ради исполнения своих планов и амбиций, пьют от несправедливости и безнадёги.

Но они умеют мечтать, любить, талантливы по-своему, любят свою малую родину. Работают. Живут, как могут, и умирают раньше срока, уготованного им судьбой.

Они не знают, но чувствуют и понимают, что душа русского человека – это райская птица, живущая в нашем бренном теле и стремящаяся к недостижимому идеалу.

Поэтому они быстро сгорают. Одни стараются прожить свою жизнь легко и весело, другие безропотно несут свой крест до конца.

Такова жизнь.

Теперь кратко о повестях.

Повесть «Время несбывшихся надежд» о судьбе женщины, которая в детстве была брошена пьющей, гулящей матерью, воспитывалась в детдоме. После детдома работала на фабрике, сумела окончить институт, вышла замуж за хорошего парня из обеспеченной семьи.

Вот она, счастливая жизнь впереди.

Однако не все так просто.

Не пришлось она ко двору в новой семье. Свекровь невзлюбила невестку, недостойна эта простолюдника ее прекрасного сына.

И тут коса нашла на камень. Ирэн, так зовут героиню, пошла служить в милицию, в работе с трудными детьми из неблагополучных семей видит она свое призвание, памятуя о своем детстве.

Однако, не все так просто.

Жена пропадает на работе, а ее интеллигентный, но ревнивый муж стал пить и гулять направо, свекровь еще подливает масла в огонь. Семейная жизнь дает трещину.

Еще одна неожиданность: объявилась состарившаяся блудная мать Ирэн, много чего произошло дальше, и опять Ирэн проявила характер; сохранила семью, преуспела в работе, рада, что нашлась ее беспутная мать.

Новая беда обрушилась на людей – перестройка, лихие 90-е, крах всех ее надежд и идеалов. Как и чем жить дальше?!

Идея следующей повести-фэнтези отражена в ее названии: «Я хочу научиться летать».

Вспомните себя в детстве – бесконечные вопросы об окружающем нас мире, стремление все познать, сомнения, поиски верного друга, полеты во сне и наяву, непредсказуемые поступки, мечты, фантазии, – всего не перечислить, – и все это есть в повести-фэнтези, структура которой так же многослойна, как и ее содержание.

Два подростка, Витя и Сережа, очень одиноки, каждый по-своему.

У Сережи умерли дед с бабушкой, мама в больнице, и он один в квартире. А ведь еще совсем недавно он был так счастлив, окруженный заботами и вниманием близких, родных людей.

А Витины родители укатили в путешествие, и он остался вместе с психически не здоровой бабушкой один, в большой и таинственной квартире, за семью замками.

Состоит повесть из трех новелл, объединенных главными героями – Витей, Сережей, Кентавриком и Звездным Пришельцем.

Фэнтези была написана еще во время учебы во ВГИКе, затем создан сценарий, в котором «Мир детских грез» раскрывался во всей своей красоте и причудливых фантазиях. Он пришелся по душе всем: педагогам, на центральном телевидении, но было непреодолимое препятствие, это дороговизна декорационно-постановочного оформления, и конечно, самых разнообразных спецэффектов.

Но вот осенью 1995 года сценарий принял участие в конкурсе на лучший проект создания стереофильма, который проводила кинокомпания «Стереофильм» НИКФИ.

Проект фильма «Я хочу летать» был представлен на конкурс киностудией «Союз» (Мосфильм), создана съемочная группа.

Проект включал:

- Сценарий стереофильма.
- Режиссерскую экспликацию.
- Постановочный проект с лимитной стоимостью фильма.

Экспертное жюри Комитета РФ по кинематографии решало вопросы о государственном финансировании победителей. Однако с финансированием получился облом, и конкурс был закрыт.

В «Моих одноклассниках» рассказывается о той веселой и счастливой поре, когда мне довелось обучаться вместе с группой самоуверенных, бесшабашных, не обделенных талантами молодцов на курсах художников-декораторов от Госкино СССР, при киностудии «Мосфильм».

В повествовании особое внимание я уделяю двум своим товарищам, которые могли стать друзьями, но у каждого сложилась своя жизнь, тем не менее, хороших товарищей тоже много не бывает, как и настоящих друзей.

Не забыты и другие мои одноклассники.

Мы узнаем об их непростых и трагических судьбах, но они раскроются позже, со временем, поскольку жизнь невозможно предугадать, тем ярче вспоминаются годы студенческой молодости, единственной и неповторимой.

О киносценариях.

Я никогда не писал заказные сценарии, авторское кино – мой конек, поэтому в свое время как автор и режиссер снял цикл полнометражных документальных фильмов «*Старинные российские города*», названия которых говорят сами за себя:

«Алатырь – бел-горюч камень Российский». 2002 г.

«Зарайск – город-кремль земли русской». 2006 г.

«Ладога – столица Северной Руси». 2006 г.

«Новая Ладога – Петра творенье». 2006 г.

Тема малых исторических городов, которые, каждый в свое историческое время, внесли огромный вклад в дело становления, укрепления и процветания государства российского, а ныне прозябающих в нищете и безвестности, в забытой власти предрержащими глухой провинции, – всегда была, есть и будет для меня приоритетной.

«Единоличник». 2015 г. Герой этого фильма – выходец из глубокой провинции, благодаря своим талантам и упорному труду добился больших успехов в жизни, о таких людях надо снимать кино, писать книги, типа «ЖЗЛ», чтобы они стали образцом для подражания нашей молодежи.

Это авторское кино.

На темы, которые мне близки и дороги, написал ряд сценариев, предлагаю некоторые из них вниманию читателей, предварив аннотациями. У каждого из сценариев своя судьба, своя история.

Крест

(социальная драма)

1932 г. – декретом правительства за подписью Сталина объявлена «безбожная пятилетка», поставившая цель: к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто на территории страны».

«Безбожная пятилетка» провалилась, но яд атеизма всосался во многие души, отравил их неверием и цинизмом.

Плоды этого мы пожинаем сегодня.

Гонимый священник, олицетворение самого христианского терпения, непротивления злу...

Однако в рассказе Варлама Шаламова «Крест» не было катастрофического состояния конца тысячелетия, превышающего смысл судьбы одного священника.

В сценарии две главные темы.

Первая – светлая тема возрождения и сохранения духовности. Вторая – фантазмагория. Галлюцинации слепого священника, его внутренний мир, порожденный временем.

Диалоги с черным человеком (Сталиным).

Изгнание дьявола.

КРЕСТ – это социальная драма, в финальной стадии возвышающаяся до трагедии. В как бы застывшем временном пространстве перед нами – последние три дня жизни священника и матушки, угасающих от голода и безысходности.

У них есть несколько коз, и трогательная забота о них придает сил старику, который думает, что на вырученные от продажи молока деньги они существуют в этой жизни. Он не подозревает, что прокормить коз – дороже, и матушка мечется в отчаянии, продав последние вещи в доме.

История семьи священника раскрывается в снах-воспоминаниях слепого, он живет иллюзиями: в своих снах он снова молодой и здоровый, перед ним проходит его счастливая жизнь, в которой есть все – семья, дети, служба в церкви.

В фильме три времени действия: дореволюционное, светлое время.

Воспоминания священника и матушки о прошлой их счастливой жизни переплетаются с воспоминаниями о страшной в своей обыденности действительности. Это – второе время действия, развития сюжета. Серость и нищета. Безысходность.

И фантазмагория. Вневременное время-пространство, лиловое и сумеречное, изменчивое сюрреалистическое пространство.

В течение этих последних дней жизни священника и матушки перед нами проходит их жизнь, и жизнь страны во время «безбожной пятилетки».

Хроника и сцены под хронику показывают социальный срез общества, трагедию уничтожения Веры и насаждение атеизма в умы и сердца людей.

Страшная, реальная действительность бытия стариков, их угасание и неотвратимость смерти. Священник в четырех ипостасях: молодой отец, пожилой священник, слепой старец и он же – «Сталин».

После революции семью священника выселяют из дома в убогую комнатуху, лишают его прихода, церковь закрывают – теперь это склад социалистической собственности.

Судьба детей – это тоже их крест, который они должны нести: старший сын погиб на границе, и после такого удара судьбы священник ослеп, глаукома обострилась.

Средний – начальник – отказался от них публично, через газету, а младшего посадили на пятнадцать лет по наговору товарища.

Когда слепой не спит, он кормит коз, доит их, в этом смысл его жизни – помочь жене.

Его обуревают галлюцинации – в них он ведет диалог с самим отцом всех народов – Сталиным. Мы видим и ощущаем беспокойство священника о все возрастающей любви людей к Сталину и его курсу, о потере веры в Бога и в заповеди божии...

Далее в диалогах с вождем происходит столкновение идей христианства и коммунизма по Ленину и Сталину. В диалогах раскрывается сущность системы, стремящейся уничтожить последний оплот духовности в России – христианство, православную веру, и священников, как проводников этой духовности в народ.

Диалог происходит в полуразрушенной церкви, являющейся как бы образом самой обездоленной, расхристанной России.

Предвидя близкий конец, слепой в отчаянии пытается разрубить на части свое последнее – золотой наперсный крест, чтобы матушка продала его в Торгсине, но это не спасает от гибели ни их самих, ни их детей.

Судьба их predetermined системой.

Но что самое главное – система не смогла уничтожить Веру в душах умирающих, она могла только уничтожить их плоть.

Перед самым концом они не озлобились, не потеряли веру в себя и в людей. Они объяснились в любви друг к другу, к своей жизни.

Чтобы понять, что это были люди высокой духовной нравственности, чтобы сегодня было с кого брать пример – надо знать их судьбы, надо понять, почему система стремилась уничтожить их на корню, страшилась и ненавидела силу их духа и веры.

Силы зла влияют на жизнь даже из прошлого. Подсознательно зритель должен чувствовать, что священнику от встречи с вождем даже в галлюцинациях грозит только гибель.

Идея в том, что каждый, с кем встречается и встречался вождь всех народов – Иосиф Сталин, в конце концов, должен погибнуть.

Таких людей, как священник и матушка, можно уничтожить физически. Но духовно они не подвластны режиму, так как «царствие небесное» в их душе.

В диалогах священника и Сталина сталкиваются силы добра и зла. Света и тьмы. Христа и антихриста. Определенное обаяние Сталина меркнет, когда он приоткрывает завесу души – он мечтает заменить Веру поклонением вождям мирового пролетариата, он во многом согласен с Гитлером в вопросах завоевания жизненного пространства, в еврейском вопросе, однако понимает, что искоренить веру полностью не удастся...

Во время галлюцинаций мы не знаем, где находимся – то ли в подземном бункере, то ли еще где. И лишь в конце фантазмагии, когда вождь исчезает, рассеивается тьма и мрак вокруг священника – вначале проступают контуры полуразрушенного Храма, затем мы видим в проломах купола ясное небо, а на стенах храма четко проявляются фрески, проступает настенная живопись, и мы все явственнее видим библейские мотивы и, наконец, – Спасителя нашего, Иисуса Христа.

Никогда война и тирания не была и не будет благом для человека, только заповеди божии, только действенная вера в добро победит зло.

В финале – рынок на Арбате, где стоят матрешки и гипсовые болванки Ленина, Сталина и других вождей мирового пролетариата, выставленные на продажу иностранцам. Те платят валютой.

Это лихие 90-е годы 20 века.

Далее наши дни. 21 век. Потоки машин и пробки на дорогах.

Новые высотные здания. Москва-Сити.

И снова провинциальный городок. Служба в реставрируемой церкви. Здесь нет больше склада.

Золотой наперсный крест на груди молодого священника. Тот самый, с зазубриной на лице, полученной в Торгсине во время сдачи на продажу, как металлолом.

В конце фильма – литургия! Очищение, светлое чувство надежды и веры в то лучшее, что есть в человеке. Всколыхнуть душу, обострить состояние души, приподнять ее над своим обычным состоянием – в этом сверхзадача фильма.

Мы слишком много насаждаем мифов про жизнь вокруг нас. Когда едешь, например, в общем или плацкартном вагоне, толчешься на провинциальных вокзалах, рынках и думаешь: какой можно сделать фильм о настоящей, невыдуманной России.

С нищетой, дикарством, с дебильностью, но и с надеждой, с верой в добро. Это была бы другая Россия, такая, какая она есть.

Даже не шукшинская, не говорухинская.

Сегодня уже нельзя менять миф на миф.

Надо искать только правду.

Главное – это умение нести по жизни свой крест.

В эпилоге фильма внук спрашивает деда, показывая на валяющиеся в траве могильные плиты, на остовы каменных домов, фундаментов: «Здесь раньше жили люди? Где они, почему дома исчезли, дед?»

На возвышении стоит разрушенная, иссеченная временем колокольня, сквозь купол и кирпичи проросли деревца и кусты. Но она еще стоит, держится, словно взывая к нам, ныне живущим: когда же вспомнят о ней, о деревне или селе, которые были вокруг раньше.

Еще видны фундаменты погибших домов, еще не растащили последние могильные плиты на забытых погостах.

Еще есть время покаяться, по-настоящему, про себя, в душе.

И вернуть память.

Тогда вернутся в эти заброшенные места люди и скажут: вот здесь жили мои прадед, прабабушка, родственники.

Это моя родная сторона.

Я – верую!

.....

Судьба сценария так же трагична, как и его содержание. В 1992 году он был одобрен сразу двумя лауреатами ленинской премии: киносценаристом Валентином Ежовым, моим мастером по сценарной мастерской ВГИК, и кинорежиссером Григорием Чухраем. Однако в 90-е годы идеалом для молодежи были путаны и киллеры, время засилья чернухи на экране, и тема о безбожной пятилетке была не нужна спонсорам.

Тем не менее сценарий приняли в студии «АРК-фильм» на Мосфильме. Худрук студии Юлий Райзман, тогда еще живой классик советского кино, предложил сыграть главную роль священника актеру Вацлаву Дворжецкому, который загорелся этой идеей и нашел спонсоров в Нижнем Новгороде, где проживал сам. Не судьба. Перед самым запуском картины позвонил его сын Евгений Дворжецкий и сообщил о кончине отца.

Вера-Надежда-Любовь

сценарий музыкальной кинокомедии (ремейк лирической кинокомедии «3+2»)

Кинокомедия о том, как история, произошедшая в 1963 году с молодыми людьми на побережье Черного моря, повторилась с их детьми и внуками в наше время, в 21 веке, на побережье Средиземного моря.

Ностальгия по романтической любви, случившейся с молодыми людьми во время отпуска, не проходит, и в этом залог успеха.

Идея настолько актуальна и хороша, что находит немедленный отклик и понимание среди людей всех возрастов.

Секрет очень прост – многие смотрели и смотрят этот фильм по сей день, его часто показывают по каналам ТВ. И на новом витке развития общества, новая кинокомедия станет не просто повтором, а новым толкованием давно любимого, с приметами нашего времени, фильма.

.....

Тем более, что когда еще в детстве я увидел впервые эту комедию в кинотеатре «АРС», в Алатыре, то со временем понял, это произошло не случайно. И действительно, написав в 1995 году ремейк любимой комедии, дал почитать сценарий актеру Евгению Жарикову и не ошибся.

Тот настолько увлекся идеей снять новый старый фильм, что вскоре мы написали второй вариант сценария, он был одобрен в Роскомкино, и киностудия «Союз» киноконцерна «Мосфильм» была готова приступить к производству нового музыкального комедийного фильма.

Он мог стать первым ремейком того времени, нашлись спонсоры, но их денег хватало на одну треть от сметы, и Жариков уговорил всех подождать, пока не соберет всю сумму. Это была роковая ошибка.

Деньги разошлись. Время упущено.

Позже было снято несколько ремейков известных фильмов.

Дорога в Алатырь, или Времена Детства

сценарий (кинопоэма)

В кинопоэме рассказывается о нашем ближайшем историческом прошлом, о детстве, о дедушке и бабушке, первых друзьях и врагах, первых школьных шагах героя повести – Ваньки, названного этим именем в честь своего деда, Ивана Яковлевича Маресьева.

Социальная эпоха повести – это трудное послевоенное время, смерть Сталина, затем «хрущевская оттепель», освоение целины, первые глотки свободы, позже увлечение Хрущева кукурузой, целиной и совнархозами, приводит к притеснению индивидуальных хозяйств, к оскудению садов и огородов, обложенных налогами, плодами которых и живут герои повести.

Город хранит благодарную память потомков о Степане Разине, Емельяне Пугачеве, Петре Болотникове, о своих героях, погибших в годы революции и Великой Отечественной Войны.

В устах деда воскресают забытые пословицы, частушки, предания.

Дед – столяр-краснодеревщик, непрерывно трудится и на работе, в столярке, и дома, да и бабушка тоже не сидит без дела, они-то и успели передать внуку свои простые, но мудрые заповеди, свою честность и прямодушие, свои трудолюбие и любовь к родному дому.

.....

Еще в 1988 году, после защиты диплома, мой сценарий «Времена детства» получил направление от ВГИКа на Мосфильм и Студию им. Горького. На Мосфильме он был одобрен редакцией и рекомендован для постановки, после чего передан для прочтения режиссеру В. Гаврилову.

Он решил ставить по нему фильм, но одного решения было мало, когда приоритеты отданы той самой чернухе, которая заполонила экраны.

Тогда Валентин Иванович Ежов порекомендовал сценарий своего ученика кинорежиссеру А. Габриэлян, которому пришлось по душе история о судьбе простой русской семьи в глубокой провинции. Начались поиски спонсоров. Но только в наше время, на государственном уровне, вспомнили наконец *о необходимости патриотического воспитания молодежи.*

На этой высокой ноте заканчивается моя книга произведений под общим кодовым названием – НЕ ВСЕ ПЕРЕПЛЫВУТ РЕКУ.

Дабы переплыть эту широкую, бурную реку жизни с быстрым течением, нужно иметь не только талант, но и волю к победе, упорство и жажду бороться до конца. Утонешь – проживешь обычной жизнью; выплывешь – и тогда сбудутся все твои несбыточные мечты и дерзкие планы.

Чтобы не быть голословным, предлагаю снова перечитать выдержки из библии, которые предваряют мое предисловие, в них выражена суть вышеизложенного.

Автор

Рассказы

Павлуша

По телевизору шла ночная программа телеканала «Евро-спорт»: вот закончилась передача «Бойцовский клуб», на экране появилась очередной герой – молодой, стройный красавец-атлет с могучими, перекачывающимися под атласной кожей мышцами.

Он легко и элегантно выполнял упражнения с гирями: то кружил черную двухпудовую гирию над головой, мерными взмахами вздымая ее вверх-вниз, то перебрасывал с руки на руку, ловко вращая за дужку.

Закончив, он улыбнулся и уступил место девушке-атлетке с не менее впечатляющей фигурой. Грациозно изогнувшись в одной из показательных поз культуристки, вызывающих головокружение у мужчин, спортсменка мелодичным голосом провещала:

– «Занятия с отягощениями, с которыми вы только что познакомились, помогут вам обрести спортивную фигуру, и полную уверенность в себе...»

Сквозь грязные, пыльные стекла узкого окна виднелся темный двор с черными, слабо отражающими серый тусклый свет осеннего утра окнами, утопающими в кирпичном массиве старого приземистого здания напротив. Из медленно плывущей, ватной массы серых облаков, почти задевающих своими обрывками ржавую мокрую крышу, лениво падали хлопья снега, накапливаясь на выступах, падая на грязный мокрый асфальт.

На большом диване у стены небольшой комнаты мирно посапывал мужчина под ватным одеялом, сбившемся на пол и обнажившим полную, небольшую фигуру спящего. На затылке безмятежного лба мелким бисером застыли капельки пота. Стрелки будильника на журнальном столике показывали без пяти минут семь.

Мужчина вздрогнул и открыл блеклые, мутные со сна глаза. Кинул взгляд на будильник, продолжая неподвижно лежать.

«Сегодня я проснулся раньше будильника, это хорошо», – подумал он. – «Все. С сегодняшнего дня начинаю новую жизнь. Буду заниматься спортом, надо купить гири, как у того, по телевизору», – он коротко вздохнул и, пересилив слабость в теле, медленно поднялся, кряхтя и почесываясь, проплелся к столику и нажал кнопку будильника.

Затем, вообразив себя стройным атлетом, он втянул живот, расправил плечи и сделал несколько рывков руками. Далее он намерился делать наклоны вперед, но так как для его жирного брюшка это оказалось не очень приятно, то он моментально отрешился от своих замыслов, разумно заключив:

– Ничего, Москва не сразу строилась, на сегодня достаточно и этого. А сейчас – водные процедуры.

Бодрым шагом он направился в ванную комнату. «Надо облиться холодной водой», – вздрогнув всем телом, подумал он, подходя к умывальнику. Но вода из крана побежала такая холодная, что он вздрогнул еще сильнее, замочив палец, и нервным движением открыл кран с горячей водой. Захрипев и забулькав, кран выпустил ржавую мутную струю и заглох, утробно урча недрами труб.

Тогда он, обмочив концы пальцев одной руки под узкой струйкой воды, потер ими глаза, лоб и часть лица. Потом сполоснул под той же струйкой свои пухленькие ладошки и вытерся полотенцем. «Сразу обливаться ледяной водой нельзя», – мыслил он, – «вредно! Нужно постепенно привыкать к холоду, начав с теплой воды. А ее, как назло, нет. Ничего, начну завтра», – и он, продолжая делать такие замечательные выводы, вышел из ванной.

Из кухни уже разносилось по коридору шипение кипящего масла и звучное журчание воды, которую набирали в чайник. Заслышав знакомые шаги, в кухонном проеме возникла сухонькая старушка:

– Ты чегой-то в такую рань поднялся, полуношник? – спросила старушка, вытирая руки о цветастый передник поверх старого темного платья.

– Теперь, тетка Матрена, я всегда стану так рано подыматься, решено бесповоротно, – гордо заявил мужчина, прокашливаясь.

– А ну тебя, – махнула рукой Матрена, – который раз уж... Садись, вон, исть, спортсмен.

Мужчина, сделав недовольное лицо, взошел на кухню. «Надо свой «первый» день новой жизни сделать разгрузочным», – подумал он нерешительно. – «Все советуют так делать. Иначе...». Он взглянул на сковородку, на которой красочно желтели сочные поджаренные яйца с румяной колбасой, и зажмурился, жадно втягивая круглыми большими ноздрями маленького носа вкуснейший запах, который несся, вторгался через его ноздри в самую душу, вызывая обильное слюноотделение. «Разве устоишь против такого», – и, махнув рукой, он решительно и основательно уселся за стол, стал с аппетитом, за обе щеки уничтожать калорийный завтрак. Будь что будет.

– Запри дверь, когда будешь уходить, – произнесла Матрена, – а я пойду сосну еще с часик, – и она ушла в свою комнату досыпать.

– Ладно, не беспокойся. Все будет в порядке, – уверил ее племянник, допивая огромную пузатую кружку чая и тут же наполняя ее вторично до краев. «Надо спешить, на работу опоздаю», – думал он, намазывая добрую часть батона толстым слоем масла.

Спешил он на работу, как подлинный спортсмен: суетливо и бестолково одевался, искал носки под диваном, затем ушел бриться и, усердно надувая щеки, соскабливал с них щетину. Кропотливо причесывался, перемещая прядки волос с одной залысины на другую и, придиричливо всматриваясь, разглядывал свою маленькую распухшую фигурку в зеркале.

Высокоподнятые у переносицы края бровей и морщины над ними пытались было хмуриться, но тотчас расправлялись и приобретали начальный ангельский вид. А маленькие прозрачные, как у молодого поросенка, глаза продолжали разглядывать обвисшие члены своего ватного тельца, облаченного в мешковатый засаленный костюм. Не раз еще он поворачивался перед зеркалом, скрипя половицами, и пыжился, раздувая свою грудь, представляя себя стройным спортсменом, атлетом.

«Господи, и когда же он уgomонится», – донеслось из теткиной комнаты. – «На работу опоздаешь, Павлуша! Хватит красоваться, а то сглазишь себя», – хихикнула за дверью старушка и забормотала: «Ох, господи, прости мою душу грешную, за прегрешения, охо-хо».

Он настороженно и чутко прислушался к речам тетки и досадливо хмыкнул: «Не даст собраться на работу как следует», – раздраженно подумал он и обмяк, забыв о роли спортсмена. «Вчера планировал утреннюю прогулку, да разве успеешь тут», – он громко кашлянул и подхватил за дужку пузатый морщинистый портфель пенсионного возраста.

«Все, сегодня утренняя прогулка отпадает окончательно», – он заглянул в комнату, всмотрелся в будильник. – Ого! Так я могу опоздать на работу, – вскрикнул он. – «Попробуй опоздай хоть на минуту, раскричатся, склонять начнут, такой-сякой мол, задержался, прогульщик, а работать дядя за него должен», – и он, взволновавшись, устремился к двери.

В автобусе, притиснутый к окну, он всматривался в дорожные обочины, на которых был разбросан уборочными машинами первый снег вместе с серо-коричневой дорожной грязью, и все время внутренне возмущался: «Надо же, такой беспорядок на улице, грязища, мусор. Когда же они порядок наведут, уберутся?»

Он критическим взором глядел на обочины, понимающе ухмыляясь, но ни разу взгляд его не поднялся выше и дальше, где всего лишь метрах в десяти от дороги простирался на чистом снегу густой великолепный парк, вся необозримая ширь пространства которого, озаренная радостным утренним светом, дышала свежестью и бодростью, вызываемой белизной первого снега.

Этого он не замечал. Он стоял, топчась в жидкой хляби, всматривался в такую же хлябь и периодически хрипел, выдыхая воздух под давлением толпящихся вокруг него громоздких людей.

Вот он и на работе. Стараясь идти по коридору крепким шагом, он сделал суровое и решительное лицо. – «На работе необходимо быть твердым и непреклонным», – думал он, приближаясь к двери с табличкой: «Начальник отдела».

– «Отвечать кратко, уверенно, тактично». Но, войдя в кабинет и встретившись со строгим взглядом своего начальника, уже сидевшего за большим блестящим письменным столом, на котором красовались портреты президента и премьер-министра России в дорогих рамках, он вместо стального «Здравствуйте!» пролепетал еле слышимое: – Здравсьте, Арнольд Яковлевич...

– А, Павлушка, привет! Слушай, чего это наша уборщица опаздывает? Полы грязные, мусор не выброшен, разве это дело, а?

«Опять, наверное, убираться заставит», – догадался он о предстоящей своей деятельности и молча стоял, покорно выслушивая начальника, и убеждаясь в правоте своих догадок.

– Павлушка, ты, что ли, хотя бы прибрался маленько, а? Ну давай, давай, бери веник! Нечего стоять, как принц! Принимайся за дело, – превратил просьбу в требование начальник.

«Я не Павлушка, а Павел Иванович! И мне уже далеко за тридцать», – внутренне возмутился «Павел Иванович». – «Никто не вправе требовать от меня такого, я как-никак бухгалтер, а не чернорабочий».

Однако Арнольд Яковлевич не слышал этих законных возражений и вышел из кабинета, предоставив полную свободу действий своему безответному подчиненному.

– Не хочется рабочий день начинать с пререканий, – пробормотал Павел Иванович и подчинился, принявшись за уборку. Когда Арнольд Яковлевич возвратился в свой кабинет со стаканом крепкого чая с лимоном, все было уже прибрано, мусор вынесен.

– Ты знаешь, Павлушка, не будем мы дожидаться Иришки, сходи-ка, брат, удружи, в соседний корпус за расходными материалами, к Екатерине Павловне, она вчера обещала их дать. Ну, давай, бегом.

Это тоже не мое дело, я не секретарша!» – выкрикнул Павел Иванович про себя. – «Ирка эта, балаболка, вот-вот должна придти, вечно опаздывает», – с надеждой подумал он, взглядывая на дверь. Но дверь не открывалась, Ирки все не было, и он пошел за материалами. Проходя мимо буфета, Павел Иванович внезапно почувствовал, как что-то, скрипя, засосало в его шейных позвонках, и не смог отказать своему желанию съесть булочку, и выпить два стакана яблочного сока. «Выпью еще один», – подумал он, отходя уже от буфета, и вернувшись, выпил третий стакан.

– Ничего я вам не дам, – решительно отказала ему Екатерина Павловна, упираясь могучей грудью в край стола. Казалось, что стол сейчас сдвинется с места и наедет на оробевшего Павла Ивановича. – Зайдите либо после обеда, либо завтра утром. Завезли так много бумаг, что рыться в них сегодня нет у меня никакого желания, да и времени тоже.

– Можно, я сам подберу эти материалы? – вежливо попросил Павел Иванович, удивляясь про себя своей настойчивости и храбрости.

– Что, не терпится, да? – сурово произнесла Екатерина Павловна, не вынимая изо рта дымящейся сигареты и продолжая пересчитывать содержимое своего кошелька. Да так взглянула на бедного бухгалтера, что тот стремглав выбежал из кабинета, не успев решить, как следовало бы поступить в этом случае, если бы он вел себя как подобает спортсмену и деловому, уважаемому всеми человеку, вершителю своей судьбы.

«Итак, поручение начальника не выполнено», – горько усмехаясь, констатировал он, медленно бредя в свои уделы. Возвращаться с пустыми руками не хотелось, да иного ничего не оставалось делать. Он добрел до буфета и купил себе еще пару булочек. Решительно съев их, он более уверенно направился к начальству.

– Ну что, принес? – спросил Арнольд Яковлевич, выходя из своего кабинета в общую комнату, где уже сидели за столами девушки, готовясь приступить к работе.

– Не дали, – пожал плечами подчиненный.

– Ну, ничего нельзя доверить этому... – хотел было выругаться начальник, но сдержался. Девчонки захихикали.

– Ирина, зайдите в мой кабинет, – сказал начальник молодой красивой секретарше, глядя на нее сквозь Павла Ивановича, будто тот был из прозрачного стекла.

Девчонки, переглядываясь, смотрели на него, как на идиота. Лузер, одним словом.

Он вздумал было на мгновение возмутиться, оскорбиться, и сказать нечто веское и умное, для чего даже раскрыл рот и нахмурил брови, но не нашелся, что сказать, и лишь глупо заулыбался добродушной, услужливой улыбкой.

Уйдя в свой уголок, старательно стал работать, игнорируя компьютер и пересчитывая цифры на стареньком, допотопном калькуляторе.

Девчонки вновь захихикали, поглядывая, как он стучит по кнопкам. Перед каждой из девушек стоял компьютер, лежало по современному электронному калькулятору. Но вот одна из них, высокая и стройная, с короткой модной стрижкой и в короткой юбке, подошла к нему, улыбаясь.

– Павлуша, – обратилась она к Павлу Ивановичу, который явно был старше ее раза в два. – Понимаешь, мне нужно срочно уйти на полчаса, кое с кем встретиться, – и она сделала ему нежное неотразимое лицо. – Сделай одолжение, проверь начисления двух организаций, я их тебе уже перекинула.

Он поднял на нее влюбленные растерянные глаза и смущенно крикнул. «Приучил я девчонку к просьбам, теперь ее наглость будет с каждым днем возрастать от моей услужливости», – весьма резонно подумал он, а также подумал: – «Ну как можно отказать такой озорной миловидной девушке».

– Хорошо, Елена Петровна, – тихо произнес он. – Я сделаю, не беспокойтесь, – и, отложив свои дела, тут же засел за работу, хотя и не любил компьютер. От работы на нем у него слезились глаза, и болела голова.

На настенных часах стрелки показывали уже без пяти минут двенадцать, когда отворилась дверь и раскрасневшаяся, веселая Елена объявилась на пороге. Пощебетав с подругами, и поболтав по мобильнику, Елена грациозно приблизилась к Павлу Ивановичу.

– Как наши дела, Павлушенька, ты еще не все пересчитал? – досадливо удивилась она, увидя, что тот корпееет над компьютером. – Какой же ты нерасторопный, однако. Полный отстой.

Павел Иванович покраснел и засмутился, как школьник, и, низко нагнув голову, молча продолжал работать, поспешая закончить «заказ». Наконец, все было готово, и он был милостиво прощен Еленой.

«Обедать сегодня я не должен», – думал он, медленно подходя к столовой. – «Не должен, я же вчера еще составил свой распорядок дня». Но, ощутив в животе жалобное урчание,

упал духом и волей-неволей уплел две порции первого, затем второе, выпил два компота и не успокоился, пока не почувствовал крепости в своем организме. Откинувшись на спинку стула, он успокоенно улыбнулся, смежив на мгновение веки.

«Ладно», – рассуждал он, выходя из столовой с благородной отрыжкой. – «Все равно сегодня день не удался. Начну с завтрашнего дня. Да и голова побаливает...»

Возвратившись домой, Павел Иванович довольно быстро разделся и поспешил на кухню. Сытно поужинав, он выпил две бутылки пива, похрустел чипсами. – Все равно ведь в последний раз, – рассуждал он вслух сам с собою. – Завтра брошу пить окончательно!

Вернувшись в комнату, он ласково погладил большие деревянные счеты, висевшие на стене рядом с диваном, как раритет, затем посмотрел на книжную полку и решительно приблизился к ней. – Прочту-ка я что-нибудь серьезное, из классиков, – деловито пробормотал он. Взгляд его упал на собрание сочинений Л. Н. Толстого и споткнулся об него, словно встретив препятствие. – Я уже читал Льва Толстого, – успокоил он было себя, но совесть все же не позволила отступить от неосуществленного мероприятия и он быстро, словно боясь, выдернул увесистый том «Войны и Мира» из книжного ряда.

– Самое важное, вчитаться, усвоить первую главу, – диктовал он себе необходимое условие, но, прочтя несколько страниц, неожиданно для себя всхрипнул, откинувшись головой назад и, встрепенувшись, оставил свою затею. Взяв пульт, включил телевизор: на телеканале «Культура» за круглым столом дискутировали несколько академиков. Тщетно пытаясь вникнуть в суть спора, он тем не менее внимательно послушал их, от чего мысли его разбежались в разные стороны, и он выключил телевизор. Что же дальше у него по распорядку дня? Вспомнил!

– Через пять минут буду делать комплекс вечерней гимнастики, – с сознанием ответственности проговорил он и откинулся в кресле, размышляя о предстоящем мероприятии по укреплению здоровья. «Этот комплекс должен стать нормой каждого дня, я обязательно укреплю свои мышцы», – уже вяло промелькнуло в голове. – «Да, не забыть бы, надо купить гири», – это последнее обязательство окончательно утомило его, и Павел Иванович позволил себе малость передохнуть в кресле, однако, закрыв глаза, незаметно для самого себя заснул. Пробудился он лишь от стука тетки Матрены, загостившейся у приятельницы.

– Хорошо на улице, – проговорила она, внося с собою в комнату мороз и зябкость, отчего Павел Иванович слегка поежился. – Что, милоч, никак ты спал? Говорила же тебе, нечего так рано подыматься с утра.

Павел Иванович всмотрелся сонным взглядом в будильник на журнальном столике. Стрелки показывали 21.00. Он вполостился и привстал в кресле. – Хочется что-нибудь поесть, – первое, что сказал Матрене ее великовозрастный племянник, в животе у него урчало.

– Сейчас приготовлю, – Матрена привычно пошла на кухню. – Жениться тебе надо, Павлуша. Детишками обзавестись. А то вдруг помру, что делать без меня-то будешь?

– Ты что это удумала, тетка Матрена? – испуганно встрепенулся племянник, проходя за ней следом. – Разве можно так рассуждать. Умру. А женитьба дело серьезное. Не созрел я еще для нее, – он отрешенно вздохнул и приготовился к ужину, усевшись за столом.

– Когда созреешь, никто не возьмет уже, – не без основания заметила Матрена, хлопоча у плиты. По кухне разнесся вкуснейший аромат любимого блюда Павла Ивановича.

– А ты у меня на что, тетка Матрена? С тобой, как у Христа за пазухой. Никакой жены не надо. Так что живи на радость племяннику. – Павел Иванович был весел и жизнерадостен. Он с аппетитом поедал любимую яичницу с колбасой, которую с таким мастерством сготовила ему тетка Матрена. – А жена что, бог с ней, с женой, – успокоенно вздохнул он и улыбнулся. – Авось женюсь когда-нибудь, куда спешить. Так ведь, тетечка Матрешечка моя?

– Ох, господи, были бы живы твои родители, наверное, тогда бы ты не был таким увальнем. Ведь мальчонкой-то такой шустрый был, прям бесенок. И куды все подевалось? Хотя, кто его знает, был бы, не был бы, – после некоторого раздумья промолвила она, жалостливо глядя на жирную спину удаляющегося к телевизору племянника. – На все воля божья, – и она усердно принялась мыть посуду, накопившуюся после ужина.

По телевизору шла очередная серия из цикла о ментах: оперативники ловили преступника. Тот ловко перемахнул через забор и исчез в проходном дворе дома.

– Завтра надо во что бы то ни стало прочитать что-нибудь о следственных делах, о криминалистике, – озабоченным голосом изрек Павел Иванович и, выключив телевизор, направился к дивану. Почему-то вспомнилось, что многие ребята, с которыми он учился в школе, уехали кто в Чебоксары, кто в Москву, а он что же, хуже их, получается? С другой стороны, ему и здесь неплохо. Работа есть, зарплату получает. Квартира у тетки хорошая, теплая. Хозяйка она экономная, на жизнь им хватает. Вот и ладно. Проживем как-нибудь. Если все разъедутся, что же будет тогда?..

Он долго не мог заснуть, так как сердце стучало слишком тяжело и ныло к тому же. Он боялся, что умрет нынешней ночью, и лишь тихо шептал:

– Лишь бы дожить до завтра, лишь бы дожить...

Будильник, который он завел на шесть часов утра, чтобы рано подняться и начать новую жизнь, стучал так сильно, что отгонял нахлынувшие, было, дремы.

Моментами ему представлялась прекрасная будущность: он стройный и сильный, ловкими ударами сбивает с ног оскорблявших беззащитную девушку хулиганов, и та, улыбаясь ему благодарно сквозь слезы, берет его под руку, и они торжественно направляются ко Дворцу бракосочетания.

Вот он, в непринужденной позе, говорит сногсшибательные фразы своим насмешникам, правда, такие фразы он еще не придумал, но с завтрашнего дня начнет. Например: «Эй, вы, бросьте хулиганить!» или вот еще лучше: «Немедленно прекратить безобразие, как вам не стыдно!» Ну, в общем, что-то в этом роде, и тогда все его станут называть не Павлушей, а Павлом Ивановичем.

Наконец, устав ворочаться, Павел Иванович встал, нервно взял будильник и, нажав на кнопку, спрятал его в шкаф, чтобы он не тикал. «Для сна остается слишком мало времени», – размышлял он про себя. – «А спать так мало очень вредно. Пусть лучше разбудит Матрена, посплю лишних пару часиков», – он заботливо поджал губы и вздохнул. – «Что ж, а заниматься начну послезавтра. Лишь бы завтра пораньше лечь спать».

И, умиротворенный, он вновь прилег на диван, накрывшись одеялом.

Ночные сумерки окутали комнату. Что ему снилось ночью, неизвестно. Может быть, он ловил преступника, убежавшего через забор от ментов, может, ловко жонглировал двухпудовой гирей и от того чрезмерно утомился, только слышно было, как он часто стонал во сне. Видимо, и там ему было нелегко стать спортсменом и настоящим, уверенным в себе, самостоятельным человеком, которого все уважают.

.....

Москва, 2012 г.

Люська

Она старалась успокоиться и никак не могла, слезы как волны наплывали и наплывали откуда-то из самых сокровенных глубин ее взбудораженной и потрясенной души. Они заливали ее красивое юное лицо, застилали взор широко распахнутых страдающих глаз.

Слезы мешали ей, и она смахивала их с лица вместе с непослушными завитками волос, сосредоточенно вглядываясь сквозь оконное стекло на улицу, на тускло мерцающий у дороги фонарь, на летящий из черноты ночного неба первый снег, и плакала.

На плите закипал чайник, но она не видела этого.

Она плакала теми бесконечными, очищающими душу слезами, за которыми следовало ясное осознание того, что завтра и послезавтра, и вообще дальше она уже никогда не сможет жить так, как жила до этого.

– Люська, ты давай кончай выпендриваться. Я уже три раза кричу тебе в магазин сбегать, а ей хоть бы хны, – молодящаяся, еще довольно красивая женщина средних лет возмущенно глянула на старушку, сидящую на диване. Рядом с ней демонстративно независимо расселась Люська, с нарочитым вниманием вглядываясь в раскрытый альбом, который бережно держала в руках старушка, опасливо поглядывая на рассерженную женщину.

– Бабаня, а это кто? – ткнула она пальцем в фотографию, игнорируя фурию.

– Я кому говорю, стенке? – возвысила голос женщина, угрожающе подступая к дивану.

– Сходи внученька, не упрямясь, послушайся маму.

– Тоже мне мать нашлась, – фыркнула Люська, напряженно замирая и не поднимая глаз от альбома.

– Все нервы мне эта сволочная девчонка повыматывала, – замахнулась было на Люську женщина, но та вдруг как сорвавшаяся с места пружина взвилась с дивана и затрепетала вся перед женщиной, сверля ее ненавидящими глазами: – Только попробуй, ударь, – прерывающимся от волнения голосом ответила она женщине, и та не выдержала, обмякла.

– Ну и черт с тобой, пусть отец твой за хлебом бежит, – резко повернувшись, женщина устремилась из комнаты: – Федор, я больше не могу так жить. Приструни свою девчонку, или я не знаю, что сделаю с ней!

На кухне раздался грохот, звон посуды, мужской голос: – «Опять скандалите, неужели нельзя по-человечески жить, без ругани и криков?»

– «Вот ты и живи, тюлень, а я не могу».

– «Хорошо, я поговорю с ней», – миролюбиво увещевал мужской голос.

– «Вот и поговори. Глаза б мои ее не видели, – не успокаивался женский, – только это бесполезно, горбатого могила исправит...»

Соболезнующе глянув на напряженно слушающую кухонный диалог внучку, старушка вздохнула и захлопнула альбом. Девочка вздрогнула и взглянула на нее своими огромными карими глазами, сверкающими на побледневшем от возбуждения лице.

– Посмотрела бы мама сейчас на тебя, какая ты стала, большая, красивая, – снова вздохнула старушка, скорбно покачивая головой. – Ровно десять лет сегодня, как не стало ее. Как ты похожа на нее, только характером Светланочка мягкая была, покладистая, жалела она людей...

– Люся, опять ты мать до истерики довела, – укоризненно глядя на девочку, в комнату вошел полный, рано облысевший мужчина. – Надо как-то посдержаннее, поделикатнее что ли, – он тяжело присел рядом с ними, устало вздохнул. – Жить надо в мире, Люсенька.

Девочка упрямо опустила голову, скрывая подступившие слезы, на еще тонкой девчоночьей шее напряженно пульсировала жилка.

Отец со вздохом поднялся с дивана. – Пойду в магазин схожу.

– Сегодня десять лет Светлане, – тихо проговорила старушка, с опаской поглядывая на открытую дверь.

Мужчина замер на месте, капельки пота бисером покрыли лоб, лицо его страдальчески исказилось. – Не надо об этом, мама. Я помню, Инну не раздражайте, не любит она этого... – он вышел, прикрыв дверь.

Люська схватила альбом и стала лихорадочно перелистывать страницы, отыскивая нужные ей фотографии. Вот она, ее мать, рядом отец и еще какой-то мужчина. – Бабаня, кто это? – спросила она, ткнув в него пальцем.

– А, это Игорь Андреевич, – улыбнулась старушка, ласково проводя пальцами по изображению улыбающегося молодого красавца, – оператор, он все снимал Светланочку, хотел фильм документальный о ней сделать, да видать не получилось. Друзья они с Федей-то, отцом твоим, были, – она задумчиво смотрела на фото. – Скрывал, что тоже любил ее, а только видели все это, понимали. Как Федор женился второй раз, с тех пор и не бывал он у нас, Инна не любит друзей Федора, не жалуется.

– Почему, бабаня? Зачем она такая?

– Маленькая ты еще Люсенька, многого не понимаешь в жизни-то нашей грешной, – старушка с грустью посмотрела на внучку, на фотографию красивой улыбающейся женщины. – Светланочка, душа человек, – глаза старушки повлажнели от умиления.

Люська внимательно всматривалась в фотографию: добрые грустные глаза матери ласково смотрели на нее, как бы ободряя и поддерживая. Вздохнув, Люська захлопнула альбом. – Пойду я бабаня, обедать не буду.

– Что так? – всполошилась старушка, вставая следом за внучкой. – Обиделась, поди? Зря ты, Инну тоже понять надо, мальчонка болеет постоянно, нервный, одним словом, поздний ребенок. Ты уж смирись, потерпи пока. Уроки-то когда делать будешь?

Не ответив, Люська выскочила в коридор. Хлопнула входная дверь, старушка поспешила на кухню. – Инночка, ты не расстраивайся зря, девчонка еще, образуется. А тебе Толика на ноги поднимать надо, ох господи, жизнь наша суетная...

Женщина стояла у окна и молча протирала вымытую посуду. Увидев выскочившую из подъезда Люську, отвернувшись от окна, в сердцах воткнула тарелку на полку. В глазах ее блеснули слезы. – Устаю я, мама, ребенок больной, измучилась душой за него, изболелась, а тут она еще выкобенивается. Что я ей плохого сделала?

– Давай-ка помогу, доченька, а ты иди с богом, иди к сыночку-то, – старушка с жалостью посмотрела вслед торопливо ушедшей женщине. В дальней комнате заплакал проснувшийся ребенок. – О-хо-хо, что-то дальше будет? – завздохнула старушка, насухо протирая полотенцем очередную тарелку.

– «Старое ружье» в «Алмазе» идет, сходим? – высокий, модно одетый парень оглянулся на столпившихся возле афиши приятелей.

– Полный отстой, ты комедию ищи какую-нибудь, поржем хоть, – вертлявая бойкая девчушка вся в движении: густо накрашенные глаза постреливают по сторонам, пирсинг украшает ноздри, уши и даже язык, ноги в туфельках пританцовывают, руки теребят модный клач.

– Во, братаны, «Наследство» идет, – широкоплечий коренастый увалень в старорежимном прикиде радостно засмеялся, – пойдёмте посмотрим, потусуемся потом на набережной.

– Темнота, – Люська презрительно сверкнула в его сторону глазами, – на советские не пойдём, скукота. Или про работу или воспитывают, только западные, понял, Мишка? – она повелительно взглянула на высокого парня.

– Ес, – Мишка старательно разглядывал афишу. – Нашел! «Подонки» в ДК идут, шикарный фильм, полный улет, бежим? – возбужденный парень подхватил Люську под руку.

– «Ночные воришки», Франция, – торжественно объявила бойкая девчушка, победоносно оглядываясь на друзей-приятелей, – подходит взыскательной публике? И совсем недалеко, кинотеатр «Родина».

– Идем на «Воришек», – утвердительно кивнула Люська и, гордо встряхнув модной стрижкой, устремилась к автобусной остановке.

Едва протолкнувшись в переполненный автобус, компания шумно завозилась: – Граждане, уступите место, девушка только что из больницы, после операции, – жалобно запросил Мишка, подталкивая перед собой внезапно съезжившуюся Люську со страдальческой миной на лице.

Пожилая женщина торопливо поднялась с сиденья: – Садись доченька, осторожнее, – усадила она девушку под соболезнающие взгляды людей.

Рассевшись поудобнее, Люська победоносно взглянула на друзей и рассмеялась. Компания зафыркала, довольный собой Мишка презрительно оглядел обманутую публику, до которой только еще начал доходить смысл этого представления.

– Мальчики, сходим, – затолкалась к выходу бойкая девчушка, за ней бросились остальные. Возбужденная Люська выскочила из автобуса, и продемонстрировала перед одураченными зрителями замысловатый танец, дробно стуча каблучками по асфальту.

Двери захлопнулись, и автобус увез возмущенно загомонивших пассажиров. Смеясь и дурачась, ребята подбегали к кинотеатру...

Буфет кинотеатра переполнен. Группа парней в очереди проводила восхищенными взглядами стройную красивую девушку, гордо и независимо продефилировавшую к освободившемуся столику.

Люська привыкла к восхищенным взглядам, она знала цену своей нарождающейся красоте. Грациозно присев, она милостиво улыбнулась Мишке, и тот неудержимо протолкался к буфетной стойке, что-то доказывая и объясняя возмущенной очереди.

– Гламурненькая ты, – завистливо вздохнула подружка, – мэны так и млеют, последнее бабло выбрасывают, угодить хотят, – она обиженно отвернулась.

– Да брось ты, Маринка. Глянь на Серегу, он же втюрился в тебя, как последний кекс, – Люська захохотала, насмешливо глядя на засмутившегося крепыша. – Пойду Мишке помогу, – Серега встал навстречу другу.

– Ну вы даете, расселись тут, понимаешь, а я один должен сражаться со всей этой массовой, – Мишка сноровисто расставил бутылки с пепси, бутерброды, плюхнулся на стул рядом с Люськой, ожидая похвалы.

Она небрежным жестом взлохматила ему шевелюру, оглядываясь по сторонам. – Умница, Мишка, настоящий фрэнд.

Обласканный ею парень быстро наполнил пенящимся напитком бумажные стаканчики: – Прозит, пани и панове, – широким жестом пригласил он друзей угощаться. – И все же зря мы на этот фильм притопали, «Подонки» круче, – он вздохнул, – ребята рассказывали...

– Иди ты в баню со своими подонками, – вспыхнула вдруг Люська, бросая стаканчик на стол. – Зануда, блин, надоело слушать одно и то же, лучше в малый зал пойду, – она выскочила из буфета, Мишка за ней.

– Люся, постой, – увещевал он подругу, – мы же договорились не ходить на документалку. Вернемся в буфет, накатим, потусуемся, ребята обидятся.

– А ну вас, – Люська дернула плечиком, высвобождая руку, – лучше муру посмотрю, чем с вами дурака валять, – и она скрылась в темноте зрительного зала, захлопнув дверь перед самым носом озадаченного кавалера.

«Сердце, отданное людям» – вспыхнуло на экране название короткометражного фильма, замелькали титры его создателей.

Люська тоскливо вздохнула, огляделась, привыкая к темноте: «Зря я ребят обидела, и Мишку тоже, старался парень, в буфет без очереди, а я, дура, – она досадливо заерзала на стуле, сидящая рядом женщина недовольно глянула на нее. – Тоже мне, смотрит еще, фуфлыжница, – возмущенная Люська, громко хмыкнув, откинулась на спинку сиденья, – ладно, придется смотреть», – и вдруг она вздрогнула, напряженно замерла, выпрямившись, как струна, и завороченно глядя на экран:

А с экрана на нее взглянули знакомые, родные глаза. Певица пела какой-то всем известный романс, какой именно, Люська не могла вспомнить, да это было и не так важно для нее. Она верила и не верила своим глазам:

– Мама! – удивляясь и внутренне крича, прошептала потрясенная девушка и слезы показались по мгновенно вспыхнувшим щекам. – Да это же моя мама!

Юркий конферансье вынырнул откуда-то сбоку от певицы и, улыбаясь, объявил в зрительный зал: – А сейчас Светлана Малинина исполнит всеми нами любимую «Колыбельную».

Вот Малинина старшая запела. Ведь это она пела ей, маленькой Люське, которая сидела на ее концерте в первом ряду рядом с папой и бабушкой, и улыбалась им. Да-да, вот она улыбнулась, как тогда, в том далеком призрачном детстве...

... Маленькая девочка с бантами в косичках радостно засмеялась в ответ и, глядя то на папу то на бабушку, громко закричала: – Это наша мама поет, я к ней хочу, – она попыталась вскочить и бежать к своей маме, но папа наклонился к ней и строго прошептал: – Тихо Людочка, мама поет для всех, посмотри, сколько людей слушают ее...

... Люська повернула голову и как сквозь сон увидела, что у сидящей рядом с ней женщины повлажнели глаза. Она вздрогнула и снова, как утопающий, который хватается за воздух, стала следить за каждым жестом любимого образа. А он быстро убежал, таял, слезы мешали ей видеть, и лишь голос матери звучал, проникая в ожившее, трепетно забившееся сердце.

– «Мамочка, как мне тебя не хватает...»

Фильм кончился, вспыхнул свет. Люська сидела недвижно, глядя невидящими глазами на белое полотно экрана.

– Девушка, вы выходите, что с вами? – участливо наклонилась к ней женщина. Люська вскочила, смутно видя перед собой и, наткнувшись на людей, выбежала из зрительного зала.

– Люся, мы здесь, – бросился было ей навстречу Мишка, но она оттолкнула его и, чуть не сбив с ног изумленную Маринку, побежала к выходу.

– Что с тобой, Люся? – встревоженный Мишка догнал ее только на улице, поспешая рядом, заглядывая в ее искаженное, покрытое слезами лицо.

– Скажи, кто обидел тебя, я убью этого гада, – сжимал он кулаки, бледнея и волнуясь. Но она не отвечала и только бежала и бежала вперед, пока Мишка не остался где-то далеко позади, отстал, затерялся в толпе прохожих, недоуменно глядя ей вслед, но ее уже не было.

В парке было малоллюдно, тихо, сквозь ряды раскидистых, с полуоблетевшими листьями деревьев доносился шум уличного движения, мелькали на шоссе бесчисленные машины. Съежившись в комочек и дрожа, как от озноба, Люська одиноко сидела на лавке и, сжав кулачки, смотрела куда-то вдаль остановившимся потусторонним взглядом...

... Люська сидела за столом и готовила уроки. Сквозь раскрытое окно откуда-то неслись, проникая в комнату, звуки старинного русского романса.

Подошедшая бабушка погладила девочку по голове, прислушалась.

– Мама твоя пела этот романс, как сейчас помню, – она улыбку грустно, покачала головой. – Талант у нее большой был, оригинальный, все так и слушали, бывало, замерев от счастья.

Девочка вскинула на нее внимательные быстрые глаза: – Бабаня, зачем люди умирают? Мама ведь молодая была, а молодые не умирают. Вот ты старая, а живешь. Отчего умерла мама? А бабушка с дедушкой, деревенские, они умерли из-за мамы, от горя?

Старушка всполошилась: – Господи, что это со мной, совсем разболталась на старости лет, ты учи, учи уроки-то, не отвлекайся. Судьба такая у нас у всех, кому что на роду написано, так тому и бывать.

– А кто об этом знает, бог? Так его нет, нам в школе еще в первом классе объяснили: бога нет, – убедительно и раздельно, как маленькой, пояснила девочка старухе, с жалостью разглядывая ее морщинистое лицо, высохшие руки. – А ты все молишься, как убогая.

– Ну ладно, будет тебе, – недовольно забурчала старушка, – ты давай уроками своими занимайся, мала еще бабушку-то учить...

Девочка засмеялась вслед ушедшей старушке и вновь прислушалась: мелодичный грустный голос напевно повествовал о жизни, о любви. Где-то в глубине квартиры заплакал ребенок. – «Иду, иду, мой маленький», – в комнату заглянула молодая красивая женщина: – Люська, давай заканчивай уроки, в аптеку надо сбегать. Видишь, мне некогда.

– Бабушка сбегает, – огрызнулась девочка, придвигая к себе учебник. – У меня уроков много.

– Уроков много, а сама сидишь мечтаешь, – недовольно возразила женщина, – заканчивай побыстрее, – она заторопилась дальше по коридору. – «Иду, мой сладкий, иду мой хороший», – плач прекратился, раздался веселый смех, послышались поцелуи.

– «Мама умерла, а отец снова женился, смеется, братика Толика родили, почему он так сделал, привел эту Инну, мама говорит твоя, а какая она мне мама?» – девочка нахмурилась, отбросила учебник в сторону. Хлопнула входная дверь, Люська прислушалась: – «Наверное, отец, все торопится побыстрее с работы вернуться, к Инночке своей...»

– «А вот и я, – раздался в коридоре миролюбивый ласковый голос отца, – как вы тут живете-можете? Толик как себя чувствует?» – встревожено спросил отец. Быстрый скрип половиц пронесся мимо Люськиной комнаты, и девочка с иронией усмехнулась, приготовившись слушать дальше.

– «Феденька, здравствуй, как ты вовремя, надо бы в аптеку сбегать, – в жалобный голос мачехи вплелись недовольные нотки: – ее-то ведь не допросишься, ты бы поговорил с ней, не могу ж я разорваться, и туда и сюда. Маме твоей нельзя доверять, обязательно перепутает, не то купит, у Толика опять температура, горлышко покраснело...»

Скрип половиц приблизился, и Люська напряженно замерла, впившись своими огромными блестящими глазами в учебник, детские пальцы сжали ручку, приготовившись писать, дверь приоткрылась, вошел отец.

– Люсенька, это я, – тревожно улыбаясь, отец чмокнул дочь где-то возле уха, присел рядом. – Как уроки?

Люська посмотрела на его усталое, озабоченное лицо, потрогала морщинки возле глаз. – Папка, почему у тебя морщины появились? Прежде их не было...

Отец встревожено оглянулся: – Тебе показалось, – он вскинул брови, – видишь, нет ничего, как всегда.

– Нет, ты врешь, не как всегда, – Люська совсем не детским взглядом окинула лицо отца, – и лоб стал морщинистый, лысый, – она недовольно нахмурилась: – посмотрела бы мама, на кого ты стал похож...

Отец растерянно засмеялся: – Ну, будет тебе, совсем как бабушка, ворчунья моя, – он ласково обнял дочь, прижал к себе. Глаза девочки наполнились слезами, она отвернулась, скрывая их.

В комнату заглянула Инна: – Федя, в аптеку же надо...

Отец и дочь вздрогнули, отпрянули друг от друга. Девочка обиженно склонилась над тетрадкой. – Бегу-бегу, – отец потоптался чуть возле дочери, – Толик болеет, температура у него, – словно оправдываясь, добавил он.

– Иди уж, – буркнула девочка, провожая взглядом заторопившегося к выходу отца...

... Возле девушки присели двое парней, окидывая ее оценивающими взглядами, забалагурили о чем-то своем, небрежно развалившись и закуривая. Люська встала и медленно пошла по аллее. Парни вскочили было следом, о чем-то любезно расспрашивая ее и весело пересмеиваясь, но она не замечала их, и они отстали, недоуменно переглядываясь.

А Люська шла и видела не сквер, не прогуливающих по аллее людей, а видела она себя совсем-совсем маленькой...

... Заливисто хохоча, она бежит и бежит по лужайке, заросшей разноцветными полевыми цветами, травами, высоко в безоблачном небе искрится, сверкает солнце, откуда-то примчавшийся порывистый ветер шумит листьями, словно запутавшись в густой кроне деревьев. Девочке очень хочется и не хочется убежать от мамы, она оглядывается на бегу и падает вдруг, зацепившись за что-то ножкой.

– Не ушиблась, доченька? – ласковые руки матери бережно подняли девочку, отряхнули пыль с платица, и девочка засмеялась сквозь проступившие, было, на глазах слезы.

– Ну вот и хорошо, умница ты моя, – мать нежно улыбалась ей своими ласковыми карими глазами, напевая что-то бесконечно дорогое и близкое грудным, волнующим душу голосом...

В комнате странно тихо, большое трюмо в простенке почему-то завешано черной марлей, входят и выходят молчаливые взрослые, перешептываясь и переглядываясь, они подходят к столу, на котором спит ее, Люсина мама. Она очень бледна, убрана цветами, и никак не хочет проснуться.

Люська подбегает было к ней, привстав на цыпочки и заглядывая в лицо, но вездесущая, вся в черном бабушка тут как тут и, взяв ее за руку, отводит в сторонку, слезно шепча девочке: – Тихо внученька, нельзя бегать, пойдем в нашу комнатку, поспим, я тебе сказочку расскажу.

Люська оглядывается и видит мелькающее, словно тень, потерянное лицо отца среди людей, удивляется: – Папа, а почему мама так долго спит? – Она недовольно и обиженно хмурится, – я хочу, чтобы она сказку рассказала, ты не умеешь так, как мама, пусти, – вырывается она из бабушкиных рук, – когда мама проснется? – почти плачет девочка, смутно чувствуя в душе, что вокруг происходит нечто необычное и странное, страшноватое и жуткое.

Но бабушка настойчиво и ласково, почти как мама, укладывает ее в кроватку, напевая сквозь слезы, и девочка засыпает, заглядывая в окно, на бабушку. Губы ее шепчут: – Бабуленька, а почему ты плачешь?

Но крепкий детский сон уже смежил ее веки, дыхание стало ровным и спокойным. Слезинка из бабушкиных глаз упала нечаянно ей на личико, девочка вздрогнула, но не проснулась...

– Где мама, бабушка? Почему она так долго не приезжает? – допытывается Люська и настойчиво теребит бабушку за полу юбки. Старушка месит тесто в большой квашне, руки ее заняты, все в тесте, и Люське это страшно интересно. – Бабулька, а вдруг ты руки не сможешь разлепить, вдруг они к квашне прилепятся, они отмоются, бабуленька?

Она смотрит на пузырящееся, живое тесто, стонущее под проворными руками старушки, старательно уминающими его, и весело смеется, забывшись на время. Детство, лучшее время в жизни любого человека, но почему-то многие люди забывают в суете повседневной жизни о том, что взрослые – это бывшие дети.

– Беги, погуляй на улице, – грустно улыбается ей старушка, – сходи-ка к деду, посмотри, что он в сарае делает.

И девочка бежит во двор, к деду, большому и бородатому, она его слегка побаивается, но очень любит. Дед стоит у верстака и строгаёт рубанком длинную шершавую доску. Вьющиеся стружки выбегают из-под рубанка и, скользя, опадают на пол.

Люська подхватывает стружечные ленты и весело смеется деду. Отложив рубанок в сторону, дед присаживается на круглый чурбак и скручивает из газеты толстенную сигарку, закуривает, поперхнувшись густым дымом и громко кашляя. Вся наморщившись из сострадания, девочка смотрит на мучения любимого дедушки.

– Деда, ты же дымом подавишься, – она тоже кашляет, хлебнув порцию дошедшего до нее клуба сизого махорочного облака.

– Ничего внученька, прорвемся, где наша не пропадала, – трескуче смеется дед, разгоняя дым широкой, как лопата ладонью.

– А мы с папой скоро уезжаем, – издаликает девочка, – к папиной бабушке в город, домой поедет, а там и мама приедет, папа говорит, что мама в командировке, поэтому ее долго нет, правда ведь, дедушка? – она вопросительно и с надеждой смотрит на деда.

Тот молча кивает, крепко нахмурившись и так глубоко затягиваясь сигаркой, что она начинает скворчать и потрескивать, распространяя вокруг новые клубы дыма. Осторожно похлопав девочку по спине, он гасит сигарку, топчя ее сапогом, и встает.

– Беги-ка внученька в сад, поиграйся, а я поработаю пока, – он снова берется за рубанок и снова как по волшебству появляющиеся стружки падают на дощатый пол. Отложив рубанок в сторону, берется за фуганок...

А Люська бежит по знакомой лужайке, но теперь ей совсем не интересно. Она оглядывается в надежде, что увидит свою маму, но ее нет, и девочка горько и долго плачет, уткнувшись в белоснежный ствол высокой березы...

– Что с вами, девушка? Вас кто-то обидел? – Люська вздрогнула, опомнившись, и как сквозь туман взглянула на подошедшего к ней мужчину.

– Что с вами? – участливо спросил он.

Вокруг спешили люди, и Люська удивилась, увидев себя стоящей посреди улицы. – Извините, это так, – грустно улыбнулась она, – просто я задумалась.

Мужчина удивленно смотрел вслед девушке, пожимая плечами.

– Молодежь, – неопределенно хмыкнув, глубокомысленно изрек он.

Люська больше не плакала. Она шла, сосредоточенно поглядывая на прохожих и лишь морщинка, впервые прорезавшаяся меж нахмуренных бровей, выдавала напряженный ход ее мыслей...

– Bravo! – сидящий рядом с ними мужчина восторженно аплодирует певице. – Как она поет, словно в детстве побывал. Правда, здорово? – оглядывается он на папу. Маленькая Люська смотрит на него, на других улыбающихся вокруг людей, которые хлопают ее маме, и она тоже, переполнившись вся от избытка чувств, хлопает и хлопает в ладоши, вскакивая от возбуждения и наступая на ноги отцу с бабушкой.

Взяв ее за руку, папа пробирается к выходу, за ними торопится бабушка.

Вот они выходят с летней эстрады парка, и Люська видит спешащую к ним маму. Молодая женщина радостно улыбается им, прижимая к груди цветы.

А на эстраде стало шумно и сверхмузыкально: вокально-инструментальный ансамбль всю мощь западных усилителей распространял перед зрителями парка свое модное искусство.

Высочившие вперед волосатые юнцы в потрепанных джинсах дружно завывали на непонятном языке. Кривляясь и поддерживая свое пение фривольными телодвижениями, они засуетились у микрофона. На помощь к ним подбежала растрепанная девица: вскинув худые длинные руки и ангельски улыбаясь накрашенным, словно маска, лицом, она запела нечто весьма для нее трогательное на одной высокой тоскливой ноте.

Встревоженные ряды зрителей настороженно замерли, заплакал перепуганный ребенок, и лишь кучка толпившихся отдельно подростков восторженно приветствовала своих кумиров.

– Светланочка, когда ты поешь, я молодею, право молодею лет на пятьдесят, – смеется бабушка, глядя на сноху.

– Пойдемте быстрее, нам еще собираться, завтра в восемь утра машина придет, надо выспаться, – тревожится папа, торопя всех к выходу из парка.

– Мамочка, мы завтра в деревню поедem, к бабушке с дедушкой? – радостно удивляется Люська. – Это твои папа и мама, они деревенские?

– Не совсем так, но им нравится жить в деревне. Так что поедem, моя хорошая, на целое лето поедem...

– Ну, до свиданья, мои дорогие, приедem, напишу, не скучайте тут без нас, – папа обнял по очереди бабушку, маленькую и сморщенную, худого и длинного деда, взволнованно нахмурился, скрывая подступившие к глазам слезы. – А может, в город переберетесь, к нам поближе, я помогу.

– Жизнь наша здесь прошла, Федор, куда нам в город, зачем? Обуза для вас, и нам в тягость. Может, поживем еще, а погост тут рядом, за околицей, вот туда и переберемся, – пытался шутить дед, трясущимися руками вытягивая из кармана пиджака кисет с махрой, газету, намереваясь закурить, но махнул вдруг рукой и отвернулся, замер.

Бабушка заплакала, запричитала, прижимая к себе Люську. – Не увижу я тебя больше, внученька, помру скоро. Не забывайте нас, Феденька, одни мы остались с дедом-то...

– Ну, будет тебе, старуха, – закричал дед, снова хватаясь за кисет и лихорадочно сворачивая самокрутку, – раскудахталась, соседям на смех.

Они стояли на околице села, совсем неподалеку от их дома, грустно смотревшего на Люську своими маленькими подслеповатыми оконцами. Дом показался ей совсем старым, покосившимся набок, у забора стояла соседка, пожилая полная женщина, вышедшая проводить их, и махала девочке рукой, скорбно покачивая головой в темном платке.

Люськины губы задрожали, на глаза навернулись крупные слезы.

– Папа, давай останемся, не поедem домой, не хочу я от бабушки с дедом уезжать. Они старенькие, мы им помогать будем...

Вздывая облака пыли, подкатил грузовик. Папа вместе с шофером и дедушкой торопливо покидали в кузов чемоданы, узлы, бабушка еще раз обняла Люську, орошая ее слезами, дед ласково потрепал ее по голове шершавой рукой, обнялся с папой, прощаясь.

И вот Люська уже сидит в пропахшей бензином кабине на жесткой подушке сиденья, с испугом поглядывая на подрагивающие стрелки приборов, на большой круглый блестящий руль. Рядом с ней уселся папа. Лихо высочивший в кабину шофер с треском захлопнул дверцу, и весело подмигнул ей, мол, не робей, девочка.

Глухо заработал двигатель, грузовик дернулся и запрыгал на ухабах, увозя Люську с отцом по извилистой проселочной дороге в город, оставляя позади себя бабушку, деда, их дом, скрывшиеся за густыми клубами пыли, поднятыми колесами грузовика.

В красивой, современно обставленной комнате тихо, уютно. Люська подходит к детской кроватке и молча смотрит на посапывающего во сне младенца. Подрагивая ручками и ножками, он морщится, почуяв на лице полоску яркого света. Люська задергивает поплотнее штору, и в это время входит молодая интересная женщина в нарядном халате. Красивые волосы аккуратно уложены в пышную прическу, полное белое лицо хранит выражение довольства и покоя.

Увидев Люську, женщина встревожилась и зашипела: – Тебе чего надо? Иди в свою комнату, ребенка разбудишь, – она подтолкнула девочку к выходу в коридор.

– Я братика Толю хотела посмотреть, – заупрямилась было девочка, но была неумолимо выдворена из комнаты. Недовольно насупившись, она побежала жаловаться к бабушке.

– Бабаня, чего она толкается? Я братика пришла посмотреть, занавеску задернула, чтобы солнышко его не разбудило, а она выгнала меня.

Старушка сердобольно смотрела на взволнованную девочку. – Мама боялась, что ты разбудишь Толика. Ты же знаешь, как тяжело уложить его, – увещевала она внучку. Люська согласно вздохнула, присаживаясь рядом на диване: – Бабаня, а почему папа женился? Потому что мама умерла? У нее сердце остановилось, да? – она пытливо вглядывалась в бабушкино лицо.

Старушка заволновалась: – Будет тебе вспоминать-то, пойдем лучше посмотрим, что папа наш накупил тебе, – она взяла девочку за руку и повела за собой. В маленькой комнате у окна стоял новый письменный стол, на нем – портфель, учебники, тетради, карандаши и все остальное, необходимое первокласснице. Люська подбежала к столу и радостно засмеялась, оглядывая разложенное на нем богатство.

– Бабаня, а кто меня в школу поведет?

– Папа с мамой, кто же еще?

– Не хочу я с ними, лучше мы с тобой пойдем, хорошо?

– Ладно, там видно будет, – успокоила ее старушка, поглаживая по голове. Негромко захныкал, а затем громко заплакал проснувшийся ребенок. Они прислушались. – Ох, господи, болезный наш, все плачет и плачет. Ты уж не дерзи маме-то... – запнулась старушка, взглядывая на внучку. Та понимающе посмотрела на нее большими карими глазами.

– Пойду на кухню, ужин пора готовить, папа наш скоро с работы зайвится, кормить его будем, – завздыхала старушка, выходя из комнаты. – Глаза-то у нее точно как у матери, ох, сиротинка ты наша, – шептала она про себя, удаляясь. Девочка чутко слушала, внимательно глядя вслед бабушке.

А за окном стужались сумерки, вспыхивали окна квартир в домах, разом зажглись уличные фонари.

– Добрый день, дочка, – отец чмокнул Люську в щеку возле уха, взял дневник. – Ну-ка глянем, – полистал страницы. – Ого! Опять двойка по математике. Люся, ты же девочка, – укоризненно посмотрел он на дочь, – а девочкам полагается учиться хорошо и отлично.

– У меня задачка никак не решается, – Люська безнадежно взглянула в свою тетрадку и вздохнула: – неспособная я к математике.

– Ну-ка посмотрим, – отец присел рядом, взял учебник.

– Вот эта, – ткнула пальцем девочка. Сосредоточившись, отец стал внимательно изучать условие задачи.

– Федя, мы же опаздываем, – заглянула в комнату нарядно одетая, вся раскрашенная, расфуфыренная Инна.

– Сейчас, Инночка, задачку вот решить надо.

– Люся сама решит, она девочка взрослая, самостоятельная, правда Люся? – равнодушно улыбнулась она падчерице, – а мы в кино опаздываем, Федор, – с ударением в голосе настойчиво повторила она.

– В общем то задачка не трудная, покумекай и решишь, а нет, как вернемся, я помогу, лады? – Люська молча посмотрела на улыбающегося ей отца, и взяла учебник. – Ну, вот и хорошо, мы скоро придем. – Они вышли.

– «Мама, ты повнимательнее к Толику-то, поиграй с ним, Люся тоже пусть позанимается с братом, хорошо?» – послышался из коридора озабоченный голос отца. Люська злорадно усмехнулась. – Счас, поиграю, будто делать мне нечего, – она схватила учебник и, заткнув уши руками, забубнила:

– От пункта А до пункта Б...

...Люська взглянула на освещенные окна своей квартиры: вот мелькнула голова отца, мачехи, подошла бабушка и задернула шторы.

Было уже почти темно, холодно. Зябко поежившись, она подняла воротник плаща, присела на скамейку у подъезда. Она и не заметила, как подошла к дому, как пролетел день, она замерзла, устала. Но домой идти не хотелось...

Она еще не знала, что происходит с ней, но чувствовала в своей душе смятение, нарастающую тревогу, и вместе с тем в ней прочно поселилось чувство горького счастья, радости от сознания встречи с матерью, с ее образом в фильме, который ей посчастливилось увидеть...

...Стоящий на скамейке магнитофон выдавал самые современные ритмы. В компании разбитных старшеклассников и Люська, вызывающе красивая, хохочущая больше всех, громче всех. Парни смотрят на нее с вожделием, желая угодить, рассмешить, совершить для нее любой поступок. Для них она суперзвезда первого класса, и она знает это, привыкла. Подруги отчаянно завидуют ей, но несмотря на все их достоинства, Люськина красота затмевает собой все и вся.

После школы пойду в МГУ, на биофак, – Мишка Сомов насмешливо взглянул на коренястого Серегу, – а ты?

Ребята с интересом уставились на простодушно улыбающегося крепыша.

– А я пойду в армию, в десантники.

Ребята пренебрежительно загоготали.

– Тоже мне, блин, достижение, и так всех забреют, кто не откосит.

Высокий красивый юноша не спускал с Люськи глаз, хотя и знал необузданный нрав ревнивца Мишки Сомова, ее фрэнда.

– Я в ГИТИС сдавать буду, на актерский, – сказал он и заслужил одобрителный взгляд красавицы.

– Мишка, подкрути-ка бандуру, – повелительно приказала она, и парень тут же врубил ее на полную катушку. – Покажу вам новинку, эксклюзив, еще никто не видел, – и она вступила в середину мгновенно образовавшегося вокруг нее круга, выдав танец экстра-класса: она вертелась как юла, ритмично разламывалась на части, плавно и томно скользила по кругу, распахнув свои огромные карие глаза и придав им откровенно-застывающее выражение. Танец кончился. Бурно дыша, Люська плюхнулась на лавку.

Парни были в восторге, в экстазе, девчонки млели в завистливой истоме.

– Ребятки, нельзя ли потише, уже поздно, – попытался было урезонить их какой-то мужчина, но Люська только повела глазами в его сторону, и ребята угрожающе надвинулись на него, готовые по ее сигналу избить любого.

– Проваливай, папаша гребаный, пока цел.

– Люся, повелевай, какую судьбу ему готовишь?

Люська сжала кулак и показала большим пальцем вверх, что по древнеримским понятиям означало даровать жизнь. Ей было некогда, она трепалась по мобильнику, и потому была снисходительна.

– Повезло тебе, блин, топай до хазы к старушке своей.

Под гомерический хохот парней мужчина торопливо удалился, не ожидая от юнцов ничего хорошего, лишь бы унести ноги.

– Атас, ребята, он как бы в ДНД направился.

Люська закончила разговор и вскочила. – Пошли в парк, там актуальнее, – и компания дружно устремилась вслед за своей прекрасной предводительницей...

... Она стояла у окна на кухне и тихо плакала. А по стеклу медленно стекали капли, набежавшие от давно перекипевшего чайника, доносились до ее слуха голоса отца, его жены, плач брата из-за полуоткрытой двери. Из бабушкиной комнаты, заглушая споры, слышался drobный ритмичный стук швейной машинки, и так же медленно кружился над фонарем крупный снег, покрывая землю первым пушистым покрывалом, смутно белеющим в темноте надвигающейся ночи.

Голоса из соседней комнаты звучали все громче:

– «Ты до сих пор все в инженерах ходишь, а друг твой, с которым ты вместе учился когда-то, уже главный, и зарплата соответственно не как у тебя, многие в бизнес ушли, процветают, отпуска только за границей проводят, а мы?» – корил отца раздраженный голос мачехи.

– «Будет тебе, Инночка, лучше Толика уложи спать, ему давно пора, плачет ребенок, и потише, пожалуйста», – успокаивал ее расстроенный голос отца.

– «Что потише, я у себя дома уж и сказать ничего не могу, – сварливо огрызалась мачеха, – ты лучше свою доченьку-красавицу утихомирь, много на себя берет в последнее время. Да и мамаша твоя все про Светланочку вспоминает, все забыть ее никак не можете, а я мучиться должна тут с больным ребенком», – плаксиво зарыдал сменивший тембр голос Инны.

Люська напряженно вслушивалась, глаза ее сухо заблестели.

Стук машинки смолк, вышла бабушка. – «Все спорите, о мальчонке лучше побеспокойтесь, время позднее, а он все не спит, расстраивается из-за вас», – голос бабушки звучал с душевной болью. Плач усилился, перешел в надрывный, затяжной, истерически захлебывающийся крик.

Люська не выдержала, сорвалась с места, распахнула дверь в комнату:

– Прекратите ругаться, как вы не понимаете? Я же маму сегодня видела, мою маму! А вы ругаетесь. Пойдем Толик, я тебе сказку расскажу, – она обняла мальчика и лихорадочно расцеловала его мокрое от слез лицо, – мне ее в детстве мама рассказывала, пойдем братик, не плачь, – и она повела внезапно умолкшего мальчугана в спальню, уложила его в кровать и, присев рядом, тихим проникновенным голосом начала рассказывать сказку.

Мальчик удивленно и с благодарностью смотрел на нее, на его бледном худеньком личике засветилась сквозь слезы слабая улыбка, он слушал и успокаивался постепенно. Дыхание его стало ровным, покрасневшие глаза закрылись, и он стал засыпать, нервно вздрагивая иногда всем телом.

А Люська рассказывала ему сказку истоиво, с наслаждением: конек-горбунок взмывал в безоблачные выси и уносил Иванушку за сказочной жар-птицей, за мечтой, за прекрасной царевной. И вот уже девушка поет колыбельную песню, как когда-то пела ее мать, и мальчик уснул, раскинув ручки.

Печальные лошадки на настенном детском коврикe довольно улыбаются Люське, одобрительно кивают ей, и Люська счастлива: она и поет и плачет, а слезы омывают ее разгоряченное, радостное лицо.

Пораженные отец с мачехой столбняком застыли посреди комнаты, горько и радостно одновременно плачет бабушка, морща и без того морщинистое лицо, но Люська не видит всего этого.

– Ее надо психиатру показать, – опомнилась, наконец, Инна.

– Помолчи, прошу тебя, – муж так взглянул на нее, что она потерянно поникла, сознавая, что говорит гадость, и не имея в себе сил погасить ненависть, злость, досаду. Она заплакала, кусая губы и прижимаясь спиной к стене. Впервые она растерялась, не зная, что ответить мужу.

А Люська встала и, поправив на брате одеяльце, тихо вышла из комнаты, прошла к бабушке, раскрыла альбом, лежащий на столе, и долго смотрела на любимую фотографию. На ней молодая улыбающаяся мама, в центре стоит маленькая смешная Люська с огромными бантами в косичках, молодой отец весело, с довольной улыбкой взирает на нее с фотографии, пышный чуб кудрявится над его высоким, гладким лбом.

– Как мне жить дальше, мама? – шепчет девушка, вглядываясь в ее лицо.

Она снова выходит на кухню, подходит к окну: так же мерцает фонарь в темноте, так же падает из ночной мглы снег, бесчисленные снежинки роятся, мечутся в призрачном свете, но Люська не плачет уже, она улыбается.

Губы ее шепчут что-то тихо-тихо, она смотрит на улицу и вдруг видит знакомые, родные глаза. Они проступают сквозь стекло, ночной мрак, они плывут, как облака над золотыми перьями берез, над синими зеркалами озер, и разноцветными коврами трав на лугах, над ее старым деревенским полузабытым домом, они приближаются и словно растворяются в ней, вспыхнув перед глазами ослепительно ярким озарением ее душевного прозрения. Наконец-то это случилось.

– Мама, как мне тебя не хватает сейчас, если бы ты знала, – шепчет девушка побледневшими от волнения губами. – Я знаю, ты не умерла, ты просто ушла в мир иной, я не хочу верить в смерть, для меня ты всегда жива, и я так счастлива. Ты веришь мне?

– «Верю, моя девочка. Меня нет рядом с тобой, но я в тебе, в твоей памяти, в твоём сердце. Я долго ждала этого момента, и теперь я тоже счастлива. Ты должна любить жизнь, людей, я верю в тебя, и теперь я спокойна».

– Я буду стараться, мамочка.

– «Вот и чудесно. Я спую тебе романс, послушай, моя девочка...» – голос матери запел, как когда-то, в том далеком призрачном детстве.

Он пел только ей, только для нее, и в то же время для всех людей, пел о жизни, о любви, и Люськина душа вдруг обрела спокойствие и гармонию.

Теперь она знала, видела свою маму, чувствовала ее всем своим истосковавшимся сердцем.

Даже мачехе своей она посочувствовала, нелегко ей приходится с больным ребенком, с ней, Люськой.

И отец между ними мечется, его тоже жалко. Ей стало всех жалко, на глазах выступили слезы, то были слезы очищения и надежды.

Еще у нее есть настоящий друг, Мишка. Это конечно не тот сказочный принц, о котором мечтают все девчонки, но он всегда рядом, и сегодня вечером пригласил ее на дискотеку в ДК. На завтра.

Слезы высохли на глазах, и Люська засмеялась, сердце ее забилось в предчувствии чего-то очень хорошего, что ожидало ее в будущем.

И она пошла к себе, надо немного поспать, чтобы утром началась ее новая настоящая жизнь.

.....

Москва, 2013 г.

Мишкина невеста

Как только он приехал из очередной командировки домой, на следующий же день решил навестить своего армейского друга, Мишку Савина. Так уж получилось, в круговерти семейной жизни, работы, он, было, даже забыл на время, что у него есть милый сердцу дружбан, с которым связано столько теплых воспоминаний.

Друг его жил в Черемушках, на Новочеремушкинской улице, это пара остановок на автобусе от метро «Академическая», или пятнадцать минут хорошего хода до дома друга. Сам же Иван – в десяти минутах ходьбы до метро «Проспект Вернадского», далековато друг от друга. Хотя, по московским меркам, около получаса езды на транспорте, это норма, сущий пустяк, особенно для молодого парня лет под тридцать.

Выйдя из метро «Профсоюзная», он решил пройтись пешком по местам, где прошла часть его буйной послеармейской молодости. Он вспомнил, как они познакомились, в больничной палате военного госпиталя, в Солнечногорске, под Москвой. Иван служил в войсках ПВО, недалеко от станции «Белые столбы». Во время очередной тревоги, ночью, когда солдаты его отделения расчехляли ракету и устанавливали ее на пусковой стол, Иван неудачно поскользнулся в спешке и упал, ударившись головой о бетонку.

Так вот, с гематомой на правой височной части головы и сотрясением мозга он был доставлен сначала в медсанчасть, а потом и в госпиталь. В палате было скучно, и после процедур кто спал, а кто шел перекурить в ожидании обеда, или ужина. В курилке было как в парной, но Иван разглядел в дыму веселого крепыша, который отпускал шутки направо и налево, и рассказывал скабрзные солдатские анекдоты, от которых у обычного интеллигентного гражданина, не говоря уже о гражданке, заложило бы уши от стыда и неловкости. Но только не в солдатской курилке, где собрались выздоравливающие защитники отечества.

Среди мата, хохота и гогота Мишка чувствовал себя, как рыба в воде. Они познакомились, и сразу же подружились. Так бывает. Ребята быстро шли на поправку. Иван в своей части по совместительству с военной профессией оператора наведения был еще и художником красного уголка батареи, поэтому нарисовал красочную стенгазету для госпиталя, и оформил стенд в связи с 50-летием Советской власти, рассчитывая на поощрение. Мишка помогал, в основном, шутками и анекдотами. Он был комиссован из армии, по какой-то непонятной ребятам статье, а Иван получил отпуск на целый месяц, для реабилитации, как и предполагал. И они расстались, обменявшись адресами. Как думали, навсегда.

Приехав в родной город Алатырь, Иван сразу же направился к своей бабуле. Он шел пешком от станции, не выходя на привокзальную площадь, по шпалам. Так было проще и ближе. Слева от железнодорожной линии раскинулось алатырское подгорье, а справа тянулись в гору улочки и переулочки, ведущие в город.

Бабушка встретила его слезными объятиями, усадила за стол, и потчевала, чем бог послал. Из ее рассказов он узнал, что отец пьет беспробудно после развода, мать с братиком Вовкой и новым мужем уже давно проживает в Мурманске, так что ему лучше оставаться дома, у бабушки, где он родился и вырос.

– Да я и не собирался никуда идти, бабуленька, – Иван обнял свою бабушку за плечи, и только теперь разглядел, как она усохла вся, съезжилась, постарела. Ему стало нестерпимо жаль ее, да и себя тоже. Никому они с ней не нужны.

– Ничего, не плачь, не пропадем. Вот отслужу, приеду к тебе насовсем, на завод устроюсь, и заживем потихоньку, не хуже других.

Бабушка согласно кивала головой в платочке, затем ощупала его мундир, шинель на вешалке: – Добротнай матерьял-то, поди недешевый.

– Так нам все равно бесплатно выдают, – беспечно отмахнулся внук, позевывая.

– Устал поди, сейчас постелю, отдохнешь. Кровать-то твоя так и стоит на своем месте у окошка, как всегда. На кладбище к деду нашему хожу, за могилкой прибираю, – рассказывала она внуку, и он сонно кивал ей в ответ, улыбаясь. Наконец-то он дома...

Краткосрочный отпуск закончился быстро. С отцом он не увиделся, тот уехал куда-то на заработки, сотоварищи. Зато встретился с другом Борисом, на радостях они крепко выпили: бутылку водки с пивом, ерш по-нашему. Как говорили мужики, водка без пива – деньги на ветер. Потом завернули в ДК, на танцы. С кем-то не поделили девчонок, завязалась драка...

Очнулся он уже утром, дома у бабушки. Как добрался до дома, не помнил, был на автопилоте. Бабуля охала и причитала, отпаивала его рассолом, чаем с вареньем...

Вернулся в часть, и завертели-закружили его суровые армейские будни. А тут и службе конец. Аж не верилось.

Долгие годы потом ему снился иногда один и тот же сон: будто вызывают его снова в военкомат и призывают на военную службу. «Так я уже отслужил, не имеете права!» – кричит он, и слышит в ответ: «Надо отслужить еще один срок, для пользы страны. Так-то, сынок». В ужасе он просыпался, и долго не мог прийти в себя, хотя уже и осознавал, что это был всего лишь сон.

Написал письмо матери в Мурманск, и она выслала ему на дорогу и на первое время шестьдесят рублей. Писала, чтобы экономил, денег у них нет, сами перебиваются, как могут, сынок у них родился еще один, поскребыш, назвали Игорьком. Живут в одной комнате, в коммуналке, впятером, работают. Вова, брат его, учится плохо, прогуливает уроки, не слушается. Но Ивану было не до них. Еще бы, конец службе.

Весь при параде, в новом дембельском мундире, на груди сверкают начищенные знаки воинской доблести: отличник советской армии, специалист второго класса, воин-спортсмен второго разряда, первый юношеский разряд по легкой атлетике он заработал еще до армии, в шинели и новой дембельской шапке он приехал в Москву. Доехал на метро до «Академической», и вот он в Черемушках. Быстро разыскал улицу, дом, подъезд, где проживал его дружба по госпиталю, взбежал на пятый этаж, и нажал на кнопку звонка, полный радостных предчувствий и ожиданий.

И они не обманули его. Дверь квартиры вскоре распахнулась, и в проеме нарисовался он, Мишка Савин. Хмурое выражение лица сменилось сначала удивлением, затем он озарился недоверчивой улыбкой, разглядывая нарядного дембеля.

– Что, не признаешь? Небось, забыл уже про старого друга, – ворчал Иван, скрывая радость от встречи и протискиваясь с чемоданчиком в прихожую.

– Ванька, неужели ты, ек макаррок? – наконец, дошло до Мишки, и он заключил друга в медвежьи объятия. – Дембельнулся, наконец? Ну, молоток, что догадался прямо ко мне приехать, не забыл нашу курилку. Сколько мы там копий поломали в спорах да мечтах о гражданке, – тискал он друга, польщенный его приездом. – Как добрался-то?

– Язык до Киева доведет, да еще солдатская смекалка.

– Мама! Ко мне друг армейский приехал, – закричал Мишка в квартиру, и из кухни показалась дородная тетка с золотыми зубами, улыбаясь Ивану Мишкиным лицом, так они были похожи с сыном.

– Ну, проходите, чево в дверях застряли. Раздевайся, как раз к обеду нагрел. Отметим встречу друзей, как положено.

– Старый служака, знает, когда приходить, – хлопал Мишка по плечу друга, ставя его чемодан в угол, пока тот снимал шинель, и препровождая на кухню, где на столе у окна уже дымился обед, во главе которого стояла бутылка водки.

В разгар обеда хлопнула входная дверь, и на кухне появился маленького роста мужичок с седым чубом. Он тут же присел к столу и опрокинул стопку водки, прежде чем начать говорить и слушать. Занюхал коркой черняшки вместо закуски.

– Это мой армейский дружок, Иван, помнишь, я рассказывал вам с матерью о нем, – представил Мишка своего друга отцу, и тот протянул Ивану крепкую мозолистую длань:

– Зови меня дядя Вася, а ее тетя Маша. Что, прямо из армии? Ну, будем, – и дядя Вася опрокинул очередную стопку в свой щербатый рот, стал жадно хлебать щи.

На столе, как по мановению ока, появились еще две бутылки водки. Иван захмелел с непривычки, но виду не подавал, рассказывал о службе, все слушали его с уважением, поглядывая на сержантские лычки на погонах, и значки на груди.

– Я вот тоже, всю войну в шоферах прослужил, ети ее в дышло, – икнул дядя Вася, – и ничего, жив остался. – Вынул из кармана штанов пачку папирос и закурил, кашляя.

Вскоре дядя Вася задремал сидя, и Мишка увел друга в свою комнату. Обстановка там была простая, зато на журнальном столике у окна Иван увидел предел своих мечтаний – двухдорожечный магнитофон «Яуза». Мишка догадливо ухмыльнулся и нажал кнопку: голос Тома Джонса всколыхнул тишину, и прибавил настроения друзьям.

– Надо тебя приодеть, Ванька, пока ты в столице, – Мишка открыл свой гардероб, и вот уже Ванька в штатском: в брюках, свитере, нашлись еще одни полуботинки, а форма его уютилась на стуле в уголке. – Теперь порядок. Сейчас мы на свиданку поедем, к одной крале. Я тут недавно на Арбате с ней познакомился, случайно. То да се, пятое десятое, и она меня в гости позвала. – Нашлось и пальтецо с шарфом, с шапкой дело обстояло хуже. Не было еще одной шапки. Отцова не подошла, мала, хоть ты тресни.

– Ничего, я без шапки, чай не привыкать, – беспечно отмахнулся Ванька, и они устремились на улицу, оставив подвыпивших родителей на кухне. Там Мишкина мать отчитывала мужа, и тот покорно икал в ответ.

– Батя шофером работает, устает, – оправдал отца Мишка, и Ванька согласно кивнул в ответ. Чего-чего, а уж родительская ругань ему не в новинку.

До Арбата они добрались быстро, Мишка как-никак москвич, и Москву знал не хуже, чем Ванька свой Алатырь. Было морозно, и волосы дембеля заледенели, но быстро оттаяли в теплом подъезде дома. На звонок двери в квартиру им открыла миловидная девушка. Предложила раздеться, и проводила в гостиную.

– Вот, дружбан мой из армии нагрязнул нежданно, пришлось его с собой забрать, не оставлять же одного дома, – оправдывался он перед девушкой, стараясь не дышать в ее сторону. Она понимающе кивнула подвыпившему кавалеру, хотя это было ей неприятно.

– Светлана, – улыбнулась она Ивану, и он крепко, поармейски пожал ее протянутую руку, она поморщилась, но стерпела.

Друзья огляделись. Квартира была большая, с картинами в дорогих рамах на стенах, на полу – ковры, в гостиной – круглый стол, накрытый по случаю встречи на две персоны, и Светлана быстро поставила рядом еще одну тарелку с приборами. Включила цветной телевизор, и ребята переглянулись: кучеряво живут, прямо как буржуи.

– Предки мои за границей работают, я одна за хозяйку. Так что не стесняйтесь.

Мишка толкнул Ваньку в бок и кивнул на его штаны, прошипев:

– Ширинку застегни, увидит.

Ванька опустил глаза долу и, увидев вывернутую в спешке, когда одевался, ширинку, быстро застегнул ее на пуговицы, слегка отвернувшись к стене.

Светлана почему-то засмеялась, и пригласила друзей за стол: легкие закуски, фрукты, сухое вино резко отличались от их недавнего кухонного застолья, и они чинно сидели, разговаривая о пустяках и, слушая девушку, поддакивали. Потом она поиграла на пианино, и даже спела, но они оживились только тогда, когда она поставила пластинку и включила проигрыва-

тель: Полад Бюль-Бюль Оглы азартно запел про шейха в горах, и друзья снова развеселились. Иван попросил бумагу, карандаш, и быстро набросал на листке портрет хозяйки квартиры.

– Похоже, надо же, – обрадовалась она и улыбнулась художнику. Польщенный Ванька тут же протянул ей рисунок: – Дарю, на память о нашей встрече.

Мишка тоже был рад успеху друга...

Наутро они опохмелились бутылкой портвейна, из загашника Мишкиной матери, под легкую закуску, и песни Тома Джонса, затем пошли на улицу, где Иван познакомился с Мишкиными друзьями-приятелями возле винного магазина, и понеслось-закрутилось веселье, какая уж там шапка и мороз, не до них...

Вскоре деньги у Ивана кончились, и он послал телеграмму матери в Мурманск. Ответ пришел быстро: денег больше нет, надо экономить те, что есть, и ехать домой, к бабуле в Алатырь. Устроись на работу, Ваня, напиши, а то мы беспокоимся за тебя.

Мишка молча прочитал и хмыкнул, хлопнув друга по плечу: – Не журишь, а друг у тебя на что? Выручу. Меня недавно братан старший, Виктор, халдеем устроил в пивной бар, к себе, так что мани-мани-мани, – пропел он, – наполнят наши карманы.

– А халдей, это кто? – не понял Иван, уважительно и с надеждой глядя на преуспевающего в жизни друга-москвича.

– Вот съездишь домой, покантуешься там, сколько надо, и давай возвращайся ко мне. Устрою тебя тоже к нам на работу. Тогда и поймешь, как надо жить. Это тебе не в Алатыре слесарем на заводе горбатиться. Не обижайся, я же по-дружески, от души...

Иван не заметил, как дошел до метро «Академическая», и огляделся. Давно он уже не бывал здесь. Время летит быстро. Улицы, дома, газоны и деревья вроде бы все те же, и в то же время они как-то видоизменились, что ли. Время уже другое, и люди другие. Мода другая. Только девушки всегда молоды и прекрасны. Он улыбнулся проходящим мимо него девушкам, и они неожиданно для себя улыбнулись ему в ответ. Даже оглянулись, может, это знакомый кто, а они не узнали. И вспомнились ему стихи Константина Ваншенкина.

«Где-то видел Вас, а где не знаю
И припомнить сразу не могу
Все же неуверенно киваю,
Даже улыбаюсь на бегу.
Сдержанно и чуть недоуменно
Вы мне отвечаете кивком,
То же вспоминая напряженно
Вам знаком я, или не знаком.
Пять минут тревожит эта тайна,
Да и то конечно не всерьез,
Просто где-то видел Вас случайно,
Двух-трех слов при Вас не произнес.
Никакая память не поможет —
Нет! Не помню Вашего лица.
А ведь кто-то Вас забыть не может,
И не позабудет никогда!»

...Мишка проводил его, как и обещал. Купил билет, и на Казанском вокзале они распрощались. Иван поехал домой в Алатырь, а Мишка поспешил на работу, зарабатывать мани. Иногда они думали друг о друге, и знали, что обязательно встретятся вновь.

И вот Иван опять идет по шпалам домой, к бабушке, только уже не в отпуск, а насовсем. Он оглядывался по сторонам, и жадно вдыхал родной алатырский воздух, предчувствуя, что его впереди ждет много интересного в жизни на гражданке.

Предчувствия не обманули его.

Бабушка была счастлива, что вернулся домой любимый внук, хозяин. Он же был неприятно удивлен тем, что она впустила квартирантов, две молодые женщины встретили его радушными улыбками, помогая бабушке накрыть на стол.

– В тесноте, да не в обиде, – внушала бабуля внуку за праздничным столом. – Это мои землячки, из села, где я родилась. На релейном заводе работают, в сборочном цехе. Хорошо зарабатывают, и хозяйки хоть куда. Вон, младшенькая, Анюта, чем не невеста?

Анюта мило улыбалась Ивану, да и старшая, Валентина, была хороша бабенка. Бывшему солдату, истосковавшемуся без женского пола, льстило их внимание...

Наутро он пошел в военкомат, вставать на учет. Там и познакомился тоже с дембелем, Колей Васильевым. Видный парень, балагур и весельчак. Они сразу же стали, не разлей вода. Выйдя из военкомата, повеселели, а ноги сами понесли их прочь.

– Пошли к нам, с мамой познакомлю. Она к обеду картошечки наварит, с майонезом, – Коля причмокнул губами в предвосхищении обеда, Иван тоже сглотнул голодную слюну, и они прибавили шагу.

– С майонезом? – переспросил Иван, юморя, – это что такое, почему не знаю?

– Попробуешь, за уши не оттащишь, – хохотнул Николай, ценивший юмор.

Новый друг проживал в бараке за ДК, в который Иван с Борисом раньше частенько навещали на танцы. Комната на первом этаже была узкая, как пенал, с одним окном и с такой же кухонькой. Кровать, диванчик, и стол с шифоньером. Едва протиснуться. Зато уютная. Мать Коли была сухонькая, пожилая женщина, но шустрая и веселая. Она мигом поставила все, что было, на стол, и бывшие солдаты с аппетитом налегли на картошку с майонезом, соленья. Попили чаю с вареньем.

– Спасибо, тетя Настя, – Иван довольно улыбнулся. – Вы как моя бабуля, такая же хлебосольная. А я майонез раньше не пробовал, вкусно.

– А то, я же говорил, – подмигнул ему Николай, вставая из-за стола. – Моя мать в майонезном цехе работает, так что майонезом нас обеспечит. Ешь, не хочю. А теперь побежали дальше. Дел у нас, невпроворот...

И действительно, дел было много, но они успевали все и везде: и на релейный завод устроились слесарями, и с девчонками знакомились без разбору, ходили по гостям, на танцы в ДК. Николай хорошо, с огоньком играл на гитаре и пел песни из репертуара «Битлз» по-английски, и отбоя от друзей и невест не было. Иван познакомил друга с Борисом, побывали они и у отца дома. Он встретил их радушно, с утра был еще трезв.

– Привет, сын. Слышал, ты из армии вернулся. Что же домой не пришел, я как-никак твой отец.

– Я у бабушки пока живу. На работу устроился, вместе с Николаем.

– Молодец. Бутылку принесли? Надо отметить ваш дембель. Я сам фронтовик, знаю на деле, что такое война и служба.

Ребята улыбнулись, и выставили на стол заранее закупленный литр водки, и вина.

– Вот это другой коленкор, – обрадовался отец...

Бабушка купила внуку с пенсии шапку-пирожок, друг детства Васька Устименко дал ему денег на ботинки, а Коля Васильев, как заправский сапожник, нарастил на новых ботинках каблучки по моде, и поставил на них набойки, чтобы дольше не стаптывались. Старое Ванькино пальто с шалевым воротником было еще впору, и он уже щеголял по городу в штатском, мечтая как можно быстрее заработать денег, и одеться поприличнее.

Коля Васильев мечтал о море, так как служил в Калининграде, в морской пехоте. Иван тоже был романтиком. Они сидели в комнатке у Николая, мать его была на работе, и они выпивали, и мечтали, и верили, что все у них сбудется, ведь вся жизнь еще впереди.

– Давай махнем на Север, в Архангельск, или в Мурманск, устроимся на тралфлот, рыбу будем ловить по всем морям и окиянам, девчонки в портах все наши будут.

– Попутно, в Москве все равно пересадка, к моему дружбану заедем, Мишке Савину. Познакомитесь, он парень что надо. А после дальше рванем, – Ивану хотелось как можно быстрее осуществить задуманное.

– Точно. В этой слесарке одни мозоли заработаем, а там нас ждут деньжищи. Знаешь, сколько морячки-рыбачки зашибают? Уйдут на полгода в море, а вернутся – деньги девать некуда, – Колька схватил гитару и рванул струны, запел песню любимых «битлов» про девчонки, и любовь к жизни. Отбросил гитару.

– Побежали в ДК, на танцы опоздаем! – они вскочили, и рванули на улицу, благо ДК был совсем рядом, за углом на площади.

В начале весны они уволились с завода, получили расчет, успокоили своих родных, как умели, и в путь-дорогу. Бабушка всплакнула, провожая его, запричитала, что больше они уже не увидятся. Он успокаивал ее, как мог, говорил, что заработает денег, и вернется к ней снова. Тогда он не знал, да и не мог знать, что больше никогда не увидит свою бабулю живой. Он просто не думал об этом. Всему свое время.

В Москве они сначала разузнали расписание поездов на ленинградском вокзале, в направлении на Архангельск и Мурманск, потом побегали по магазинам, улицам и площадям, взяли пару бутылок портвейна и, подустав, объявились возле Мишкиного дома. Как оказалось, на ловца и зверь бежит.

Мишка сидел с друзьями на лавочке в сквере, рядом с домом. Припекало весеннее солнце, пели птицы, настроение было чудесное, и вдруг он увидел Ивана.

– Ба, кого я вижу! Мне мать вчера талдычила, что скоро Ванька объявится, а я не верил, дурак. Моя мать зря не скажет, пророчица! – заржал он вместе с друзьями, вставая с лавки. – Да еще не один, в содружестве с товарищем.

Состоялась радостная встреча друзей, знакомство с Николаем, который сразу же пришелся ко двору, вовремя выхватив из карманов бутылки с португальским напитком, произведенным в России. После выпивки Мишка со вниманием выслушал грандиозные планы друзей, но их восторгам не поддавался, а даже охладил пыл идеалистов-романтиков прозой настоящей жизни.

– Это конечно здорово, море там, и все такое прочее. Однако там пахать будете, как папы Карло, да болтаться в море на суденышке целых полгода, каторга это. У нас был один такой же романтик, как вы, поехал на Север, а вернулся больной и без денег. Пьяного обчистили, всего и делов.

Соседи-москвичи поддержали его выступление одобрительным смехом, а Иван с Николаем слегка опешили от услышанного, но не сдавались.

– Так надо с умом действовать, – усмехнулся Николай, – тогда не обчистят.

– Вот именно, что с умом, – парировал Михаил, поглядывая на Ивана. – Зачем за сто верст ехать киселя хлебать, когда здесь, в Москве можно устроиться, и жить припеваючи, весело. За романтикой погонишься, без штанов останешься.

Вокруг опять рассмеялись. Мишкин авторитет был непререкаем.

– Вот что, давайте прошвырнемся в магазин, горючего еще закупим, и продолжим нашу дискуссию.

Компания вывернула со двора на улицу, где рядом с гастрономом толпилась галдящая очередь из домохозяек, желающих отовариться свежими овощами и фруктами. Вовсю работал

выносной прилавок, за которым громоздились ящики с товаром, а во главе его возвышалась внушительная фигура тети Маши, Мишкиной матери. В ватнике и когда-то белом переднике, она ловко и быстро взвешивала овощи на весах, объявляла цену, и покупательница с сумками удовлетворенно отваливала в сторону.

– Следующая, вам сколько картошки? – громогласно спрашивала тетя Маша, сверкая золотыми зубами, и проворно орудуя у прилавка.

– У твоей мамыши бенефис, товар завезли, – одобрительно подшутил сосед, модно одетый здоровяк, и подмигнул приятелям.

– А што, поторгует денек-другой, на хлеб с маслом заработает, – подтвердил Мишка, нисколько не обижаясь. – Мы вроде бы в винный собирались, не забыли?

И компания направилась в винный отдел гастронома, замыкающими были Иван с Николаем, как новички, оставив позади себя торговую точку, у которой разгорелся, было, скандал, но тетя Маша быстро усмирила недовольных.

– Вы мне триста граммов недовесили, а взяли за два с половиной килограмма, я все вижу, меня не проведешь, – возмутилась низенькая толстуха в ярком пальто и модной шапке. – Перевесьте, я на вас жалобу напишу.

– Пишите! – не испугалась тетя Маша, хватая вилок капусты и снова швыряя на весы: – Видите, два с половиной килограмма, точно. Я еще в убытке осталась, а она тут корчит из себя, очередь задерживает.

Очередь заволновалась. Кто-то поддержал толстуху, а кто и наоборот:

– Проходи, давай, не задерживай. Из-за ста граммов капусты скандалит, скупердяйка несчастная.

– Курица по зернышку клюет, а к вечеру сыта бывает...

Ночевали гости в Мишкиной комнате, на полу, на матрасе. Сам хозяин, поглядывая на них с дивана, громко зевал, пока не захрапел. Но бывшим солдатам все нипочем, главное, они не на вокзале, не на улице кантуются, а в квартире со всеми удобствами.

Поутру, за завтраком в виде яичницы, и под песни громогласного Тома Джонса, друзья порешили, чем на Север ехать, киселя хлебать, для начала надо устроиться на работу в Москве. А там видно будет. Мишка позвонил другу, который работал водителем на самосвале, и тот объяснил, что заводу рядом с их базой позарез нужны работники по лимиту. Договорились о встрече через час.

Друг оказался высоченным парнем, бывшим моряком, он подкатил к дому на своем самосвале, и вскоре друзья уже мчались по улицам столицы в Очаково, непонятно как втиснувшись всей компанией в кабину. Виталий, так звали друга, гнал грузовик на огромной скорости, желая поразить ребят своим мастерством, и ему это удалось. К счастью, гаишников на их пути не попало, и они благополучно прибыли на автобазу, вывалившись из кабины и разминая затекшие конечности.

Неподалеку располагался завод железобетонных конструкций (ЖБК) Метростроя.

В отделе кадров завода их приняли радушно, и Иван первым стал оформлять документы о приеме на работу, благо все необходимое для этого было при нем. А вот Николая забраковали. Он оказался в браке, а женатиков не брали, по той простой причине, что холостякам предоставлялись место – койки в общежитии, женатик же может привезти жену, а то и детей, и требовать жилплощадь в виде комнаты или даже квартиры.

Позже в том же самосвале они обмыли почин трудоустройства. Николай поведал друзьям, что женили его насильно, еще в армии, в Калининграде. Ушлая местная деваха таскалась к ним в казарму через забор, переспала со многими, а вот приглянулся ей именно он, Колька Васильев. Она и заявила командиру части, что он ее изнасиловал, и если не женится, то подаст на него в суд. С этим было строго в стране развитого социализма, так он оказался женатым.

– Она там и осталась, в Калининграде. В Алатырь не пожелала ехать, глухомань, говорит, – возмущался женатик, и друзья сочувственно кивали, выпивая по стакану водки поочередно, так как стакан у них был один...

На следующий день проводили Колю на вокзал, он все же решил ехать на Север, за романтикой. В последующие годы своей жизни он успел половить рыбу в северных морях, работая на траулерах и сейнерах, с местами приписки в Мурманске и Архангельске. Побывал на Дальнем Востоке, там поработал, в конце концов заразился в одном из портов сифилисом от местной путаны, и вернулся домой, в Алатырь, уставшим от тягот кочевой жизни и болезней. Уже навсегда. Женится неудачно, и умер в сорок два года от пьянства, оставив после себя двух дочерей: одну в Калининграде, другую в Алатыре...

А Иван остался в Москве, стал работать слесарем по оборудованию на заводе. Работа оказалась тяжелой, по рельсам гнали многотонные вагонетки с бетоном, колеса и сами стыки рельс постоянно приходили в негодность, так что Ивану было не сладко.

В общежитии он получил койку в комнате на четверых. Посреди стол со стульями, на столе графин с водой, шкаф для одежды да прикроватные тумбочки. Удобства в коридоре.

Но Иван не унывал. Главное, он теперь в Москве живет, хотя и по лимиту. Лимита, так звали их коренные москвичи с пренебрежением.

Вскоре он приедется с первой полочки. В магазине «Руслан», неподалеку от МИДа, купил себе шляпу, демисезонное пальто, да еще новинку сезона – черный плащ-дождевик «Болонья», благо уже весна к лету клонила. Денег от щедроты души добавил Мишка, который сопровождал его в магазин на правах друга и консультанта.

– Ну вот, теперь ты приборазился, как настоящий москвич, – хлопнул его, как всегда, по плечу Мишка и засмеялся. – Смотри, не проболтайся, что ты лимитчик, наши девчата их не любят. Ничего, поработаешь с полгода, уволишься, и я тебя к нам в общепит пристрою, как обещал. А теперь поехали ко мне, обмоем покупки. Я тут позвонил одним, – подмигнул он плутоватым глазом, – вечером подгребут, познакомлю с москвичкой, пока тебя там, в общежитии, какая-нибудь лимитчица не захомутала.

В общем, столичная жизнь у Ивана налаживалась, во многом благодаря другу, и он чувствовал себя уже почти москвичом, правда, еще с алатырским диалектом.

Они обильно обмыли покупки, и даже вздремнули после обеда в Мишкиной комнате, где Ивану было хорошо, как дома. Настал вечер. Пришли девушки, одна другой краше, и Мишка познакомил их с Иваном.

– Это Марина, моя невеста, – приобнял он высокую, нарядную шатенку, – и Татьяна с Ниной, ее подружки. Выбирай любую, не ошибешься.

Девушки засмеялись, подбадривая улыбками засмутившегося провинциала. Иван справился с волнением, а после того, как они выпили по рюмке, другой, и даже станцевали под томные песни все того же Тома Джонса, он совсем освоился. Рассказывал солдатские анекдоты и, совсем осмелев, обнял Татьяну, она ему приглянулась особо.

Девушка оказалась смелой, податливой, и Иван тонул в ее больших темных глазах, искрящихся лукавством.

– Сейчас Виталию звякну, пусть приедет, развеселит нашу Нинку, а то она совсем заскучала, – Мишка тоже был в ударе, ведь рядом с ним его Марина, девушка его мечты, которую он боготворил, и на которой хотел жениться.

После приезда Виталия веселье достигло апогея, и тут в комнату вошла тетя Маша. Увидев Виталия, тискавшего повеселевшую Нину на диване, и целующиеся парочки, застывшие в медленном танце, она возмутилась:

– Это што еще за бордель вы здесь устроили! А ну марш все на улицу. Хватит, хорошего помаленьку. Ишь, вы. У меня приличная квартира, а не притон какой-нибудь.

На улице пары разбрелись в разные стороны.

Иван совсем потерял голову. Хмель, и взаимность девушки взбудоражили его, как никогда, и он врасос целовал и целовал Татьяну, вжимая ее в стену дома. Она отвечала ему жаркими поцелуями и не сопротивлялась.

– Ванька, дурачок, люди же ходят мимо. Дала бы тебе, да негде. Не здесь же...

Настало лето. Работа выматывала Ивана, и он уже реже приезжал к Мишке. Распив с приятелями по комнате пару бутылок, и отужинав кое-чем, заваливался спать. Как-то они разругались по пьяни, и один из жильцов, уже отсидевший в зоне за хулиганство, пригрозил Ивану ножом, и впятером, присоединился еще один фрукт по этажу, они избили Ивана для профилактики. Пригрозили еще отметелить.

Он позвонил Мишке, и вскоре тот приехал в общагу, в сопровождении нескольких высоченных и здоровенных друзей. Это произвело впечатление на хулиганов, и они отстали от Ивана.

– Если еще кто рыпнется на моего дружбана, хана! Уроем, по стенке размажем, как клопов, – пригрозил Мишка, сам парень внушительного вида, и больше к Ивану никто не лез. Кому охота иметь дело с фартовыми москвичами. Однако Мишка после этого куда-то запропал, они не виделись с месяц, и Иван, обеспокоенный, после работы поехал к нему домой. Открыл дверь сам Мишка, хотя шея его под подбородок была в гипсовом воротнике, и он мог поворачиваться только всем корпусом, чтобы смотреть по сторонам, голова недвижно зафиксирована, но он с улыбкой встретил друга, и даже пошутил:

– Картина Репина «Не ждали». Проходи, давай, чего застыл, как сфинкс. Красочно выгляжу? Сейчас еще ништяк, было хуже.

Дома никого не было. Мишка включил магнитофон, и под песни любимого ими Тома Джонса рассказал другу, как после утрашения лимиты они с друзьями решили искупаться в очаковском пруду. Мишка первым прыгнул с обрыва в воду вниз головой, как с вышки, но не знал, что именно в этом месте было мелководье, и сломал себе шейный позвонок. Лежал в больнице.

– Вот уже целый месяц хожу, как истукан, по дому, маюсь. Ни лечь, ни сесть, мать еще пилит, как лесопилка на дому. Да ладно об этом. Лучше расскажи, как ты там существуешь, больше не пристают с ножом к горлу? – хотел, было, захохотать он по привычке, но скривился от боли, и криво ухмыльнулся.

– Куда там. После вашего приезда ходят, как шелковые, здороваются, – Иван чувствовал себя виноватым в происшедшем, жалея друга, и тот похлопал его по плечу:

– Ты тут ни при чем, я сам дурак. Как говорится, знал бы, где упадешь, соломки бы постелил...

На заводе Иван познакомился с миловидной лаборанткой, она заочно училась на инженера в МИСИ и работала в лаборатории, где бетон проходил испытания на прочность. Вскоре он женился, и переехал из опостылевшего общежития в ее квартиру, где она проживала с матерью и старушкой-соседкой.

На свадьбу приезжала мать с мужем из Мурманска, друг детства Вася Устименко, и конечно, был Мишка Савин со старшим братом Виктором. Регистрация проходила в центральном Дворце Бракосочетания на улице Грибоедова, отмечали это событие дома, скромно, но весело и без драки.

Так как Иван теперь был уже не лимитчик, а имел постоянную прописку в Москве, Мишка сдержал свое обещание, и устроил его на работу в системе общепита, то есть к себе, в пивной бар на Ленинском проспекте, где они с братом работали официантами.

Друзья встретились в назначенное время рядом с баром. Мишка был в новом костюме, белой рубашке с бабочкой, на ногах сверкали лаковые черные туфли, и сам он светился самодовольной улыбкой. Иван аж загляделся на друга.

– Ничего, скоро и сам так же выглядеть будешь.

– Ну, Миша, ты прямо как франт, – выдохнул Иван в восхищении. Мишка был доволен впечатлением, произведенным на друга.

– Держись солидно, но уважительно. Прорвемся. Пошли.

Кабинет директора помещался в подвальчике. Мишка сразу же выставил на стол бутылку армянского коньяка. Директор кивнул им на стулья и молча разлил коньяк по стаканам. Положил на стол початую коробку шоколадных конфет. Выпили по пол – ста-кана. – Ладно. Завтра можешь приступать к работе. Получишь ключи от кассы, и вперед. Миша подскажет, что к чему и почему.

Мишка солидно кивнул, закусывая конфетой.

– Сможешь, будешь работать, нет, вылетишь из бара пробкой. Если застукуют, я тебя защищать не буду. Ну, будем.

Они допили вслед за директором коньяк, и закрыли за собой дверь.

– Ну вот, ты и принят. Вместе будем пахать...

Работать оказалось труднее, чем Иван думал, но он был парень хваткий, способный, и выносливый. Он быстро приспособился к работе официанта, труднее было иметь дело с кассой. Главное, например, не перепутать цифры и не пробить в спешке сто рублей вместо десяти, и каждый ключ имел свое назначение: один был для кухни, другой для буфета. Пробил чек за десять порций креветок – получи на кухне. Пробил за двадцать кружек пива – получи в буфете. И так далее. В конце смены снимаешь кассу, и остаток помимо суммы для сдачи – твой. В первую же смену в остатке у Ивана была двадцатка.

– Молодец, принимаем тебя в нашу семью халдеев. Экзамен сдал! – Мишка крепко хлопнул друга по плечу. – У меня сначала навар такой же выходил, потом по полтиннику будешь иметь, а в праздники и больше. Надо обмыть, иначе успеху не быть.

Иван не отрицал очевидное. Надо, так надо...

Как-то летним вечером, еще до женитьбы Ивана, друзья решили сходить на танцы, в «Шестигранник». Как сказал Мишка, будет весело, и телок тьма. Все московские модники и стилиги там собираются. Они приехали в ЦПКиО им. Горького, на танцплощадке было полно молодежи, танцы в самом разгаре. В кафешке неподалеку они тяпнули для храбрости крепленого вина пару бутылок.

Протиснувшись в самую середину танцующих, друзья подхватили двух девчонок, и показали класс: оба хорошо исполняли твист, шейк, рок-н-ролл, и вскоре были в центре внимания, особенно девчонок. Однако не всем они понравились. От группы парней отделился невысокий, юркий паренек и предложил выйти, поговорить. Мишка отшвырнул нахала, и танцы продолжались. Друзья познакомились с девчонками, уже под занавес вечера был объявлен белый танец, и после него все потянулись к выходу.

Там уже наших танцоров поджидали недруги. Завязалась драчка, и Мишка вовремя заметил, как юркий паренек занес руку, чтобы пырнуть Ваньку. Он ловко перехватил руку с ножом у самого живота друга и приемом самбо жажнул хулигана об асфальт, спас от смерти. Раздалась свистки, появилась милиция, драчуны кинулись врассыпную.

Уже в метро, отдышавшись, Иван сказал: – Спасибо, выручил, а то бы он меня завалил. Надо же, как я не заметил.

– Ничего, на то и друзья есть. Сегодня я тебя, завтра ты меня, может, спасешь.

Тогда Иван и понятия не имел, да и не мог иметь, что слова друга окажутся пророческими...

Иван сам не заметил, как втянулся в работу, благо рядом были друзья. После очередной смены они ехали отдохнуть куда-нибудь в кафе, или ресторан, и так, благодаря им, он побывал во многих известных местах, стал знатоком и гурманом значных заведений. Даже в ресторане аэропорта «Внуково», который работал круглосуточно.

Там уже их обслуживали официанты, халдеи халдеев не обидят, и друзья бросали им щедрые чаевые при расчетах.

– Наши гулять приехали, теперь до утра будет дым коромыслом, – шутили местные официанты, с удовольствием обслуживая коллег.

– Пусть отдыхают, раз заработали, имеют право...

Жене не нравились подобные загулы Ивана, как и сама его профессия, и его друзья-приятели. Возникали скандалы. Мишка при встречах, ставших редкими, отвечал взаимностью, чувствуя пренебрежительное к себе отношение с ее стороны.

– Ты как хочешь, только я скажу. Жена тебе попалась злая и завистливая, вся в свою мамашу, два сапога на одну ногу.

Иван нахмурился, но промолчал. Чего тут скажешь, хотя правда глаза колет.

– Не серчай, тебе жить. Я сказал свое мнение, имею право, как друг.

– А знаешь, я уже и сам понял, что поспешил с женитьбой. То подруги названивают, то друг бывший позвонит, и вот она с ним щебечет, как я войду в комнату, трубку кладет. Теща меня за что-то невзлюбила. В общаге надоело маяться, на заводе ломаться, зато сейчас имею постоянную прописку в Москве, работаем с тобой вместе.

– А ты правильно рассуждаешь, – уважительно глянул на него Мишка. – Жену можно и поменять, чай не горб на спине носишь.

Как-то после очередного скандала Иван хлопнул дверью, и уехал к другу. Слово за слово, напились они тогда вдрызг, и Иван уже ночью все же поехал домой, хотя Мишка уговаривал его остаться, и переночевать у него. Зачем рисковать, еще в ментовку загребут, а там и ЛТП рядом, не отвертишься. Но Иван поехал домой.

...Очнулся он утром. Лежал, раскинув в стороны руки, на спине и глядя в яркое синее небо. Где же это он? Приподнявшись, обнаружил, что лежит посреди клумбы, среди цветов. Отряхнувшись, и оглядевшись по сторонам, побежал к остановке автобуса, благо людей вокруг не было, рано еще. Сам себе удивляясь:

– Вот это гульнули вчера, нечего сказать. Теперь Надежда дома съест меня, не поперхнется. Да ну ее, поеду я сразу на работу, смена с десяти, перекушу где-нибудь в столовке, там, рядом есть одна. Мишка со смеху помрет, когда узнает, где я ночевал...

Иван и не заметил, как ноги сами принесли его к тому месту, о котором он только что вспоминал. Да, действительно, вот она, та самая клумба в скверике, рядом с пешеходной дорожкой. Только кустарник вокруг разросся еще больше, да деревья стали еще выше. Если пройти дальше, выйдешь к кинотеатру «Улан-Батор», в котором они не раз бывали когда-то с друзьями и подругами.

Наконец, он вышел на Новочеремушкинскую улицу и увидел знакомый гастроном, арку за углом дома, ведущую во двор, где находился дом, в котором проживает его армейский друг. Скоро он повидается с ним, с тетей Машей и дядей Васей. Если они дома, конечно. Он замедлил шаги, посматривая по сторонам, и вспоминая недавнее далекое прошлое...

Однажды, разругавшись в пух и прах со своей женой, Иван позвонил другу и попросился к нему пожить ненадолго. Тот, разумеется, не возражал. Иван решительно собрался, забрал с собой радиолу с пластинками, торшер, пару кресел и журнальный столик, погрузил в нанятый им «УАЗ», и вскоре предстал перед изумленным другом вместе со всем своим скарбом.

– Ну, ты даешь, вместе с мебелью заявился, жена-то не заругается?

– Да ну ее, нет больше мочи так жить. Ни дня покоя.

– Ладно, давай вспрыснем твой переезд, – Мишка включил магнитофон, и друзья выпили сначала по первой, потом по второй, а далее пили мелкими пташками...

Тетя Маша тоже не одобрила такое развитие событий. Иван случайно услышал, как она выговаривала сыну на кухне: – Он сейчас женатый, а вдруг жена придет, скандал устроит, мебель назад потребует, и она права. Зачем нам неприятности? Скажи Ваньке, пусть возвращается домой вместе со своей мебелью, и живет там.

Иван не стал усугублять события, снял квартиру, и переехал, он мог себе это позволить, деньги у него водились. Потом они с женой помирились, у них родился первенец, и он смирился, стал жить в семье...

Иван и сам понимал, что работа официанта его к добру не приведет. Он стал много зарабатывать, но и много пить, гулять, так что сам не заметил, как устал от всего этого. Надо что-то делать. И тут ему повезло. Он с детства любил кино, смотрел все фильмы, идущие в городе, по нескольку раз. И вот...

Мишка говорил, что настоящий халдей работает на одной точке только один сезон, и переходит на другую, чтобы замести следы и не попасться в руки контролерам. Чтобы много заработать, приходится нарушать законы. Иван поменял несколько точек, следуя наставлениям друга, но все же попался на пересортице закусок, их весе, балованном пиве, обчете посетитель. Пришлось заплатить много бабок, чтобы откупиться и уволиться по собственному желанию. Так закончилась его карьера в общепите.

Так вот, совершенно случайно он узнал, что на «Мосфильме» требуются рабочие. Медлить и раздумывать не стал, и вскоре начал работать грузчиком мебельного участка в цехе подготовки съемок. Сбылась его мечта, и он мог наблюдать, как в павильонах снимают кино, видел известных актеров. Бригада грузчиков, в которой он работал, завозила мебель в очередной павильон, расставляла в декорациях под руководством художников, и Иван изумлялся, оглядываясь: он оказывался то в роскошной квартире, то в купеческом доме, то еще в каком-то интерьере.

Его жена была, как обычно, недовольна им. На прежней работе он хотя бы зарабатывал много, а тут стал приносить нищенскую зарплату. Но Иван уже нашел свое призвание, и коса нашла на камень. Не нравится зарплата, не надо. Он закончил курсы художников-декораторов, и стал работать в съемочных группах, ездить в командировки по городам и весям нашей необъятной страны. Он был счастлив. Выпивать стал намного реже. С Мишкой тоже виделся редко, ему не хватало армейского друга, но жизнь есть жизнь, и у каждого она своя.

Все же он выкраивал время навестить друга. Получив очередную зарплату, купил в гастрономе бутылек, и в хорошем расположении духа приехал к нему домой уже под вечер. Мишка сам открыл дверь и молча кивнул. В комнате было накурено, в углу рядом с магнитофоном громоздились ряды пустых бутылок разных мастей и калибров. На столе стояла бомба, или фаустпатрон, – так называли портвейн, разлитый в такие же бутылки, как и шампанское. Мишка наполнил стаканы.

– Давай хлопнем по стакашку, в честь твоего прихода, – и он опрокинул портвейн в рот, Иван даже засмотрелся, вот это ловкач, натренировался, у него так не получится.

– Ты чего такой смурной, не заболел случаем? – озаботился Иван, глядя на помятое, бледное лицо друга.

– В запое я, с месяц уже, – ухмыльнулся Мишка, и отвел взгляд. – С работы уволился, сам знаешь, как это делается и почему. Делать нечего, вот и начал квасить.

– А я недавно приехал из командировки, в Краснодаре побывал, в Новороссийске. У меня тетка двоюродная в Краснодаре живет, у них погостил. Представляешь, фруктовые улицы прямо в городе, хочешь, яблоки ешь, хочешь, абрикосы жуй. Бесплатно.

Наконец-то по Мишкиному лицу пробежало нечто, похожее на прежнюю его улыбку. – Рад за тебя. Жена небось довольна, что домой приехал.

– Да у меня все хоккей, ты-то как, жениться не собираешься? У тебя же была невеста, Марина. Любовь до гроба, сам говорил.

– Была, и нету. Так иногда бывает. Она уже замуж выскочила, за друга моего одного. Ты знаешь, у меня их много, друзей-приятелей, – и он стукнул по столу кулаком, аж стаканы подпрыгнули.

– Вот теперь моя невеста, – показал он на бутылку вина, погладил ее ласково, поцеловал этикетку, затем схватил и стал пить из горла, пока не осушил до дна. Бросил бутылку до кучи, в угол, и прямо на глазах Ивана осоловел. Его повело в сторону, и Иван помог ему лечь на диван. Мишка тут же захрапел.

Иван постоял посреди комнаты, не зная, уходить или подождать. Хлопнула входная дверь, это пришла тетя Маша. Увидев Ивана, обрадовалась: – Давненько тебя не было, Ваня. А у нас, сам видишь, какие дела. Проходи на кухню, поговорим.

– Дядя Вася где, на работе?

– Где ж ему быть-то, на автобазе своей возится, как всегда. Ты бы помог Мишке-то насчет работы, друзья все же были.

– Почему были, тетя Маша, просто работа у меня такая, все время в командировках. Я подумаю, может, к нам его устрою. Поговорю с директором, завтра же.

– Поговори, – вздохнула тетя Маша, со слабой надеждой в голосе, – чем черт не шутит. Авось, обойдется еще, на новой работе и пить меньше будет, как ты вот...

На следующий же день Иван договорился с директором, выписал Мишке пропуск, и когда тот приехал, проводил его в кабинет директора. По пути, критически оглядев друга, Иван остался доволен его внешним видом, лицо вот только подкачалось.

– Ничего, прорвемся. Есть вакансия кладовщика, ты как, справишься?

– Так это по моей части, – оживился Мишка, – конечно справлюсь.

Директор сам был не дурак выпить, а потому к другим выпивохам он относился особенно щепетильно. Критически оглядев Мишку, он отказал ему, несмотря на обещание, данное Ивану. Проводив друга до проходной, Иван вернулся обратно.

– Ты кого это привел? Да он мне через неделю весь склад пропьет, а там материальных ценностей на полмиллиона, – возмутился директор, но смягчился, похлопал удрученного Ивана по спине. – Не журишь. Я понимаю, армейский друг, надо помочь. Но и ты меня пойми, привел алкаша. Посмотри на его нос. Из него можно отжать полстакана портвейна. Ладно, подумаем, может, пристроим его куда-нибудь, сторожем например. Для него в самый раз должность.

Мишка обиделся на предложение поработать сторожем, и послал Ивана с его киностудией, куда подальше. Иван понимал его, но что поделаешь, сам виноват. Как говорится, неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

Вскоре после этого он уехал в длительную командировку, затем в другую, третью. В Москве его угнетала семейная жизнь, сложившаяся не совсем так, как ему хотелось бы, и как только из производственного отдела студии поступало очередное предложение, он с радостью уезжал работать в другие города, и даже деревни. Так прошло три года.

Но вот у Ивана настал вынужденный простой, это когда нет работы. Так бывало иногда и в кино, но очень редко. И он решил поехать к другу. Как же так, ведь они не виделись целую вечность. Расстались плохо. Нагрузившись подарками для всех, и слушая по транзистору популярную песню «Все могут короли», в исполнении Аллы Пугачевой, он очутился, наконец, перед такой знакомой ему дверью, и нажал кнопку звонка.

Дверь долго не открывали. Наверное, никого нет дома. Тут послышались шаркающие шаги, и Ивана встретила тетя Маша, Мишкина мать.

– Ваня, долго же ты пропадал. Мы уж думали, больше не увидим тебя. Проходи. Вася! Смотри, кто к нам явился, не запылелся, – закричала она, и из кухни появился полупьяный, как обычно, дядя Вася.

– Пойдем, выпьем со встречи, – и дядя Вася повел Ивана на кухню. Налил всем по стопке, и выпил первым, как всегда.

– А Миша где же? На работе, или гуляет, – Ивану не терпелось увидеть друга.

– Мишки нет, – тетя Маша многозначительно посмотрела на него. – Он на БАМ уехал, по комсомольской путевке. Пишет, хорошо устроился, работает, жениться вот надумал. В отпуск обещался приехать вместе со своей невестой, тоже Мариной зовут.

– Вот это да, – только и нашелся, что сказать, Иван. – Давно он уехал-то? Я не знал. Написал ему письмо как-то, из Киева, он не ответил.

– Читали мы твое письмо. Рады за тебя. Давайте выпьем за Мишку, чтобы ему там было хорошо и покойно. Не как здесь, – сказала тетя Маша, и заплакала.

– Чего же вы плачете? Радоваться надо, – Иван ничего не понимал. Только теперь он увидел, как постарел дядя Вася. Чуб его совсем поседел, и сам он весь сторбился.

У тети Маши из-под платка выбивались седые космы, склеротический румянец на лице, полубезумные глаза, и улыбка, только теперь вместо золотых зубов она обнажала красные десна с гнилыми корешками зубов. У Ивана мурашки пробежали по спине.

Они молча выпили еще по стопке водки.

– Ты закусывай, Ваня, а то спьянишься еще, чего доброго.

– Вы мне его адрес дайте, я письмо напишу.

– Сейчас принесу, – тетя Маша, кряхтя, поднялась, и заковыляла в комнату. Она как будто вся сдулась, и из дородной, величавой женщины превратилась в скрюченную, старую развалюху. – Вот, держи. Это его адрес. Можешь написать ему. Он часто вспоминал тебя, скулчал. Рассказывал, как вы работали вместе, гуляли.

Иван схватил адрес, который оказался фотографией, и увидел на ней своего друга, Мишку. Весь при параде, в новом костюме, белой рубашке с бабочкой, он лежал в гробу, скрепив на груди такие знакомые до боли, большие пухлые руки. Лицо его было так же отечным, но спокойным и слегка удивленным, словно он заснул ненадолго, и вот-вот проснется, и улыбнется всем своей жизнерадостной улыбкой.

Сказать, что Иван был ошарашен, значило, ничего не сказать. Он был раздавлен увиденным. И тупо смотрел на фотографию, оцепенев.

– Пил много в последнее время. А тут пошел на танцы в ДК, с друзьями, подрались с местными, там и получил чем-то тяжелым по голове, – рассказывала тетя Маша, а дядя Вася кивал головой, подтверждая, и скрипел зубами, сжимал кулаки.

– Пришел домой, лег. Потом говорит: мама, вызови скорую, голова болит, нет мочи. Увезли его в больницу, ночью, а утром он умер. Как раз, в день своего рождения. Недавно сорок дней было, поминали. Друзья, соседи пришли. Народу много собралось. Добрый он был, хоть и бесшабашный. За то и любили его, уважали. Давайте еще помянем, упокой господи, душу его грешную.

Они молча выпили по стопке водки. Посидели.

– Мишку жалко, – сказала тетя Маша потерянными голосом, слезы свои она уже выплакала. Дядя Вася сидел рядом и скрежетал зубами, утирая редкие слезы, и повторяя:

– Мишку жалко, Мишку жалко.

Иван встал и пошел к двери, он не мог больше сидеть с ними и выпивать.

– Ты заходи, Ваня. Не забывай нас...

Иван брел по улице и вдруг подумал, что в этом году ему исполнится тридцать лет. А Мишке когда? И похолодел весь, вспомнив рассказ тети Маши. Мишкин день рождения приходился как раз на день его смерти. Что же это за жизнь такая, для чего? Родился, окончил школу, отслужил в армии, поработал официантом в общепите, и на танцах в ДК «Кирпичики», что при кирпичном заводе, получил кастетом по голове. Помер в больнице. Ивана же рядом не оказалось в нужный момент. Не было рядом друга, который мог бы отвести от Мишкиной

головы руку с кастетом. Он вспомнил те пророческие слова, сказанные когда-то его другом в метро, после танцев в Шестиграннике: «На то и друзья есть, сегодня я тебя, завтра ты меня, может, спасешь». Не привелось. Не спас.

А ведь он мечтал жениться на любимой девушке, иметь детей, работать для своей семьи. Вместо этого пил по-черному. Внезапно Иван вспомнил, по какой статье был комиссован его дружан, и понял, почему пил, почему не женился Мишка, а его девушка вышла замуж за другого, хотя любила его. Родители его были пьяницами, зачали его поздно, и был он импотентом. От того и все беды.

Иван возвращался назад по той же дороге, по которой он так недавно торопился на встречу со своим армейским другом. Он был подавлен, переполнен чувством горечи и недоумения. Перед глазами его стояли потерянные, жалкие лица Мишкиных родителей, слышались их голоса: «Жалко Мишку. Жалко Мишку», – повторяли они монотонно, словно в бреду. Он понимал тетю Машу и не обижался на нее за розыгрыш. Ведь ей так хотелось, хотя бы на миг, поверить, что Мишка жив и здоров, и скоро вернется домой.

На фотографии он снова видел нарядного друга в гробу, скрещенные на груди руки, спокойное, умиротворенное его лицо, отрешенное от мирской суеты.

И спустя многие годы, даже десятилетия, когда он вспоминал об этом дне, он как бы заново все видел и переживал. Такое не забывается.

.....

Москва, 2014 г.

Друг сердечный

Это было время борьбы за трезвость в стране развитого социализма. Начало перестройки. В 1985–1987 годах развернулась горбачевская антиалкогольная компания, нанеся огромнейший вред экономике, но прежде всего людям, которыми она воспринималась, как инициатива властей, направленная против «простого народа».

Появилось множество анекдотов, например: «На недельку, до второго», закопаем Горбачева. Откопаем Брежнева – будем пить по-прежнему. Лозунг «Трезвость – норма жизни!» воспринимался чиновниками слишком буквально. В Молдавии, в Крыму, на Кавказе вырубались виноградники.

Закрывались винные заводи в малых городах, магазины, в оставшихся точках продавалось по две бутылки водки на брата в день, образовались огромные очереди в Москве, давка, скандалы и драки, чего уж говорить о провинции.

К тому времени у Ивана была интересная работа, семья, он учился в институте заочно, поэтому выпивал намного реже, чем раньше, в юности, когда мотался по стране в поисках романтики, работал, где придется, жил в общагах, или после службы в армии. И его эта проблема если и волновала, то гораздо меньше тех друзей-приятелей, кто любил пропустить по стаканчику-другому после работы в кругу товарищей, да и вообще напиться с устатку. Не говоря уж о пьяницах по призванию.

У тех просто крыша поехала, и они всегда теперь были в поисках, где достать денег, чего бы выпить? В аптеках расхватывали все настойки, содержащие спирт. В особом почете были настойки эвкалипта, пустырника, валерьяны. Не гнушались и просто корвалолом. Их брали на все собранные по сусекам копейки. Потом и эта лавочка закрылась. Запретили продавать настойки пьющему люду. Хотя сердобольные аптекарши все же жалели несчастных пьянчужек, и те были счастливы, выбегая из аптек с заветными пузырьками в карманах.

Папиросы и сигареты в табачных киосках тоже стали продавать по талонам. Выдавали их в ЖЭКах. На каждого члена семьи, достигшего 18-летнего возраста, полагалось по талону в месяц. И тогда можно было выкупить на один талон десять пачек сигарет, или папирос. Когда что было в наличии. Такие вот были времена.

Как-то в один из тихих семейных вечеров, когда Иван сидел после ужина за чашкой индийского чая и просмотром телефильма о борьбе комиссара Каттани с итальянской мафией, его жена Ольга вернулась после вечерней прогулки с терьером Тишкой, и вручила ему письмо.

Письмо пришло от дяди Мити из Алатыря, в котором, помимо прочих новостей, он сообщал, что умер его дружок, Колька Васильев. Это известие ошеломило Ивана. Он подумал, что в последнее время от дяди приходят тяжелые для него известия.

Ровно год назад, 6 ноября 1986 года, из Алатыря Ивану пришла телеграмма от дяди, в которой он сообщал, что умер отец. Иван в тот же день выехал на родину. Из Мурманска приехал младший брат, Владимир. Отслужив в армии, он недавно женился, и работал в милиции, водителем.

В те годы день 7 ноября был еще настоящим праздником. Всем народом отмечали очередную годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции, и найти трезвого работника, который мог бы быстро сработать гроб, было нелегко. Еще надо было оббить гроб с крышкой красной материей, как полагалось для покойника мужского пола, да к тому же участника ВОВ. На рынке материала разного было хоть завались, но нужного не оказалось, и Иван со справкой о смерти в руках побегал по городу, прежде чем в магазине «Ткани» на привокзальной площади ему отпустили красной материи «Кумач» положенные метры, и ни сантиметра более. С этим тоже было строго.

Много тогда перемерло народу простого, российского. В Алатыре тоже был винный заводик, и все алатырские пьяницы, да и не пьяницы тоже, покупали «красненькое», как окрестили яблочное, плодово-выгодное вино в народе. По цене один рубль с копейками за бутылку, совсем недорого. И горя не знали. Привыкли к хорошему.

В городе сады ломались к осени от яблок. И красное вино, хотя и было простеньким, зато никакой химии, как в наше время. И вдруг заводик прикрыли.

Так вот, в числе многих умер и отец Ивана, фронтовик, художник. Был он человек веселый, неумеренный во всем, во хмелю буйный, как и все те, кто был на передовой, ходил в атаку и видел смерть в глаза. Отец и дядя Митя часто вспоминали о войне.

Говорили, что в атаку можно было ходить до трех раз: не убьют в первый раз, во второй шансов выжить было гораздо меньше, а уж третий был роковым. Либо погибнешь на поле брани, либо санитары вытащат после боя тяжело раненым. Отцу пуля пробил горло навывлет, и он чудом выжил, дядя Митя лишился ноги, оторвало миной. Оба стали инвалидами войны. Хотя встречались и счастливчики, кого пуля не берет, и смерть обходит стороной.

В тот день, как раз перед праздником, отец весь день простоял на морозе в очереди за водкой, принес заветный литр домой, выпил бутылку и умер от инсульта, мгновенно. Был убит жизнью наповал, в мирное время. В Алатыре, из множества торговых точек, где продавались спиртные напитки, осталось только два винных магазина, где с 14 часов продавалась водка: на Бугре, и в городе, возле сурского подгорья.

Огромные очереди, ажиотаж, давка, возникали потасовки, особо ретивые пробирались к заветному прилавку прямо по головам толпы из сердитых горожан, желающих отовариться к празднику 7 ноября. Многие не выдерживали тяжких испытаний, особенно пожилые и старики.

Отец в последнее время часто мечтал о том дне, когда он купит ящик водки, выпьет ее всю, и уйдет из этой проклятой жизни. Хватило и одной бутылки. Что же это за необходимость такая, выкупить две бутылки водки? Сегодня этого не понять. Надо было жить в то время, с теми людьми рядом, чтобы не осуждать их, а просто пожалеть наш многострадальный народ, проживающий в провинции.

Когда Иван с братом приехали на похороны, отец лежал на столе в красном углу, у окна, и на лице его застыла пьяненькая улыбочка. Он так и не понял, что умер. Дядя Митя с трудом хромал по комнате на протезе, натер культу, набегавшись по городу в хлопотах, оформляя документы о смерти, и так далее. Иван сам обивал крышку и гроб кумачом, который он с таким трудом достал, надел на ледяные ноги отца новые носки.

На похороны и поминки водку и продукты тоже продавали по справке о смерти. Для участников и инвалидов ВОВ был специальный магазин на выезде из города, «у черта на куличках», прозываемый в народе инвалидным, в котором Иван с братом и выкупили спиртное, продукты для поминок: ящик водки, мясо, колбаса, крупы, селедка, все строго по списку, ничего лишнего.

В сравнении с сегодняшним временем, это был ад, который тогда казался делом обычным и привычным. Как писал Карл Маркс, «бытие определяет сознание», и в этом он был прав. На похороны отца пришли все его друзья, соседи, в основном пожилые мужики, были и молодые ребята. После похорон помянули, как полагается, говорили, какой он был свойский мужик, и художник от бога. Вспомнили и дядю Юру, младшего брата отца и дяди Мити, который умер в больнице еще пять лет назад.

Иван хотел позвать на похороны и друга Колю Васильева, но того не было в городе, иначе он бы тут же прибежал. Где-то болтается на заработках, как сказали знающие его ребята. И вот теперь умер он, друг его сердечный, хотя в последние годы виделись они не часто. В последний раз в этой жизни встреча произошла, если говорить точнее, шесть лет назад, зимой. Приехав в

родной город, он остановился, как всегда, у дяди Мити, сбегал к отцу, но на двери его домика висел замок.

Тогда он зашел к школьному товарищу, Володе Глазырину. Мать его, тетя Тася, была рада видеть Ивана, усадила за стол на кухне, напоила чаем с вареньем, расспрашивала, как он там живет и работает в Москве? Володя на работе, он теперь работает мастером на релейном заводе, с гордостью за сына пояснила она. Иван посидел, сказал, зайдет позже, и поехал на Стрелку, к своему армейскому другу.

Николай был дома. Оба обрадовались друг другу. Обнялись. Затем хозяин показал гостю квартиру, свои этюды, написанные маслом на картоне.

– Это меня твой отец, Николай, научил. На заработки стал меня с собой брать. Так что я теперь тоже художник, – похвастался он другу. Ивану этюды понравились.

– Помнится, ты на гитаре играл и пел не хуже Валерия Леонтьева. Одни битлы чего стоят. Помнишь, в ДК перед танцами ты так выступил со сцены, все девки от восторга сомлели, – Ивану приятно вспомнить прошлое, Николаю услышать это от друга. Не забыл.

Они сидели на кухне, выпивали, и Колька, как всегда, рвал на гитаре струны и пел свои новые песни. Вспомнились и нахлынули в их души старые чувства, те, что в годы молодые. Колька с азартом исполнил несколько песен из битлов, поанглийски, но в самый разгар веселья пришла с работы его жена Валентина, и брякнула сумки с продуктами на стол. Тут уж стало не до воспоминаний.

– Каждый божий день друзья, пьянки. Сил нет терпеть, когда все это кончится, наконец? – Валентина еле сдерживалась, гнев переполнял ее.

– Ты чо, Валя. Это же мой друг, Иван из Москвы приехал. Мы с ним сто лет не виделись, – возмутился в ответ ее муж Николай.

– Тебе лишь бы повод был нажраться до чертиков, да песенки дурацкие орать, бузотер несчастный.

Семейные разборки Иван не любил с детских пор, наслушавшись скандалов и драк, которые устраивали его родители, и наскоро попросившись с другом, он поспешил домой. Было уже поздно, автобусы не ходили, и он пешком добежал со Стрелки через весь город до улицы Куйбышева, где жил его родной дядя.

Ночное небо усыпано звездами, морозно, можно нарваться на кодлу, и получить тумачков, но Ивану было все нипочем. Он побывал у друга, а теперь бежит домой, где дядя с отцом наверняка не спят, дожидаются его, тревожатся. Так и было.

В тот вечер Николай подарил ему книжку «Алатырь» с надписью: «Помни, приятель, о наших Дон Кихотских странствиях. Николай». С тех пор она всегда на книжной полке рядом с его письменным столом, в его московской квартире.

Иногда он раскрывает ее, пролистывает, читает дарственную надпись, и вспоминаются ему те времена, когда вернувшись из армии домой, к бабушке, в свое родное подгорье, он на следующий же день пошел в военкомат, вставать на учет.

По дороге в военкомат, он вспомнил, как ехал в пригородном поезде Канаш-Алатырь. В вагонах полно разношерстного народа; чуваша, мордва, русские. Все с мешками, котомками едут в Алатырь на базар.

Когда он вышел из вагона на перрон вокзала, его охватило радостное возбуждение. Такое всегда с ним случалось, когда он возвращался домой, в Алатырь. И потом, в течение всей своей последующей жизни в Москве, он часто приезжал на родину, навестить родных, друзей, здесь и воздух для него был чище, и трава зеленее, и люди роднее. Ведь он здесь родился и вырос.

Снег поскрипывал под сапогами, был декабрь, морозно. Поправив шапку и подхватив чемоданчик, он быстро дошел вдоль железнодорожных путей, не выходя в город, до родного подгорья, спустился по переулку и открыл знакомую до каждого сучка калитку во двор их дома.

Распахнув дверь, он появился на пороге кухоньки, где хлопотала у печки бабушка. Увидев внука, она выронила из рук ухват, и всплеснула руками:

– Аба, Коконька мой приехал, радость-то какая. А я жду тебя каждый божий день, когда же это мой солдатик дорогой со службы вернется...

Говоря все это, она приникла к внуку, с любовью оглядывая его и помогая снять шинель, повесила шапку на крючок, поставила чемоданчик на табуретку. В печи горел огонь, бабушка стряпала, и Иван вспомнил, почему к нему прилипло это прозвище: Кока.

Когда родился братик Вовка, он стал его крестным, вместе с теткой Лидой, которая и ему тоже приходилась крестной. Вместе с матерью и бабушкой они крестили в церкви младенца, священник окунал его в купель и осеял крестным знаменем. С тех пор и повелось: Коконька да Коконька. Кока – это и означает – крестный отец.

Как-то пацаны на улице слышали, как его зовет бабушка, и ехидный Сашка Симак из Сандулей тут же сочинил прибаутку: – Эй, Кока, из манды тока! – и заржал, довольный.

Всем это понравилось, и его стали сначала дразнить Кокой, а потом просто звать, как по имени. Привыкли. Только Васька, его лучший друг, по-прежнему звал Ваньку по имени, уважая его чувства.

Ванька даже дрался со своими недругами из-за этого, но прозвище приклеилось к нему надолго. И только в устах родной бабули ненавистное имя звучало для него ласково, и он терпел. Никуда не денешься. Не драться же с бабушкой.

– Счас оладушков напеку, чайку с дороги попьешь, отдохнешь, а уж и отметим твой приезд. Чай, насовсем отпустили-то, Коконька, чай, намучался, поди, в армии-то?

– Ничего, бабаня, теперь шабаш. Дембель настал. Буду жить у тебя, не прогонишь?

– Ты што это такое буровишь? Радость-то какая для меня, старой. Мать-то твоя с Вовкой и мужем новым,левой, как уехали из Алатыря в Мурманск, отец твой и запил по-черному. Хотя он и раньше водку хлестал, как воду. Дома-то у него рази можно находиться? Грязно, да и сам к вину пристрастишься. Дак я ведь тебе рассказывала об этом, когда ты в отпуск приезжал. А ты молодой, работать надо да семьей обзаводиться.

– Подожду еще насчет семьи, погуляю после армии. Только один хомут скинул, на другой менять не буду.

– И то ладно, оно не к спеху, – согласилась с ним бабушка, подкладывая блинцов и радостно наблюдая, как внук завтракает. Как раньше, в детстве. Ивану тоже было приятно сидеть в доме, где он родился и вырос, слушать свою бабулю.

– Я ведь квартирантов к себе пустила, двух женщин. Они на релейном заводе работают, в сборочном цехе. Много зарабатывают. После смены придут, познакомишься. Младшенькая, Анята, особо хороша, чем не невеста? Они мне дальней родней приходятся, из села моего родного, где я родилась, из Чуварлей, – рассказывала бабушка, с опаской поглядывая на внука, не осерчает ли он на нее за это.

Но Ивану все было нипочем. Женский пол же, особенно молодой, для солдата, вернувшегося со службы, был очень даже необходим.

– Ничего, пускай живут, у нас места много.

– Вот и хорошо, вот и ладно, – радовалась бабушка достигнутому консенсусу...

Там они и познакомились, возле военкомата. Оба пришли вставать на учет, отслужив в Советской армии положенный им срок.

Колька, уже в штатском, курил неподалеку от входа, с усмешкой наблюдая за торопившемся к дверям парне в дембельском прикиде: красный подворотничок в целлофане с белым кантом поверху, новая шинель, шапка, яловые сапоги вместо кирзовых, все кричало о том, что идет дембель.

– Что, тоже на учет вставить прибыл? – кивнул Колька на дверь, и протянул ему пачку сигарет «Прима». – Закуривай, успеем еще. Где лямку тянул?

– Под Москвой, в ПВО.

– Ванька служит в ПВО, морда – во, и жопа – во! – необидчиво захохотал Колька, и Иван тоже улыбнулся в ответ: – Сначала надо к военкому, у меня время назначено. Уже вышло. Так что пора.

– Так у меня тоже назначено, – спохватился Колька, – погнажи, потом покурим. А я в морской пехоте служил, в Калининграде...

Малое время спустя, двери военкомата вновь распахнулись и выпустили бывших солдат на волю. Посмотрев дружно на проставленные в военных билетах штампики, и вспомнив прослушанные наставления от военкома, сердитого на вид, и доброго внутри, они облегченно вздохнули. Вот она, воля вольная, беги куда хочешь, делай, что взбредет в голову. И никаких нарядов вне очереди. Осмотрев родные окрестности, они радостно засмеялись, глядя друг на друга уже не как дембеля, а как обычные штатские ребята.

– Так мы еще не знакомы, – спохватился вдруг Колька, и протянул товарищу руку: – Николай, что по-гречески означает «победитель народов».

– Иван, – крепко пожал протянутую руку Ванька. И они оба дружно расхохотались, вспомнив рассказанную недавно прибаутку, и Колька удивился совпадению, покрутив головой. Так они познакомились, и сразу подружились.

– Побежали ко мне, мы с матерью возле ДК живем. Она нам картошечки наварит, с майонезом. Пообедаем.

– С майонезом? – удивился Иван незнакомому слову. – Это что, почему не знаю?

– Попробуешь, за уши не оттащишь, – хохотнул Николай, ценивший юмор. Он и сам любил пошутить, к месту и не к месту, какая разница. Лишь бы было весело.

– Да, ты-то вот знаешь, и я должен знать, – продолжал Иван цитировать строки из любимого фильма, и они быстрым шагом, хохоча, направились в гости к Николаю.

– Ты-то сам где проживаешь? – Николаю было интересно знать про нового друга все.

– В подгорье, у бабули. Да я только вчера приехал. У нее две квартирантки из Чуварлей комнату снимают, бабенки хоть куда. Вчера вечером отметили мой приезд, дерябнули водочки, я одну из них, постарше которая, успел в сених потискать, она не против была. Хочешь, познакомлю?

– Найдем и получше, городских. В ДК на танцы ходим, и все будет в ажуре, – Николай мыслил шире на этот счет, и Иван не возражал: – Бабуля только вот вчера простыла, в сени часто выходила, в чулан за соленьями, а там холодрыга. Кашляет теперь, лежит.

– Ничего, оклемается. Вот мы и пришли.

Николай с матерью проживал в одном из двух деревянных барачков, находившихся сразу же за Домом Культуры. В первом. Они вошли в общий коридор, заставленный разной рухлядью до потолка, пробрались к нужной двери и очутились в маленькой комнате, похожей на пенал, до того она была узкой и с одним окном. У окна стоял стол, стулья, разделяя кровать с одной стороны комнатки, и диванчик с другой.

Повесили одежду на крючки у двери. Их встретила маленькая пожилая женщина с доброй улыбкой, на которую удивительно похож был, как две капли воды, Николай.

– Мама, это мой армейский кореш, Иван, – чмокнул ее в щеку сын, располагаясь у стола. Иван сел рядом с ним, оглядываясь по сторонам.

– Обед готов? А то жрать охота, сил нет, – сказал Николай и шепнул Ивану: – Зови ее тетя Настя, она любит, чтобы ее так величали.

– Сейчас принесу, дважды уже разогревала, все жду-пожду, никак не дождусь, – улыбнулась Ивану Колькина мать, оказавшаяся шустрой и веселой женщиной. Вскоре друзья с аппетитом уплетали картошку с майонезом, пили чай с вареньем.

– Ну, как майонез, понравился? Мать у нас в майонезном цехе работает, так что мы им обеспечены. Ешь, не стесняйся, – щедро угощал друга Николай.

Взяв с диванчика гитару, он ударил по струнам и запел поанглийски, лихо отбивая ритмы, сопровождая себя, и виртуозно исполняя соло при проигрыше. Ванька любил песни ливерпульской четверки, хотя слышал их редко, это еще более сблизило ребят.

– На, сыграни, – протянул ему гитару друг, подставив немного.

– Да не умею я, – с сожалением констатировал Иван.

– Хочешь, я тебя научу играть, в два счета. Вот, смотри. Это так просто, – и он показал, как надо отбивать ритмы.

Иван попробовал, вроде бы получается. Удивился. Обрадовался.

– Да ты у меня скоро на ритм-гитаре будешь бацать, а я соло вести, – воодушевился Николай, радуясь способностям друга, – еще бас-гитариста найдем, и ансамбль создадим, все девки наши будут.

– На работу надо устраиваться, – охладил его пыл Иван, возвращая инструмент владельцу, – без денег особо не разгуляешься.

– Это точно, – приуныл Николай, отставив гитару в сторону. – Куда вот только, знать бы.

– Пошли, моего отца навестим, если он дома, – Иван придумал, как им устроиться на работу. – Потом к дядьям моим ходим. У дяди Мити жена на релейном заводе в отделе кадров работает. Она еще до армии меня туда устраивала. Слесарем.

– Это другой коленкор. Ну, ты и голова, соображаешь! – восхитился Николай, вскакивая со стула. – Тогда не будем терять время. Мама, мы насчет работы сбегаем.

– Бегите-бегите, дай бог вам удачи.

Алатырь – городок маленький, автобусы ходят редко, к тому же они всегда переполнены народом, и многие ходят пешком, благо во все концы можно дойти за полчаса. Да еще бесплатно. В больших городах говорят: поехали, съездим по делу, или еще куда, а в Алатыре – побежали. Быстро, и ждать не надо.

И друзья побежали к Ванькиному отцу, на Сурско – Набережную улицу. Так она называлась потому, что располагалась на краю обрыва, ведущего в подгорье. С улицы далеко вокруг было видно, как внизу простирались улочки и переулочки, дома, сады и огороды родного подгорья, спускающиеся почти к самой Суре, упираясь в рельсы железнодорожной ветки, ведущей от лесопилки до железнодорожного моста через реку.

Когда-то еще в далеком детстве, когда Ванька с другом Витькой гоняли машинки в траве перед домом, лазили по деревьям до самого вечера, и никак не хотели утомиться до тех пор, пока Ванькина бабушка насильно не уводила его домой, а Витькина тащила вверх по ступеням крыльца упирающегося внука и просила: – Витюленька, не надо упрячиться, надо домой идти, чай с конфетами пить, умываться, да спать ложиться.

Тогда это и произошло, оставив в детской памяти неизгладимый след.

Уже стемнело поздним летним вечером, и вдруг какие-то всполохи озарили подгорье справа от их дома, зарево высветило сады, крыши домов, окна, казалось, аж тучи на небе и те покраснели.

– Чево это такое, спаси хосподи нас от несчастий всяких, – всполошилась бабушка, первой увидевшая необычное явление природы. Все домочадцы, включая Ваньку с Витькой, высыпали во двор, тревожно вглядываясь в сторону зарева, недоуменно переглядывались, переговаривались вполголоса.

– Лесопилка горит, факт, – успокоил всех Ванькин дед. – Это далеко от нас, не дойдет, не бойтесь. Разгильдяйство везде, никакого порядка. Сталина на вас нет, тудыт твою растуды, ети вас в печенку, – напугал он всех напоследок, и ушел спать, чертыхаясь. Разошлись и все остальные соседи, но долго еще метались, бегали по черному небу и подгорью всполохи далекого пожара, не давая заснуть людям.

Отец был дома. Трезвый, поэтому грустный, но встретил их радушно.

– Привет, ребята. Садитесь куда-нибудь, да вон на диван, – показал он в комнату, где у стены стоял большой диван-кровать, за ним на стене висел красивый дорогой ковер. Посреди комнаты – круглый стол, стулья вокруг. Над столом красовалась причудливой формы люстра. Платяной шкаф сверкал полировкой. Обои новые, пол крашенный, на полу тоже ковер. На стенах – картины в рамках.

– Ого, Иван, отец у тебя богато проживает, – отметил Николай, оглядевшись, и рассаживаясь на диване. В карманах у него звякнуло, и отец оценил этот звук улыбкой.

– Давно из армии прибыл? Что же к отцу сразу не пришел, сын называется. Как-никак я твой отец, и это твой дом, – обвел он широким жестом комнату. – Небось бабка твоя напела про меня всякого.

– Да нет, просто у нее решил пока пожить. А там видно будет. На работу надо устраиваться, мани-мани зарабатывать, – друзья засмеялись, и отец тоже. Все в Алатыре любили пошутить, и отец не был исключением. Прокашлялся по привычке.

– Надо бы отметить ваш дембель. Я фронтовик, знаю не по наслышке, каково лямку в армии тянуть. Друг твой тоже отслужил? Будем знакомы.

Николай вскочил и с почтением пожал протянутую ему длань фронтовика и свободного художника, снова звякнув карманами.

– Николай, – широко и белозубо заулыбался он, выхватывая из карманов две бутылки водки. Иван тоже извлек из-за пазухи и карманов бутылку вина и несколько бутылок пива. Свертки с закуской.

– Вот это по-нашему, – обрадовался отец, – с этого и надо было начинать. А то я на мели сижу. Пошли на кухню.

Они вышли на кухню с оконцем: это была пристройка-засыпушка, сработанная отцовыми руками, когда Иван был еще совсем пацаном, и помогал ему таскать доски, разводить цемент для фундамента. На стенках висели иллюстрации художников-передвижников, прикрепленные кнопками, это создавало определенный уют и говорило о принадлежности хозяина к творчеству. Была еще печка, разделяющая комнату с кухней. Такая знакомая и родная. Когда они всей семьей жили здесь, Ванька на ней спал.

На столе у окна появилась нехитрая закуска: колбаса, хлеб, килька в томате, и просто развесная, в кульке. В центре стола возвысилась батарея спиртного. Звякнув стаканами, они выпили со встречей, и Иван был рад, счастлив, сидя в родном доме с отцом и другом. Что может быть лучше и дороже этого?

– Горчички хотите? – отец достал с полки старую засохшую горчицу. – Сойдет за третий сорт, налетайте. – Все засмеялись. Вскоре стол опустел, и друзья засобирались в путь-дорогу, дел у них было много впереди. Надо торопиться.

– Отец, я хочу к дядьям сбежать. Пусть дядя Митя свою жену попросит, нас на релейный завод устроить, на работу. Было бы неплохо.

– Бегите, я тоже скоро подгребу, дела у меня есть неотложные, – кивнул отец, собирая опустевшие бутылки в авоську. Друзья понимающе переглянулись и, быстро одевшись, выбежали на улицу.

– Отец у тебя мировой мужик, художник, – уважительно сообщил Николай другу. Тот кивнул в ответ, совсем как его отец недавно. – А мать где же твоя?

– Она с новым мужем и братом Вовкой в Мурманске теперь живет. Бусоргин Лев Игнатьевич, может, знаешь? Учитель физкультуры.

– Да знаю я его. Выпивоха еще тот, у него жена от рака умерла, тоже училка была.

Они пересекли центральную улицу Ленина, и вышли на Стрелецкую. Все свои долгие школьные годы Иван ходил этим маршрутом в школу, с первого класса.

– Я здесь учился, – кивнул он на школьное одноэтажное здание в глубине двора, – целых четыре класса, потом нас в главное здание перевели, на Комсомольской улице.

– А здесь мой папашка живет с новой семьей, – показал Николай на прочный деревянный дом рядом со школой. – Мы с матерью одни проживаем, сам видел. А вон там, на углу напротив, сестрица моя двоюродная, Валька, гнездится. Надо познакомить тебя с ней. Красивая девка, хоть и оторва, если бы не сестра мне, сам бы приударил за ней, – заржал Николай, по-приятельски похлопывая Ивана по плечу.

Колькин отец был чуваш по национальности, ушел от них уже давно и жил другой семьей. Колька стыдился, что отец у него чуваш, так как все ребята вокруг были русские, и он скрывал это, хотя на лице его явственно проступали черты инородца. Мать у него русская, и он получился красавцем-метисом, полукровкой. Все в городе знали о его тайне, но молчали, щадя его самолюбие, и лишь за глаза называли: Колька Васильев, чуваш, и все понимали, о ком идет речь.

Друзья почти бегом спускались по Комсомольской улице вниз по уклону, к станции, не доходя до которой квартала два, на улице Куйбышева, 14, проживали Ванькины дядя. И этот маршрут был ему так же знаком: сколько раз он хаживал по нему, или ездил на велике в гости к дядьям и бабушке, когда она была еще жива.

– Хочешь, анекдотец расскажу? – Кольке скучно было идти просто так:

«Дружок один говорит своему корешу:

– Хочешь в групповухе участвовать?

– Да ты што, – возмутился кореш, – нет. А што?

– Тогда я тебя вычеркиваю.

– А кто остается?

– Как кто, я и твоя жена!» – Колька громко хохочет на всю улицу, привлекая внимание прохожих. Ванька усмехнулся для приличия, хотя анекдот ему не понравился. Его интересует совсем другое:

– А ты читал, скоро наши космонавты на Луну полетят. Может, и мы к старости слетаем, как туристы. Как думаешь?

– Тоже мне размечтался. Нам и здесь неплохо.

– А что, я бы полетел...

Они подошли к двухэтажному дому: низ кирпичный, верх деревянный, поднялись на второй этаж по крутой скрипучей лестнице, и оказались в квартире дядей, где за круглым столом у окошек расположилась компания мужиков, сражающихся в шахматы на деньги: по рублю за партию, то есть за выигрыш одного из двух бойцов.

Баталия была в самом разгаре.

– А, Ваня, проходите, – первым увидел их дядя Юра, он был в просторной вельветовой куртке, скрывающей горбы на груди и спине. Они сдавливали его с двух сторон, и дяде Юре было тяжело дышать, как рыбе, выброшенной на берег. Но он не сдавался, был весел и всегда смеялся громче всех, так как был еще и глуховат.

Иван с Николаем присели на диван, и оттуда наблюдали за ходом игры.

– Ну, все, тебе шах и мат! – дядя Митя убрал с шахматной доски королеву противника, и водрузил на ее место свою, рядом с чужим королем. Все облегченно выдохнули и засмеялись, игра им понравилась.

– Ну, ты и мастер на выдумки, Димитрий. Как ловко подкрался к его королю, я и не заметил, – восхитился Виктор Шереметьев, усмехаясь хитрым лицом. – Все, гони рубль и вылазь из-за стола, – хлопнул он по спине красного от переживаний здоровяка.

– Да, слон, проигрался ты в пух и прах, похудел на рубль, – подзуживали остальные, наблюдая, как здоровяк вытащил из кармана мятый рубль и нехотя положил на стол.

– Ничего, в другой раз отыграюсь, – тряхнул он упрямой головой и встал, оказавшись к тому же высоченным детиной под потолок. Слон, одним словом.

– Теперь ты садись, твоя очередь, – предложил Виктору Ванькин отец, ухмыляясь. – Готовь рупь. Митя вчера весь вечер партии по книжке Кереса разбирал.

– Нашли дурака, – хохотнул Виктор. – Митя за рубль удавится, но не проиграет. Сам садись, а мы посмотрим пока, поучимся.

Отец не возражал, и сел напротив брата, подмигнув сыну с его приятелем. Он тоже изучал Кереса и неплохо играл в шахматы. Битва гроссмейстеров началась, и это было надолго. В комнате воцарилась тишина...

По вечерам дядя Митя с братьями штудировали иногда книгу Пауля Кереса «Сто партий», от нечего делать. Разбирали партии гроссмейстеров, изучали дебюты, например: дебют четырех коней, сицилианская защита, каро – канн, ферзевый гамбит, и тут на глаза дяде Юре попала партия: Шмидт – Керес. В ней Керес выбрал дебют – староиндийскую защиту, а дядя Юра обожал индийские фильмы с Радж Капуром. Он корпел над этой партией целую неделю, и потом стал выигрывать у ребят. Однажды выиграл даже у брата Мити, чем и прославился.

– Я играю, как Шмидт, – хвалился он, – если не выиграю, так на ничью сведу. Факт.

С чьей-то легкой руки к нему приклеилась кличка «Шмидт», которой он очень гордился. И благодаря которой стал известен в городе, как авторитет, и глава подгорной шпаны. Тем временем, число любителей шахмат росло, играли летом в горсаду, зимой у дяди Мити на квартире. В ней перебивали все шахматисты города. С годами в Алатыре образовался шахматный клуб, и в этом была немалая заслуга дяди Мити и его братьев.

– Ладно, посидели, пора и честь знать. Побегали в парикмахерскую, там нас Машка Стародымова ждет, я с ней договорился. Покрасит нас басмой в черный цвет, будет полный улет, – шепнул Николай Ивану, и тот кивнул, вставая с дивана:

– Мы пошли, прогуляемся, – сообщил он отцу с дядями, и те тоже кивнули ему, не возражая. Дядя Юра похлопал по радиоле, стоящей у окна на тумбочке:

– Заходите почаще, пластинки покрутим, – и помахал ребятам рукой на прощанье: – Сами видите, матч века идет!..

Друзья мчались вверх по улице, к парикмахерской, которая находилась на пересечении улиц Комсомола и Ленина, в самом центре города, напротив кинотеатра «АРС» и Горсада. Сколько любимых фильмов посмотрел Иван в этом кинотеатре, не перечить. Николаю не до детских воспоминаний.

– Как раз перед Новым Годом и покрасимся, пофорсим перед телками.

– И в ДК, на танцы пойдем, – мечтал Иван, поспешая за своим резвым другом.

– Точно. Я им там такой концерт выдам, все девки алатырские наши будут, – Николай был более конкретен, и подмигнул другу плутоватым глазом: – Машка хороша, хочешь тоже попробовать, я мигом устрою. Не пожалеешь.

– Да ты что, она же со Славкой Фурманиным живет, вдруг он узнает. Неудобно, чай знакомые.

– Не узнает, ему лишь бы литр вина выхлебать каждый день, да поорать во все горло, тут он мастер, – хохотнул Николай с брезгливой миной. – А мы в это время его Машутку потискаем, не дадим бабе пропасть.

Друзья взбежали по ступеням крыльца и распахнули двери парикмахерской:

– А вот и мы. Машуля, ну-ка сделай из нас брунетов. Помнишь, обещала вчера?

Они подошли к полной, молодящейся парикмахерше с пышной прической, которая обрабатывала клиента, ловко манипулируя расческой и ножницами. Увидев ребят, она радушно заулыбалась: – Садитесь пока, сейчас освобожусь, и за вас примусь.

Она была весела и энергична. За это ее все и любили, так как люди в основном все скучные, нудные, только не Машка Стародымова. Мужики так и льнули к ней, словно мухи на мед, зато бабы терпеть ее не могли и за глаза называли прошмандовкой, прости господи, и прочими непотребными словами, которые никак нельзя обозначить на бумаге. Впрочем, можно сказать и вполне пристойно: слаба на передок.

Сожителя ее тоже знали все в городе, как пьяницу и дебошира по прозвищу «Чех», так как он был самым настоящим чехом, родившемся в чешской семье, обосновавшейся в свое время в Алатыре, и впитавшем не самые лучшие черты характера и манеры истинного алатырца.

Спустя некоторое время, они уже шагали брюнетами по центральной улице города, и знакомые удивленно оглядывались на них: гуляют ребята после армии, выкаблучиваются. А ребята тем временем сбегали к Ивану домой, похлебали кислых щец, поели вареной картошки с огурцами, передохнули малость, потрепались о том о сем, и снова в путь – гулять так гулять. На то она и свобода.

Иван уже сменил армейскую шинель с шапкой на гражданскую одежду. Бабушка купила внуку с пенсии меховую шапку-пирожок, как у Ивана царевича на сером волке. Друг детства Васька Устименко дал ему двадцать рублей на полуботинки, а Коля Васильев у себя дома вынул из ящика на кухоньке инструменты, и ловко нарастил на новых полуботинках каблук, поставил на них набойки, и Иван щеголял теперь по городу в новых модных туфлях. Старое его пальто с шалевым воротником было ему впору, так как мать когда-то покупала его своему сыну навыворот, когда он учился в пятом классе.

Теперь они с Николаем хотели как можно быстрее заработать денег, и придется как следует, благо Марья Дмитриевна, с которой проживал дядя Митя уже долгие годы, и которая была ему, как теперь бы сказали, гражданская жена, обещала устроить их на релейный завод сразу после Нового Года.

Вот только бабушка захворала, и ее положили в железнодорожную больницу, в городской не было мест. Так получилось, когда они отмечали возвращение внука из армии, Евдокия Алексеевна на радостях выпила, и налегке несколько раз выходила в сени, где стояло помойное ведро, по нужде. Разгоряченную, ее прохватило морозцем, и она слегла.

Квартирантки съехали с квартиры, так как Иван стал захаживать домой с Николаем, они выпивали, балагурили с женщинами, стали распускать руки, и поссорились, когда те отказали им во взаимности.

Иван тогда осерчал, и стал гнать их прочь, говоря, что это его квартира, и он здесь хозяин. Он чувствовал себя виноватым в происшедшем, несмотря на заверения Николая, что друг прав, и как-то навестил бабушку в больнице, принес ей банку компота.

Старушка была рада внуку, беспокоилась о квартире, но Иван сказал ей, что следит за порядком, топит печь, и она успокоилась.

– Приходили ко мне мои квартирантки, навестили, снова в селе своем живут. На работу на автобусе ездют. Может, оно и к лучшему, – бабушка пытливно посмотрела на внука, но он отвел глаза и понял, что женщины не рассказали ей о его проделках. Пожалели старушку.

Врачиха сказала Ивану, что его бабушка идет на поправку, и недели через две ее выпишут. Так что жизнь шла своим чередом.

Однажды вечером Иван встретился с Николаем возле входа в горсад, как условились. Николай был не один, а с двумя девицами веселого нрава. Познакомились, и Иван пригласил их к отцу в гости. По пути они забежали в гастроном, купили водки, закуски. Иван знал, что отец заночует у Шуры, женщины, с которой он встречался уже с год. Оба любили выпить, посмеяться, оба были одинокими. Это их и сблизило.

На кухне у отца они выпили, посмеялись шуткам Николая, он был мастер «на все руки от скуки». Но вот выпивка кончилась, пора браться за дело, и Николай со своей Зинкой, которую он нежно звал «мой зайчик», расположились в комнате на диване, и вскоре оттуда послышался смех, возня, и другие будоражащие воображение звуки.

Ивану с его новой подружкой достался топчан на кухне. Подружку звали Людка Мондина. Это была худенькая, смазливая и шустрая девица, такие ему не нравились. Все же кое-как дело у них сладилось, и к утру они даже испытали друг к другу нежные чувства. Иван был доволен собой, не опозорился, и то ладно.

В комнате за дверью снова послышался смех, возня, и вскоре Николай вышел на кухню, позевывая. Друзья выскочили из дома и пристроились по малой нужде у забора:

– Ну, как Людка, поддала тебе жару? – хохотнул Николай.

– Да так себе, я не люблю тощих, сам такой же. Охота больно костями друг на друге греметь, – отшутился Иван, и друзья засмеялись, рисуя струями на снегу узоры.

– Ладно, я обещал тебя с сеструхой познакомить, считай, дело уже в шляпе. Там совсем другой коленкор, сам увидишь.

И они, убрав свои боевые приборы в ширинки штанов, метнулись в дверь дома, замерзнув, ведь там, в доме, их в тепле и неге поджидали ночные красавицы...

Валька, сестра Николая, оказалась девушкой видной, фигуристой, и не менее веселой, чем ее брат. Познакомились они с Иваном возле ее дома, и сразу понравились друг другу. Николай же, сделав такое полезное для друга дело, умчался на свидание к своему «зайчику», а Иван повел девушку к себе в подгорье. Они спустились по спуску Дмитрова к дому № 4. Во дворе, слава богу, никого не было, а то и так уже сплетни о нем ходят: гуляет, мол, напропалую. Девоч гуляющих в дом водит, пока бабушка в больнице.

Валентине понравилась квартира ее нового ухажера, возможно, даже жениха, поскольку брат сообщил ей, что кроме квартиры у Ивана есть свой дом, огород в двадцать соток, сад, и вообще, наплел ей с три короба о таком выгодном для нее знакомстве. Сама она проживала в домике с родителями, братьями и сестрами, особо не разбежишься. А тут на тебе, дембель с двумя домами, садами и огородами.

И она чуть не задушила в жарких объятиях истосковавшегося по любви бывшего солдата, прямо на бабушкиной кровати. Иван тоже вошел в раж, и закрутилась у них любовь-морковь. Валька работала посменно, на обувной фабрике, вместе с Зинкой, подружкой брата, и друзьям было чем заняться в свободное от ночной любви время.

Они обегали весь город, познакомились с другими девушками, назначали им свидание, встречались, и вскоре прослыли в городе местными Дон Жуанами.

Многим ребятам это не нравилось, у них чесались кулаки, хотелось проучить хвастунов, но применить их они побаивались, так как Ванькин дядя Юра (Шмидт) был в городе авторитетом, которого все уважали. И боялись.

Друзья были, не разлей вода, и то Николай ночевал у Ивана в подгорье, то Иван у Николая с его мамой в комнатке-пенале, в тесноте да не в обиде. Мама кормила ребят картошкой с майонезом, пирожками с капустой, от добра-добра не ищут, и Иван загостился у них целую неделю. Однако пора и честь знать. Утром следующего дня друзья разбежались ненадолго, и Иван побежал к себе домой.

Замка на двери не было, а в квартире сидел у стола брат бабушкин, дед Антоша, его баба Фира намывала полы, и Иван смутился, чувствуя свою вину за кавардак в доме.

– Здравсьте, дядя Антоша, тетя Фира, вот не ждал вас увидеть, – зачастил было он, тут из спальни вышла бабушка с простыней в руках. Она перестилала свою постель.

– Вот и внучок явился – не запылится, не прошло и недели. Загулял, стало быть. Забыл про бабушку. Хорошо вот, брат с Фирой помогли, из больницы забрали, домой привезли. – Бабушка была обижена на внука. Он молчал, не зная, что ответить.

– Молодо-зелено, чего уж там, – закричал дед Антоша, – чай и сами молодыми были, бедокурили почему зря.

– Ну вот, и полы чистые, – баба Фира тем временем домыла полы, и ставила самовар. – Чайку сейчас попьём, слава богу, все живы и здоровы.

– И то правда, – согласно закивала бабушка, убрав постель. – Постелю-то всю изгвоздил, в сапогах што ли на ней валялся? Соседи вон сказали, девок всяких таскаешь в дом, да дружка нахального, чувашина. Прости хосподи, нас грешных, – закрестилась она на иконы. Бабушка была бледная после болезни, худенькая, маленькая, в темном платье и платочке, и у Ивана сердце зашло от жалости к ней.

– Что ты, бабуля, не сердись, я не со зла, честное слово. В армии так наслужился, захотелось отдохнуть, – обнял он свою бабушку и чмокнул в морщинистую щеку.

Дед Антоша с бабой Фирой одобрительно закивали, слушая их диалог, и хлебая чай из чашек вприкуску с сахаром. Мир в доме был восстановлен.

Успокоив бабушку, и попрощавшись с родственниками, Иван помчался проведать отца. Тот был дома, сидел у стола на кухне в дымину пьяный, и улыбался сыну. На кухне было грязно, горы бутылок везде, мусор. Иван заглянул в комнату и глазам своим не поверил: она была пуста, и печально смотрела на него красивыми обоями со стен.

– А где же мебель, ковры, картины?

– На х... они мне нужны? Пропил все, делов-то...

Отец позвякал пустыми бутылками, отыскивая, не осталось ли где спиртного? Увы.

– А с Шуркой, курвой, я разругался и ушел от нее. Навсегда. Знаешь, сын, я ведь ее на море, в Сочи возил, а тут заработать негде было, я у нее трешницу на пиво попросил. Так она не дала. Нет, говорит, а сама только что получку получила. Курва и есть.

– Ладно, отец, не журись. Я сейчас в магазин сбегая, за красненьким. Тяпнем по стаканчику. А если еще и посуду твою сдать, на три пузыря хватит, как пить дать.

– Вот это другое дело. Чай ты сын мне, помнишь, как в Чебоксарах, у нас дома, мы с тобой боролись? Ты на моих ногах пикировал.

– Все помню, отец, ты отдохни пока, я мигом...

Валентина, тем временем, прознала, что квартира не Ванькина, а бабушкина, в доме тоже не он, а отец его хозяин, к тому же пропойца и дебошир, хотя и художник. Алатырские художники все такие, им бы водку жрать, да орать с утра до вечера. Бузотеры.

И она как-то сразу охладела к жениху, а однажды вечером появилась возле своего дома с новым ухажером. Иван тоже пришел к ее дому, повидаться, и дело чуть не дошло до драки. А драки в Алатыре обычно добром не кончаются.

– Плюнь ты на нее, дуреха она, красивые бабы все дуры, – успокаивал его наутро Николай, когда Иван явился к нему домой в расстроенных чувствах. – Я тебя с Алькой познакомлю, они с моей Зинкой, зайчонком, вместе квартиру снимают на Жуковской. Соседствуют с Машкой Стародымовой и Славкой Фурманиным, – обстоятельно объяснил Николай другу, куда они пойдут вечером.

После этого он схватил гитару, ударил по струнам, и запел по-английски своих любимых битлов. Иван любил слушать, как поет и играет его друг.

– Давай опрокинем по рюмашке, пока мать на работе. Да ты сиди, у меня припасено, – усадил Николай вскочившего, было, сбегать за вином друга. На столе появилась бутылка водки, картошка с огурцами, квашеная капуста, колбаса, хлеб.

– Это тебе не в армии, а на гражданке. Жизнь сказочная, свободная. Захотели, выпили и закусили, захотели, с девками любовь закрутили. Правильно я говорю?

Иван молча кивнул, наблюдая, как друг разливает по рюмкам водку.

– Это я у матери из загашника пятерку стибрил, иногда и гульнуть охота, – пояснил ему Николай, нарезая колбасу, – с возвратом, конечно. Она у меня добрая, доверчивая, золото, а не мать. Ну, вздрогнули!

И друзья дружно звякнули рюмками, чокаясь, выпили по первой...

В отличие от Ванькиного школьного друга Борьки Зубаренко, Николай культурно брал стопку со стола, опрокидывал в рот водку, и бросал вслед за ней туда же горстку квашеной капусты. Аппетитно хрустя, и широко улыбаясь, он снова набрасывался на гитару и рвал струны, отбивая ритмы и напевая по-английски что-нибудь из любимых битлов. Он знал много песен из их репертуара.

Выпивал он скорее для веселья, и дружеского разговора за столом, Борис же просто тупо пил, чтобы напиться и забыться. Закусывал мало, зато довольно сносно играл на баяне. Тщательно стуча по кнопкам инструмента, он наставлял на баян ухо и прислушивался, дабы не ошибиться и не сфальшивить.

Любил он лирические песни, и напевал хриплым голосом, стараясь не сбиться, и все же фальшивя. Самоучка. Но всему есть предел. Вот и водке конец, и веселью шабаш. Борис храпит, лежа навзничь на своей односпальной железной кровати. А Ванька, пошатываясь, бредет к себе домой поздно вечером.

Наутро, когда Иван забежал к другу по пути на работу, или еще куда, Борис здоровался с ним за руку, словно они сто лет не виделись, и восхищенно крутил всклокоченной со сна головой, вспоминая вчерашнее веселье.

– Здорово мы гульнули вчера. Литр целый водяры опрокинули, аж башка трещит с похмелюги. А ты как, терпишь? – смотрел он весело на бледного друга и подмигивал, кивая на дверь в кухню: – счас нас мать подлечит.

Оттуда выбегала низенькая женщина с простым деревенским лицом и спешила в комнату, держа в руках трехлитровую банку с соленьями. Звякала стаканами, наполняя их доверху мутной влагой, и друзья блаженно пили огуречный рассол, покрывая от наслаждения и отдуваясь.

Тетя Надя, так звали Борькину мать, молча сочувствовала ребятам, а дядя Ваня, Борькин отец, фронтовик, понимающе хмыкал, трясая головой и доставая из пачки папиросу дрожащими руками, так как он был тяжело контужен на фронте, и с тех пор страдал головными болями. Но не сдавался.

– Ниничччего, скоро пройдеддет, – заикался он, добродушно посмеиваясь и покуривая «Прибой», или «Байкал».

Ванька любил своих друзей, каждого по своему, питая к ним нежные дружеские чувства, правда, скрывая их под личиной равнодушия и беспечности. Друзья отвечали тем же. Он часто вспоминал своего первого друга детства, Витьку Фролова, но они уже давно уехали, жили в Москве. Это так далеко от Алатыря.

Особые чувства Ванька испытывал к другу детства Ваське Устименко, но тот был занят учебой, поглощен астрономией и другими науками, тут уж не до друга детства. К тому же он увлекся атлетической гимнастикой, с отягощениями, и каждодневно кряхтел в сарае, поднимая тяжелые гири, и выжимая штангу.

Впоследствии, занятия спортом дали результаты. Васька превратился в высокого, атлетически сложенного парня, закончил физмат Казанского университета, и уехал из Алатыря в один из институтов ядерной физики, куда его пригласили работать, как перспективного молодого ученого. Позже он забрал к себе и стареньких своих родителей. Спустя годы он стал широко известен в узких научных кругах.

Иван же, как и его друзья Борис с Николаем, жили своей земной провинциальной жизнью, мало заботясь об учебе и карьерном росте. Их влекло к девушкам. Ванька с Николаем были мечтателями и философами по жизни, это их и сблизило.

Борис был проще, но тоже не прочь приударить за какой-нибудь молодухой. Он мечтал жениться, и обзавестись семьей, детишками. Работать электриком на заводе, чтобы все честь по чести, как любил он говорить. Вскоре мечты его осуществились.

...Но вот водка выпита, еда съедена, рука бойца играть устала, и друзья выскочили из-за стола. Николай быстро прибрал со стола все следы пиршества, протер клеенку.

– Побежали, скоро мать с работы зайвится, и Зинка с Алькой с фабрики подгребут. Пора и нам в огород, красавиц окучивать, – и они устремились на улицу.

Алька оказалась не менее симпатичной девицей, чем сама Колькина Зинка (зайчонок). Обе были рады ребятам, устроили чаепитие с конфетами. Николай временно отлучился, якобы в туалет, и вскоре нарисовался вновь, но уже с двумя бутылками «красенького». Выпили, закусили, посмеялись.

После чего Николай уединился с Зиной в дальней комнате, а Иван с Алькой остались в передней. Девушка она была видная, но угловатая и резкая в выражениях, однако Иван был рад новому знакомству. Он еще не отошел от предательства Валентины, и молча страдал, не признаваясь в этом даже самому себе.

Он решил идти ва-банк, как любил говаривать его дядя Митя, рассказывая о своих мытарствах в поездках по стране. Они с отцом часто выезжали на заработки, их знали в церквях, как хороших художников.

Обняв Альку, он поцеловал ее, ожидая, что она возмутится, но девушка сама вдруг прижалась к нему, и парочка разразилась многочисленными поцелуями и объятиями. Тем более, что их возбуждали страстные вскрикивания, охи и ахи, доносящиеся из соседней комнаты вперемешку с ритмичными скрипами кровати. Николай был, как всегда, в ударе. Зинаида не уступала ему в силе чувств.

Между страстными сериями поцелуев, Алька вдруг резко отодвигалась от Ивана, упираясь в его грудь руками, и спрашивала, глядя глаза в глаза:

– А ты знаешь, что у меня жених есть? Он скоро приедет, и в Саратов меня увезет. Я его люблю. Ты понял?

– Так это еще не скоро будет. Он не узнает.

– Да, поговори еще у меня. Ишь, зубы заговаривает. Так еще и трахнешь, ойкнуть не успеешь. Кобель.

– А ты не ойкай, молча будь...

И они снова целовались и обнимались, страстно желая, и боясь друг друга. Алька снова взбрыкнулась, пытаясь вырваться из жарких объятий. Не тут-то было. Иван держал кобылку крепко. Не вырвешься.

– Все равно не дам. Я жениху не изменю. Слово дала. Иди вон Машку Стародымову трахай, она всем дает.

– Так у Машки чех есть, он буйный малый.

– Это не мешает твоему дружку ее окучивать.

– У Кольки же зайчонок есть, зачем ему еще эта старая кляча, – удивлялся Иван, продолжая тискать свою подружку, и стараясь завалить ее навзничь. Никак.

– Это ты у него спроси, он всех хочет перетрахать, Дон Жуан долбаный.

В самый разгар их любовных игр, когда победа уже клонила в сторону настырного кавалера, раздался громкий стук в дверь.

– Кого это еще несет нелегкая? – насторожилась Алька, вырвавшись, наконец, из его цепких лап.

– Небось, очередные хахали нагрязнули, – съязвил раздосадованный кавалер. Птичка вырвалась из клетки и упорхнула.

«Эй, Зинка, открывай, давай! Чего притаились?» – донеслось снаружи. При звуках знакомого голоса Иван насторожился. Уж не отец ли прибыл? Вот чудеса в решетке.

Из дальней комнаты выпорхнула удовлетворенная Зинка, и поспешила в коридор вальяжной труссой.

– Пошли, я тебя спрячу. Сиди там и помалкивай. Мы их скоро выпроводим, – и Алька спрятала своего кавалера в чуланчик, рядом с передней. Николай притих в дальней комнате, тоже затаившись от непрошенных гостей.

В квартиру ввалились громогласные мужики, звякая бутылками в карманах: отец с дядей Митей, Виктор Шереметьев, и еще кто-то, Иван по голосу не мог распознать, кто.

Были они все тогда молодые мужики по сорок-сорок пять лет, но Ваньке они казались стариками, и он недоумевал, сидя в маленьком пыльном чуланчике, зачем они пришли, что, им делать больше нечего? Это у него, молодого парня, здесь дела, чувства к девушке, а им что надо, играли бы в шахматы у себя дома. Тоже мне женихи нашлись, думал он, затаившись в неудобной позе, но выдать себя не мог, неудобно.

– Ну, што долго не отпирали? Небось, женихов где прячете? – шутили мужики, что называется, не в бровь, а в глаз, ставя бутылки на стол.

– Тащи закусить чего-нибудь, хряпнем по стакану, да дальше побежим, к Машке со Славкой заскочим, так ведь, Николай, – зубоскалил Виктор Шереметьев, как самый молодой из компании.

– Закусь градус крадет, – поучал его Николай, то бишь Ванькин отец, хриплым голосом, громко прокашливаясь. Ему на фронте пуля прошила горло насквозь, и он много лет ходил с железной трубкой в горле, прикрытой платочком под рубашкой.

Был инвалидом войны, как и его брат, Дмитрий. Позже ему сделали операцию в Чебоксарах, горло зашили, инвалидность сняли, чем обидели фронтовика. Горло его так же болело и саднило, как и до операции, правда, уже без трубки, и на том спасибо родному государству за заботу.

Дядя Митя шутил в кругу друзей: может, и мне ногу пришьют, стану снова здоровым, на двух ногах. Хрен с ней, с инвалидностью, тридцать рублей не жалко, заработаем. Зато государство на нас с Николаем шестьдесят рублей сэкономит.

Однако отец не унывал, жить пытался весело и на людях. Не выносил трезвости и одиночества. В компании всегда верховодил, и друзья-товарищи величали его шефом. После заработков сорил деньгами направо и налево, по-купечески, сказывались гены предков, волжских купцов.

Они выпили, поболтали, пошутили с дамами, накурили, и ушли, гогоча и хлопая дверями. После их ухода наступила громкая тишина.

Вот так началась у Ивана новая любовь. С легкой руки своего друга. Но длилась она недолго, приехал Алькин жених, и действительно увез ее в Саратов, не врала девка. Позже Иван узнал от Зинки, что они поженились, пошли дети. Семья, одним словом.

Наконец, настал Новый Год, зал в ДК был празднично оформлен: елка до потолка, игрушки, гирлянды, все как положено. Молодежь прибывала и прибывала. Зал битком.

Николай с Иваном дождались своего часа. Пока оркестранты ВИА устанавливали свои инструменты на сцене, Николай попросил у них гитару и подошел к микрофону, улыбаясь своей широкой обаятельной улыбкой, чем сразу заинтересовал девушек, и они мелкими стайками сгрудились перед сценой. Ясное дело, сейчас красавчик будет петь. Интересно послушать.

– Я человек простой, говорю стихами, – шутливо подмигнул им Николай, успевая при этом пройти по струнам незнакомой гитары. – Еще я пою песни группы «Битлз», на их родном языке, хотя это не поощряется начальством. Ну что, приступим.

Он ударил по струнам, отбил ритм, как положено, и запел одну из своих любимых песен: long long long, (Долгий, долгий, долгий), чем сразу же привлек всеобщее внимание.

Молодежь была в восторге, такого выступления в их городе еще не было. Ивану тоже было приятно видеть успех друга, который был в ударе, и спел еще несколько песен.

Под аплодисменты в зале он отдал гитару владельцу, и спрыгнул со сцены, весьма довольный собой.

Как проходил вечер молодежи в провинциальном Доме Культуры, думается, многим понятно. Живая громкая музыка, песни в исполнении ВИА, танцы, стычки и потасовки среди подвыпивших ребят, дружинники выводят пьяных из зала, и вместе с милицией разнимают дерущихся на выходе, все как полагается в таких случаях в России.

Друзья познакомились с двумя высокими девушками, и после белого танца проводили их по домам, благо они жили в центре города, неподалеку.

Как-то они еще раз встретились в ДК, уже после новогодних праздников. Девушки пришли в импортных сапогах на высоких каблуках, и стали еще выше. Николай был рослый, видный, парень хоть куда, а вот Иван худенький, среднего роста, мелковат, в общем, для таких красавиц. Да еще неважно одет. Они презрительно оглядели его и удалились к своим знакомым, здоровенным верзилам.

Иван был удручен, а Николай сделал вид, что ничего не понял, шутил, подвел к другу новых подружек, милых и невысоких. Иван повеселел, и друзья протанцевали с девушками весь вечер...

Марья Дмитриевна, как и обещала, устроила друзей на завод, слесарями по изготовлению техоснастки в гальванический цех.

В самом цехе от ядовитых испарений было нечем дышать, но в их слесарке было окно, дышалось легче, и они с энтузиазмом принялись за работу, так как она была сдельной. Сколько заработаешь, столько и получишь.

На рамки надо было наматывать специальную изоляционную ленту, на перекладки припаивать крючки, всего и делов. Затем на эти крючки уже в цехе работницы в спецодежде вешали детали, и рамки опускались в ванны с сильнодействующими растворами. Далее шел так называемый процесс гальванической обработки. Химия, одним словом.

В первый день они изготовили по десятку рамок, на второй поменьше, дальше еще меньше. Руки у них уже еле двигались, энтузиазм исчез.

– Это с непривычки, потом обвыкнете, легче будет, – сказали им другие слесаря, со стажем.

Подсчитав по расценкам, сколько надо сделать рамок, чтобы получить хотя бы рублей по сто, друзья приуныли. – Это вам не за девками на танцульках приударять, – шутили работницы в спецодежде, наслышанные о похождениях молодых ловеласов.

– Давай отработаем с месяц, и рванем куда-нибудь на Север, в Мурманск или Архангельск, или на Дальний Восток, во Владик, устроимся там матросами на траловый флот, вот где деньжищ заработаем, – мечтал Николай, Иван был не против.

– Знаешь, по пути в Москву заедем. Там у меня дружан армейский есть, Мишка Савин. Вместе с ним в госпитале лежали, в Солнечногорске. Это под Москвой, – объяснял он другу. Николай тоже был не против заманчивого предложения.

– А што, повеселимся, Москву посмотрим, себя покажем, и на Север!

Так и получилось. Отработав пару месяцев, они уволились с завода, взяли билеты в общем вагоне, дешевле и веселее ехать, и укатили: только их и видели.

Кольку провожала мать на вокзале, плакала в платочек, а вот Ванькина бабушка не смогла проводить внука, все прихварывала, молилась богу и просила его забрать к себе.

– Не увидимся мы с тобой, Коконька, больше на этом свете, – причитала она, обнимая и целуя любимого внука.

– Ну что ты, бабаня. Я в отпуск приеду через год, – увещевал ее легкомысленный по молодости лет внук, – денег привезу, и заживем мы с тобой, как бароны. Вот увидишь.

Бабушка молча плакала, осеняя его на дорожку крестным знамением. Выбежав из калитки в переулок, Иван оглянулся и помахал бабушке рукой на прощанье. Тогда он не знал, да и не мог знать, что больше никогда не увидит свою бабулю живой.

В Москве они задержались у Мишки на целую неделю. Он показал им столицу, познакомил с друзьями, сводил в значные места – угощал сам, денег с них не брал. Зато уговорил остаться в Москве и устроиться на завод по лимиту.

– А что, поработаете, денег подзаработаете, поживете в общежитии, а там видно будет. Захотите, останетесь, захотите, на Север махнете, за туманом и за запахом тайги, – пропел он и заржал. – Хотя, везде хорошо, где нас нет. Меня брательник к себе в пивбар берет, халдеем. Вот там заработки. И ехать никуда не надо. За семь верст киселя хлебать. Ну, уж нет, ищите дураков в другом месте.

В общем, уговорил. Но тут вышел облом. Ивана взяли на завод ЖБК Метростроя, слесарем по оборудованию, предоставили койку в общежитии, а вот Николаю отказали.

Оказалось, он был женат. Хотя жена его проживала в Калининграде, где он служил, а муж в Алатыре. – Я уже и забыл про штамп в паспорте, вот невезуха, – сокрушался он.

А женатиков по лимиту не брали: жен привезут, дети пойдут, квартиру потребуют. Одна морока с ними.

– Нет, езжайте по месту жительства, там и работайте, – сказали в отделе кадров Николаю. Но тот не унывал. Попрошавшись с Иваном, и новым другом Мишкой, он поехал, развелся с женой, и укатил-таки не на Север, а на Дальний Восток. Так легла карта. И еще его влекла по жизни мечта, и он не мог ей противиться. Не хотел.

С этих пор разошлись пути-дорожки закадычных друзей. Иван жил и работал в Москве, женился на москвичке, закончил со временем институт, заочно, а Николай поступил матросом в траловый флот, и ходил на СРТ (траулере) по разным морям и океанам, ловил рыбку, большую и маленькую. Иногда приезжал домой, к своей старенькой маме. Тянуло в родные места.

В один из таких приездов они и встретились на вокзале в Канаше.

Иван тоже ехал в Алатырь навестить родных, а Николай возвращался после очередной путины, уставший от болтанки на судне и тяжелой работы, да еще дорога дальняя, особо не разъездишься. «Надо причаливать к дому, пора бросать якорь», – думал он, подходя к зданию вокзала.

Он вошел со стороны перрона в зал ожидания, и сразу же увидел Ивана, сидящего на лавке среди бабок и теток с мешками, баулами, корзинами и чемоданами. Мужики лежали на полу, прикорнув возле своих вещей, между ними бегали разнокалиберные детишки, бродили нищие, зыряка по сторонам в поисках добычи. Шум и гам, грязно и тесно, но все же лучше, чем на улице под пронизывающим ветром.

Иван тоже восторженно, увидев неожиданно-негаданно, как к нему шел его друг, с которым они не виделись уже много лет. Так сложилась жизнь.

Сказать, что Иван обрадовался, когда увидел друга, значило, ничего не сказать. Его охватил какой-то неиспытанный еще, душевный восторг, катарсис. Даже встать забыл, так и сидел сиднем.

Николай, широко улыбаясь, протянул ему руку для пожатия, и сел рядом, потеснив теток, будто они не виделись пару дней, не более. Он тоже был рад, хотя и скрывал свои чувства. Не любил он щенячьих восторгов, выросли они из коротких штанишек.

Расположившись поудобнее на лавке, они обменялись новостями в своей жизни, тут и пригородный поезд подали на двенадцатый путь, и друзья вместе с другими пассажирами поспешили к вагонам, чтобы успеть занять места у окон, так как ехать надо было часа четыре, не меньше...

В Алатыре Иван жил у своих дядей, на улице Куйбышева. Он привез из Москвы две тяжеленные сумки с продуктами: мясо, копченую колбасу, разные деликатесы. В Алатыре такого в магазинах не увидишь, разве только по благу. Дядья были довольны, отцу тоже выделили часть продуктов.

– Все равно пропьет, лучше пусть к нам приходит, поест хоть немного. На одном вине долго не протянешь, – хохотнул дядя Митя. Дядя Юра молча покивал головой в знак согласия со старшим братом.

Иван вымыл полы в доме у отца, выбросил мусор, прибрался немного. Стало почище. Выпили с отцом литр вина, потом прогулялись по городу. Отец с гордостью знакомил своих друзей с сыном, после чего все выпивали, и они шли дальше, снова знакомились, снова выпивали.

Иван смотрел на своего постаревшего, пьяненького отца в потрепанной одежонке с чужого плеча, и вспомнил свое далекое уже детство, тогда его отец был молодой, талантливый, модно одетый художник в фетровой шляпе, и шелковом кашне. Бостоновый костюм, галстук, драп-велюровое пальто, лаковые туфли, мало кто мог похвастаться в те годы подобным гардеробом. Свою жену он одевал еще лучше.

Он всегда был веселый, шутил и смеялся, поблескивая золотой фиксой во рту. Фартовый мужик, художник, говорили о нем друзья.

Сейчас отец тоже шутил и хрипло смеялся почти беззубым ртом, стоя среди таких же, как он, пьянчуг-приятелей. Один из них похлопал дружески Ивана по плечу:

– Ты, Ваня, не журишь. Отца не осуждай. Мы здесь все художники, собираемся иногда, выпиваем, калякаем об искусстве. Ты заходи ко мне, я тут рядом, на Ленинской живу. В шахматы сыграем...

Потом Иван побывал у своих школьных товарищей, а вечером они с Николаем прошвырнулись по подружкам. Их у Николая оставалось много, и все они были рады их приходу. В одном доме в хозяйке он признал Валентину, в которую был влюблен, и хотел жениться тогда, после армии. Хотя она и погрузнела, раздалась вширь, но все равно была чертовски хороша собой. Она тоже узнала Ивана, раскраснелась, обрадовалась ему и, скрывая это, засуетилась, захлопотала.

– Узнаешь, кого я привел тебе? – засмеялся Николай, хлопая сестру по-братски чуть пониже спины. – Она у нас разведенка, живет одна, – успокоил он друга, – сваргань нам закусь, небось, рада увидеть Ивана. Вижу-вижу, чего уж там...

Иван не помнил, как добрался до дома уже под утро. Подремал. Попил чаю с дядьями. Отца уже не было. Он, как всегда, находился где-то среди друзей-приятелей.

Затем Иван навестил своих теток, и брата с женой на Бугре. Побывал на кладбище, навел порядок на могилках родных ему людей.

Через недельку он вернулся домой, в Москву. На душе стало покойно.

И завертелась круговерть московской жизни. Так прошло несколько лет. Друг юности Боря Зубаренко как-то прислал ему письмо, где написал о своей жизни, об алатырских новостях. Еще сообщил, что у Коли Васильева умерла мать, и он ударился в запой. Нигде не работает, гуляет напропалую.

В последний раз Иван виделся с Николаем зимой 1981 года. В память об этой встрече на его книжной полке стоит книжка «Алатырь» с дарственной надписью друга.

Позже Иван узнал от товарищей, что Коля Васильев увлекся восточными единоборствами, и даже преуспел в этом.

Его сгубило бахвальство. Хлопнул он в кругу мужиков стакан неразбавленной стеклоочистительной жидкости, как ее ласково называли, голубые глазки, или коньяк «Три косточки», так как жидкость была голубого цвета. Разводить водой не стал.

– Смотрите, как надо пить!

Затем сел в сторонке, и сник. Думали, заснул. Глядь, а он уже холодный. Сорок лет недавно исполнилось этому веселому неугомонному человеку. Разве думал он, что такое может случиться именно с ним? Все наша русская самоуверенность, надежда на «авось». Авось, пронесет. Не пронесло на этот раз.

– Ему бы только девок мусолить, шалопут, – судачили о нем мужики промеж себя. – Никчемный человек, без царя в голове.

– Не скажи, – возражали другие. – Чтобы бабы тебя любили, надо тоже талант иметь. И еще кое-что. А как он поет, на гитаре играет, заслушаешься. Веселый парень, с таким не соскучишься.

– Этого у него не отнимешь, факт, – тут уж против не возражал никто.

И вот его не стало...

В каждый свой приезд в родной город, навестив родственников и знакомых, побродив по любимым с детства улицам, Иван ходит на кладбище, и ухаживает за могилками, где покоятся его родные: Маресьевы дед с бабушкой, бабушка Шмаринова с тремя своими сыновьями; Юрой, Митей, и Колей. Это его дядья и отец.

Находит могилки своих тетушек, школьных товарищей, и в конце этого печального посещения он обязательно приходит к Николаю.

У памятника другу, стоящего недалеко от дороги, разделяющей старое кладбище от нового, он стоит долго. В отличие от живого, веселого Коли Васильева, этот, на фотографии был строг, и как бы спрашивал Ивана: ну что, друг, как тебе живется на этом свете без меня, не устал еще от жизни-то?

«Дел по горло, планов много разных, ты же понимаешь, – отвечал ему Иван про себя, мысленно, пытаясь найти нужные, единственные слова, – а тебя я всегда помню, всю нашу бесшабашную послеармейскую молодость помню, друг ты мой сердечный».

.....

Москва, 2014 г.

Девушка в красном

В вагоне метро они ехали вдвоем, сидели напротив друг друга. Вокруг никого. Редкий случай. Обычно народу полно, не протолкнуться. Он был поражен яркой красотой девушки, ее экстравагантным нарядом, особенно красными фирменными брюками, обтягивающими ее восхитительную фигуру типа «Мандолина», от которой не оторвать глаз, и понял: это судьба, надо действовать, тем более, что она улыбнулась ему.

Он решительно встал и подсел к ней.

Посмотрел в ее лучистые глаза и утонул в них бесповоротно. «Эх, была, не была», – подумал он и решил соригинальничать, чтобы наверняка.

– The girl in the red pants, – произнес он, улыбнувшись девушке в ответ и с трудом выбираясь из сладкой бездны ее глаз на время беседы. – You are the girl of my dreams. You are beautiful!

Она явно не ожидала от худого, длинного и неказистого на вид паренька такой прыти, и удивленно вскинула брови: – Извините, я вас не совсем поняла. Вы иностранец?

– Увы, – развел он руками, – Юрий, или просто Юра.

– Людмила, или просто Люда.

Теперь все встало на свои места. Рубикон перейден успешно. – Дело в том, что я учусь на курсах английского языка, и решил вот воспользоваться, простите, если что не так.

– Наоборот, очень оригинально. А я вот к языкам не очень способна.

В это время поезд подошел к станции, и в раскрывшиеся двери повалил заждавшийся на перроне народ, шумно рассаживаясь вокруг них. Но главное уже произошло: они познакомились. Это был его шанс, и он его не упустил.

С тех пор они встречались каждый божий день. После работы ехали в условленное заранее место, в центре города, и гуляли по московским улицам, сидели в сквере на лавочке, и разговаривали. Им было о чем поговорить.

При этом они умудрялись говорить одновременно: он рассказывал о своем, она тоже выкладывала свои секреты, и они слышали и понимали друг друга на удивление легко и просто. Иногда, прервавшись на мгновение, начинали смеяться над собой, удивляясь, как это ловко у них получается. Не надо тратить время на выслушивание. И снова начинали беседу в два голоса сразу. Прохожие подозрительно поглядывали на парочку чудиков.

– У нас запускается скоро картина с поездкой за границу, надеюсь, меня пригласят работать. Декорации надо будет строить в павильоне, достройки в интерьерах, ну и натура в Чехословакии, затем в ГДР, – хвастался Юрий перед девушкой, а она поощряла его рассказ улыбкой, слушала внимательно и заинтересованно.

– Вот тут тебе и пригодится знание иностранного языка, молодец, Юрочка, – похвалила она парня, мельком поглядывая по сторонам. – Все-таки неспроста мы с тобой встретились. Оба художники-декораторы, коллеги. Ты на Мосфильме работаешь, я на студии Горького, удивительно, но факт налицо.

– Я на курсах художников учился, на студии, а ты где?

– И я такие же курсы закончила, только на своей студии, – и они снова засмеялись, от полноты чувств и приятных совпадений.

– А знаешь, за мной сам режиссер Герасимов ухаживал, все уговаривал к нему на курс во ВГИК поступать, – теперь уже похвасталась и Людмила, не выдержав, – только я не захотела. Я художница, а не режиссер, или актриса какая-нибудь там.

– Ты бы и актрисой стала клевай, с твоей-то внешностью, – восхищенно оглядел девушку, в который уже раз, Юрий. – Не мудрено, что на тебя все заглядываются. Сидим, как на витрине. Даже неудобно как-то.

И действительно, проходившие мимо мужчины всех возрастов, поглядывали на Людмилу с явным интересом. Многие оглядывались, чтобы еще хоть раз окинуть ее похотливым, вожденным, завистливым, или еще каким взглядом, и неприязненно кося в сторону сидящего рядом с такой красоткой невзрачного счастливица...

После очередного свидания Юрий ехал домой, как всегда, нехотя. Чем ближе к дому, тем хуже становилось у него настроение. В который раз он вспоминал о том первом дне их необычной встречи с Людой в метро, и был благодарен судьбе за это.

Семейная жизнь у него явно не задалась. Жена оказалась сварливой и злой на язык, хотя до свадьбы была смешливой и кокетливой девушкой, работала инженером в лаборатории на заводе ЖБК, (там они и познакомились, он работал слесарем по оборудованию в одном из цехов), и училась на вечернем отделении в МИСИ. Тогда она очень понравилась Юрию, он тоже приглянулся ей, и вскоре они поженились.

Он перебрался из заводской общаги к ним в московскую квартиру, на жительство, уже на правах супруга, и вот тут-то все и началось. Теще он не понравился с первого взгляда, она подозревала, что женился он на ее дочке из-за квартиры, да и вообще, не пара он ей. Провинциал без образования, а Ниночка ее инженер, скоро институт закончит. Нет, не пара он ей.

Жена была «девой» по гороскопу, и этим многое сказано: все делала на свой лад, и пыталась командовать мужем, как ребенком, хотя он и не давал для этого повода. Теща неустанно подливала масла в огонь.

– Вон у соседей, Марина, прям не нахвалится своим муженьком. Все, говорит, так и тащит в дом. Мебель новую купили; стенку, кухонный гарнитур. А наш придет с работы, и на диване бока пролеживает, охает, устал. А чево, спрашивается, делает там? Бумажки разные из цеха в цех носит за 120 рублей. Срамота одна. Я вон, старая, да 200 целковых огребаю.

Расположившись на полу, на желтом паласе, сынишка играл в машинки, прислушиваясь к разговорам взрослых, и с неприязнью поглядывая на отца, так как больше доверял маме с бабушкой. Они всегда с ним, а отец то на работе, то в командировках.

– Вы во вредном цехе работаете, вам и платят за это, – огрызнулся зять, уставший от придирок. Поймав на себе злой взгляд сына, вскипел весь: – Вон и сына моего против отца настраиваешь, карга старая.

– Маму мою не надо оскорблять, она участник войны, до сих пор работает, да нам еще помогает, – тут же высунулась из кухни жена, вступая в спор. – Лучше бы с сыном поиграл, или по хозяйству помог, в магазин сбегал за хлебом. А мама моя права, как всегда.

– Да уж, вас не переспоришь, – вскочил Юрий с дивана, и как ошпаренный, выскочил из квартиры на улицу.

«Еще молока не забудь купить, неврастеник», – донеслось до его ушей. И он пошел уже медленно по направлению к гастроному. Куда спешить.

И так постоянно, изо дня в день, пият и пият его жена с тещей на пару. О каких чувствах тут можно рассуждать? То, что было, давно погасло. Поэтому встречу с очаровательной Людмилой он воспринял, как подарок судьбы. Глядя на красавицу-художницу, он невольно сравнивал ее со своей женой, и сравнение было не в пользу жены.

Коренастая, плечистая чернявка со злыми бледно-голубыми глазками и тонкими поджатыми губами не шла ни в какое сравнение со стройной, красивой брюнеткой с чувственным ртом и большими карими глазами.

Даже общие интересы их объединяли. Оба художники, тогда как жена весьма презрительно отзывалась о его профессии и всячески подчеркивала, что она инженер-строитель, закончила МИСИ, а не какие-то там курсы художников-декораторов на Мосфильме, где отираются одни бездельники и развратники. Лучше бы на завод устроился художником-оформителем, да работал, как все приличные люди.

Но Юрий любил свою работу. На студии ему было привычно и даже вольготно. Характер у него был покладистый, спокойный, к профессии своей он относился серьезно, за что его поощряло начальство, уважали коллеги. Полно знакомых, товарищей, друзей, и даже подруг.

– Это все от того, что ты у них в примаках ходишь, – поучал его Валерий Семенкин, администратор кинокартины, на которой они вместе работали, и ездили недавно в творческую командировку, в Краснодар. Вот где уж они оторвались по полной программе, погуляли с кубанскими девчонками, попили вина в розлив, хотя и работать пришлось много.

– Что значит, в примаках? – не понял Юрий.

– А то и значит. Вот если бы они в твоей квартире жили, а не ты у них, то и разговор был бы совсем другой. Ты хозяин, значит, тебе надо угождать, слушаться. А тут что получается? Жена с тещей хозяева. Вот ты и бегаешь перед ними на цырлах, как цуцик.

– Ничего я не бегаю, – огрызнулся Юрий, понимая правоту доводов товарища, – больно надо. Было бы перед кем бегать.

– Это точно. Стой на своем, и будешь, казак, атаманом, – похлопал его по плечу Валерий, парень он был хваткий, юркий, и в жизни разбирался не понаслышке. – Найдем тебе кралю, плюнь ты на них, не журишь.

– Да я уже нашел, кажется. Когда ты увидишь, ахнешь от зависти. Слушай, а не жажнуть ли нам по стаканчику красного, поболтаем о том, о сем, – приобнял друга Юрий, и они направились к выходу со студии, горячо обсуждая приятные новости...

Лето было жаркое, почти без дождей, особенно это понимаешь и чувствуешь на своей шкуре, когда прогуливаешься по центру Москвы после полудня, и даже если сидишь в сквере, тебя обдувает не прохладой, а жарким пыльным воздухом, вперемешку с выхлопными газами бесконечных автомобильных потоков. Но это не мешало влюбленным каждый день встречаться в любое свободное от работы время, а они умели его находить.

Иногда они заходили в кафе на Новом Арбате, и с наслаждением вкушали мороженое, аппетитно разложенное в красивые креманки, попивали сухое белое вино, типа «Алиготе». Юрий был очарован Людмилой, и не отрывал от нее влюбленных глаз, она отвечала взаимностью.

Какие бы они были художники, если бы не побывали в Третьяковке, в музее им. Пушкина. Им нравились одни и те же живописцы, картины.

Они даже прокатились как-то на речном трамвайчике по Москве-реке, от площади Киевского вокзала до парка Горького. И загуляли там до позднего вечера, завершив его в пивном ресторане «Пльзенский», что на набережной реки Москвы. Пили чешское пиво с креветками, ели шпикачки с капустой, и покинули ресторан вместе с последними посетителями, так им понравилось в этом просторном светлом павильоне.

Проводив Людмилу, она жила недалеко от кинотеатра «Зарядье», Юрий добрался до дома на перекладных уже далеко за полночь, где его встретила разъяренная жена, поддержанная тещей. Но Юрию было уже все равно. Наскоро раздевшись, он рухнул на кровать, притворившись мертвецки пьяным, и заснул до утра беспробудным сном.

Наутро, выслушав упреки жены, ее угрозы подать на развод, если он не одумается и не прекратит гулять и пьянствовать, он пообещал исправиться и, даже не позавтракав, побежал к остановке. Пора на работу.

Юрий жил у жены на Ленинском проспекте, и до студии ездил на троллейбусе без пересадок. Это было удобно и не так далеко. Вскочив в подошедший троллейбус, нашел свободное местечко на задней площадке, как всегда. Стоя спиной к пассажирам и облокотившись на поручни, он чувствовал себя вполне уютно и даже уединенно, поглядывая в окна обзора.

Народу было много, но он уже привык к толчее в общественном транспорте, и смотрел по привычке, как мимо проплывают корпуса МГУ, кинотеатр «Литва», затем посольства Швеции, других стран.

И вспомнил, как также ездил на работу в переполненном автобусе у себя в родном городке, но там смотреть было не на что и некогда, того и гляди, придавят, только успевай отпрыкиваться и вовремя выскочить наружу, иначе проедешь мимо своей остановки и опоздаешь на работу. На номерном заводе, где он работал слесарем, за опоздание могли наказать рублем и даже перевести, для острастки, на подсобные работы.

Вдруг он увидел, как из-под колеса мчащегося на обгон груженого самосвала вылетело нечто, похожее на булыжник, и он едва успел отпрянуть в сторону, как булыжник ударил в заднее стекло обзора и вместе с его осколками упал на пол в том месте, где только что стоял Юрий.

Раздались крики, кого-то порезало осколками, троллейбус остановился, прибежал водитель к месту происшествия, и Юрий вышел на улицу.

Он был рад, что вовремя разглядел опасность и увернулся, не пострадав. Неспроста прилетел этот камень, как знак, или предупреждение за его беспечный образ жизни, или еще за что, кто знает.

До студии было недалеко, и он решил пройтись пешком, заодно и обдумать, правильно ли он живет в последнее время?..

До обеда Юрий управился с делами; проверил правильность выполнения заказов в цехах, обговорил с мастером павильона работы по декорациям, в группе выяснил график подготовки и проведения съемок, а вот теперь можно и позвонить Ей.

Выждав, когда все разбежались по своим делам, и в комнате никого не осталось, он с волнением набрал номер телефона любимой и услышал, что она тоже свободна. Как на крыльях, он выбежал со студии и поехал к назначенному месту свидания. Он уже и думать перестал о происшествии. Какой там знак, а тем более предупреждение, так, случайность, не более того.

– Ты знаешь, муж у меня уехал в Подмоскowie на сборы, так что до вечера мы наконец-то сможем посидеть у меня дома. В интимной обстановке. А то надоело шляться по улицам, как беспризорным. Ты как, не против, дама приглашает, – улыбалась ему Людмила, когда они встретились у кинотеатра «Зарядье», и только теперь до Юрия дошло, почему именно здесь она назначила ему встречу. Он обрадовался, хотя противоречивые чувства обуревали им. И неспроста.

Юрий был в курсе, что ее муж, Вадим, мастер спорта по восточным единоборствам, работает тренером в детской спортивной школе. Людмила как-то невзначай обмолвилась об этом, когда они рассказывали друг другу о своей жизни, но тогда он не придавал этому особого значения.

А вот теперь в душе его шевельнулись сомнения, мало ли что, но Людмила так обворожительно улыбалась, так загадочно и томно смотрела глаза в глаза, что он не выдержал, и поцеловал ее в губы. Это было ответом, и влюбленные поспешили, едва ли не бегом, к ее дому.

Который оказался комнатой в коммуналке, на первом этаже старого московского дома, еще дореволюционной постройки. Длинный коридор был пуст, и влюбленные спешно проскочили его, дабы не нарваться на соседей, к чему лишние досужие разговоры.

Комната была просторной, с тремя окнами на улицу, и Юрий с облегчением присел на стул у небольшого стола, стоящего в простенке между окнами. Вдоль стены справа от двери располагалась обширная тахта под красивым покрывалом с подушками, настоящее семейное ложе, и Юрий смущенно ухмыльнулся, в левой части комнаты уютно примостился письменный стол. Пара кресел и журнальный столик неподалеку от него, торшер, вот и вся семейная обстановка. Да, еще на стене за тахтой висел настоящий персидский ковер, в центре которого

находилась композиция из предметов, которые должны были радовать взор настоящего мужчины: охотничье ружье, сабля, кинжал, нунчаки, и еще что-то, неведомое Юрию.

Все это он успел рассмотреть, пока проворная хозяйка сбегала на кухню, и вернулась с подносом, на котором лежали закуски в виде бутербродов с колбасой и сыром, овощной салат, в центре стояла бутылка вина. Юрий с облегчением перевел взгляд на этот, более приятный для художника натюрморт, и улыбнулся хозяйке.

Та успела перехватить его настороженный взгляд в сторону ковра и беспечно рассмеялась. Ей все было нипочем. Душу ее переполняли чувства от предстоящей близости с любимым человеком. Да, он нравился ей, и волновал ее душу. Все остальное, чужья собака.

– Эту чепуху муж у меня развесил, все война из себя корчит, – пояснила она Юрию, поставив на стол два бокала и элегантно присев, наконец, рядом с ним.

– Ничего себе чепуха, целый арсенал на стене, – пошутил тот и наполнил вином бокалы. – Выпьем за тебя, Люда. За твою красоту!

Они выпили, игриво поглядывая друг на друга, съели по бутерброду, салатикку немного, но пауза длилась недолго. Людмиле нужен был праздник.

Она выпорхнула из-за стола, и поставила пластинку на проигрыватель.

– Ты как к песням Высоцкого относишься? Лично я их обожаю!

– Взаимно, – Юрий был лаконичен.

«И с тех пор ты стала близкая и ласковая, альпинистка моя, скалолазка моя...» – хриплый голос и манера исполнения певца взволновали их обоих. Людмила снова присела рядом с кавалером, глаза в глаза.

– Скажи, Юрочка, а что это ты тогда, в метро, мне на английском прочирикал? – и опять обворожительная улыбка, томный взгляд, который действовал на Юрия сногшибательно.

– На русском я не смог бы тогда.

– Ну а теперь, сможешь?

– Я сказал, что ты девушка моей мечты, что ты прекрасна!

– Да? Тогда иди ко мне...

Вместо очаровательной девушки, какой он запомнил ее при первой встрече, сейчас он видел перед собой молодую роскошную женщину, раскованную и желанную...

Что было дальше, Юрий помнил смутно, пребывая в эйфории сильнейших чувств и желаний. Он сжимал ее податливое тело, тонул в адском пламени ее глаз, и время для них словно остановилось.

Потом они лежали на тахте, раскинувшись, на лице у Людмилы блуждала блаженная улыбка, и он не мог наглядеться на нее, теперь уже глазами художника рассматривая лицо и обнаженную фигуру его богини.

Но вот взгляд богини остановился на часах, и она вскочила с тахты:

– Юрочка, уже поздно, муж должен скоро приехать. Одевайся быстрее. Смотри, какое пятно образовалось от нашей любви, – показала она на простынь и рассмеялась, но Юрию уже было не до смеха.

Едва они успели привести тахту и себя в порядок, выключить проигрыватель, как хлопнула входная дверь, и в комнату вошел коренастый, спортивного вида мужчина с простым, деревенского типа, лицом.

– Ого, у нас сегодня гости? Что же ты не предупредила меня? Я бы взял чего-нибудь более существенного, – сказал он, оглядев скромное угощение на столе. Затем взгляд его остановился на худощавом пареньке, скромно сидящем за столом, и Юрий встал, смущенно улыбаясь.

– Вадим, муж Людмилы и хозяин этого дома, – представился муж и словно клещами сжал протянутую руку гостя, но тот мужественно стерпел пытку и даже улыбнулся в ответ: – Юрий, художник, как и ваша супруга.

Вадим отметил его стойкость одобрительной усмешкой.

– Ты знаешь, Вадик, я давно не видела Юру, а тут мы случайно встретились в метро, и я пригласила его к нам в гости. Поболтать, вспомнить об однокурсниках, мы учились вместе на курсах художников-декораторов, – щебетала Людмила, расставляя тарелки на столе. – Сейчас ужин будет, а вы пока поговорите о чем-нибудь, – она весело помахала им ручкой и выбежала в коридор, на кухню, оставив мужчин наедине.

Юрий держался скромно, но с достоинством. Рассказал, как интересно работать в кино, не забыв при этом уважительно отозваться о восточных единоборствах, чем расположил к себе хозяина дома. Вадим был менее многословен, но оказался начитанным и образованным человеком, остроумным, и даже с юмором.

«Надо же, а я, было, подумал, деревенского вида простак. Тут надо ухо держать востро, не ляпнуть бы чего, да и вообще пора закругляться», – думал Юрий, слушая Вадима и наблюдая, как Людмила хозяйствует за столом.

– Давайте, мальчики, налегайте на рыбу, картошечки вам еще подложу, – раскраснелась она, ухаживая за мужем и гостем.

Юрий оторопел, когда увидел, что Людмила выложила ему на тарелку еды больше, чем мужу, но тот, кажется, не обратил внимания на такую мелочь, гость есть гость. Вадим в это время наполнил бокалы вином:

– Давайте выпьем за дружбу, за доверие между людьми. Я рад, Люда, что у тебя имеются такие хорошие друзья, как Юрий. Сразу вижу, ему можно доверять, как говорят в таких случаях, с ним я бы пошел в разведку.

Они выпили, закусили. Пауза за столом затянулась. Юрий был сам не свой, но старался не подавать виду, что растерян. Так повлияли на него слова Вадима. «Хороший он мужик, а я сукин сын. Но я же не знал...»

– Сейчас чайку попьем, я торт купила. Птичье молоко называется, – хлопотала между тем Людмила, не замечая переживаний своего любовника, Вадим тоже увлеченно рассказывал ему о мальчишках, которых он обучает в спортивной школе приемам каратэ. В заключение показал свою коллекцию оружия, и был польщен тем, с каким неподдельным восхищением парень рассматривает его любимые раритеты.

Но вот Юрий распрощался с гостеприимными хозяевами, и, пообещав приходить к ним почаще, поспешил восвояси. Он долго не мог прийти в себя, на душе почему-то «скребли кошки», и Людмила больше не казалась ему такой богиней, как раньше.

В который уже раз, прокручивая в памяти перипетии прошедшего свидания в «интимной обстановке», как выразилась Людмила, он пришел к убеждению, что не надо было им встречаться у нее дома. Тем более, что их едва не застучал ее муж. Кстати, он показался Юрию отличным мужиком, которому уж никак не хотелось бы наставлять рога, даже с такой красавицей, как его жена. Но, как говорится в таких случаях, что случилось, то случилось.

Они не встречались несколько дней, просто перезванивались.

У Юрия произошли перемены на студии. Его прикрепили к картине, о работе на которой он так мечтал, ведь именно на ней натурные съемки должны были происходить в Праге и Берлине. К тому же замом директора по подготовке съемок был его приятель Валерка Семенкин.

– Теперь ты не просто администратор, а заместитель директора, с тебя причитается, – уважительно намекнул Юрий приятелю.

– За мной не заржавеет, – самодовольно ухмыльнулся Валерка. – Повышение в должности настроило его на лирический лад. – Ну, как там у тебя дела с красоткой, о которой ты мне рассказывал? Мог бы познакомить меня с ней, или с подружкой, раз обещал.

– Познакомлю. Ты знаешь, когда я ее увидел тогда в метро, в красном костюме, штаны обтягивают пышные бедра, талия тонкая, глаз не оторвать. Вот я и втюрился без памяти. Встречались у нее дома.

– Девушка в красном, дай нам несчастным, – заржал Валерка, подтрунивая над приятелем. – Надеюсь, не опозорил честь киношника?

– Хуже. Чуть муж нас не застукал. Едва отбрехался. Пришлось притвориться паинькой-мальчиком.

– Это ты можешь. Ладно, потом расскажешь подробности. Поехали лучше в Лужники, на футбол. Всю работу не переделаешь. Так ведь?

Юрий согласно кивнул, и они быстрым шагом направились в сторону проходной, переключившись с любовной темы на спортивную.

– В этом году Валерий Лобановский признан лучшим тренером мира, – решил блеснуть своей эрудицией Юрий, поспешая за другом.

Валерка уклончиво пожал плечами:

– Я за команду «Спартак» болею, знаешь же.

– Смешно было бы отрицать заслуги Лобановского.

– Зачем отрицать, не люблю я его, и все. Вот Константин Бесков, это тренер от бога, или Юрий Семин.

– А Олег Блохин, нападающий, это суперкласс, скажешь, нет? – подзадоривал друга Юрий, зная заранее все его ответы.

– Федор Черенков выше его на голову. Он виртуоз на поле, гроссмейстер мяча, а твой Блохин – робот, костолом, как и его тренер, – завелся Валерка, продолжая:

– Наши и в хоккее лучшие. Шадрин-Шалимов-Якушев, и вратарь Виктор Зингер – вот это действительно суперкласс!

– Хорошо. Насчет «Динамо» я согласен. А вот Михайлов-Петров-Харламов, и вратарь Владислав Третяк – они точно лучшие!

– «Спартак» выше по таблице, чем «ЦСКА», – упорствовал Валерка, весь раскрасневшийся в борьбе за престиж своего клуба. – «Спартак» – чемпион! Да пошел ты в баню, – рассердился он не на шутку, исчерпав все свои доводы. – Тоже мне, знаток нашелся.

– Ладно, сдаюсь, твоя взяла. Я сам с детства за «Спартак» болею.

– То-то же. Побежали, автобус наш идет! – и Валерий помчался, как истинный спортсмен, к остановке, да так быстро, что Юрий еле поспевал следом за ним.

Они вскочили в автобус, двери захлопнулись, и друзья поехали к месту назначения, продолжая свои бесконечные разговоры и споры обо всем сразу. На то они и друзья-приятели, которым есть о чем поговорить на досуге...

На следующий день Юрий встретился с Людмилой в их любимом сквере. Сидя на лавочке, он поведал ей о своей новой работе, о намечающейся скоро поездке за границу. Он чувствовал себя неловко, она тоже как-то отстраненно смотрела на него, понимая, что в их отношениях что-то разладилось. словно между ними пробежала черная кошка.

– Наконец-то сбудется твоя мечта, не зря ты учил иностранный язык, теперь он пригодится, – и вновь ее обворожительная улыбка взволновала Юрия, как и прежде. Он тут же забыл обо всем на свете.

– А знаешь, я хочу развестись с Вадимом. Детей у нас нет. Ты не смотри, что он вежливый, внимательный такой весь из себя. Он мстительный, коварный, ревнивец. Я его боюсь. – Людмила помолчала, внимательно разглядывая Юрия, словно изучая его. Он был весь внимание.

– У меня мама умерла два года назад, оставила мне однушку в Сокольниках. Я ее сдаю пока своим знакомым. Разведусь. Перееду к себе, там же и мастерская будет. Работать в кино я больше не хочу. Уволюсь. Хочешь, Юрочка, вместе будем жить? Картины, пейзажи писать разные...

– А что, предложение заманчивое. Я тоже замучался со своей семейкой. Одна теща чего стоит, – загорелся ее идеей Юрий. – Надо подумать.

– Подумай, только не долго, а то я другого найду, – заулыбалась красавица, – от желающих отбоя нет. Да шучу я, не хмурься.

Они помолчали, держась за руки, глаза в глаза.

– Муж в командировке. Будет только завтра к вечеру, – сообщила ему Людмила с намеком, после чего они поднялись с лавки, и ноги сами понесли влюбленных к ее дому.

Все повторилось, как во сне: они блаженствовали, раскинувшись после бурных объятий на тахте, и слушая песни любимого автора, словно и не было недолгой разлуки. *«Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, пусть пробуют они, я лучше пережду...»*

Юрий насторожился, слова песни растревожили его душу.

Людмила ластилась к нему, словно кошка, завораживая своими глазами, и он не устоял, снова бросился, словно в омут, в ее объятия, пытаясь отрешиться от всего на свете. Не тут-то было. Тень Вадима, словно тень отца Гамлета, казалось, висела над ними, вселяя в Юрину душу тревогу и уныние. Какая уж тут любовь. Не до нее бедняге.

– Что с тобой? Ты не похож сам на себя. Уж не боишься ли, так я звонила ему недавно, проверяла. Далеко он, – старалась настроить его на любовный лад опытная женщина. – Обними меня покрепче, Юрочка.

Юрий согласно кивал, окончательно утратив весь свой пыл...

Мечтаем, строим планы, а жизнь вносит свои коррективы. Ради экономии натурные съемки решили проводить не за границей, а в Риге и Вильнюсе. Прибалтика всегда была палочкой-выручалочкой для советских кинематографистов. На роли иностранцев тоже взяли прибалтов. Дешевле.

Вся группа, включая и художников, готовилась к экспедиции. Несколько дней пролетели в хлопотах незаметно для Юрия. Однажды утром в кабинет директора позвонила Людмила и попросила к телефону декоратора Фомина. Он оказался по соседству, в комнате для художников.

«Юрочка, я буду у вас на студии сегодня. Дела по работе надо утрясти. Позже там и увидимся», – услышал он в трубку. Договорились о встрече.

В обеденный перерыв Юрий подошел к скверу, в котором все обычно встречались, и присел на лавку в ожидании. Он нервничал. Хотелось и с любимой женщиной пообщаться, и на склады надо бежать. Погрузка.

– Отдыхаем, как всегда, больше, чем работаем, – рядом с ним, откуда ни возьмись, присел Виктор Корман, его однокашник по курсам художников-декораторов. Остряк и выдумщик. Любил он при случае поддеть и высмеять товарищей, но Юрий обрадовался ему. Давно не виделись.

Разговорились, и Юрий не заметил, как к лавке подошла Людмила.

Увидев ее, Виктор замер от восхищения. Не каждый день перед ним останавливается такая красавица. А глаза, улыбка, упадешь и не встанешь.

– Ну, и долго я буду стоять перед вами?

– Извини, Люда, – вскочил Юрий с лавки. – С товарищем давно не виделись. Заболтался, – он чмокнул ее в щеку, она его в губы, никого не стесняясь. Затем он познакомил Людмилу с Виктором, они посидели на лавке уже втроем, разговаривая ни о чем, но Юрию некогда было расслабляться.

Извинившись перед ними, он пообещал позвонить Люде завтра, и побежал по дороге в «Белый дом», так прозвали на студии длинное здание складского типа, где размещалась мебель, реквизит, и многое другое.

– Беги-беги, работничек. Я не оставлю в одиночестве такую девушку, – крикнул ему вдогонку Виктор, и Людмила благосклонно улыбнулась ему своей очаровательной улыбкой, решив не обижаться на Юрия. Она прекрасно понимала, что такое подготовка к кино-экспедиции.

Они поднялись с лавки и направились к проходной, на выход, оживленно разговаривая. Тем для беседы у них было предостаточно.

Запахавшись, Юрий все же подоспел вовремя. Возле длинной фуры сновали грузчики, загружая в ее недра реквизит. Пожилой кладовщик суетился рядом, нервно поглядывая на дорогу. Увидев Юрия, закричал:

– Ты где ходишь? Список-то у тебя. Как бы, не прозевать чего.

– Извини, дядя Саша, – Юрий достал из сумки список, – все проверим, как в аптеке. Уточним. Не переживай зря.

– Ну и лады, – успокоился дядя Саша. – Нам же потом легче будет. Когда все имеется на складе, директору не к чему придраться будет. Выдал, что нужно для съемок, и ходи, поплеывай, да на девок местных поглядывай.

Как всегда перед отъездом, времени не хватало ни на что, и Юрию не удалось попрощаться с Людмилой, вернее, не до нее было в то время.

Дома, в семье, тоже все были недовольны его отъездом, предполагая, что он едет не работать, а развлекаться, да по гостиницам с девицами гуляющими отираться. Настоящая работа на заводе, на стройке, а в кино одни бездельники собрались, так рассуждали его жена с тещей.

Наконец, съемочная группа погрузилась в вагоны, поезд тронулся с места, набирая ход и увозя их в Прибалтику...

Время в командировках проходит быстро, как и все хорошее. Довелось и поработать, как следует, но и погуляли они с Валеркой тоже от души.

Но вот съемки на природе успешно закончились, и жизнь вошла в свое привычное русло: дом, работа, пришла пора и Людмиле позвонить. Соскучился он по своей красавице. Обиделась, наверное. Три месяца прошло.

Он позвонил ей на работу: уволилась ваша Соболева, давно уже. Дома ищите, или еще где, мы не знаем о ней ничего, к сожалению.

Собравшись с духом, позвонил домой: никто не подходит к телефону.

Спустя несколько дней, так и не разыскав Людмилу, Юрий как-то вышел из павильона после утренних съемок, и зашел в скверик, отдохнуть.

Где и повстречал еще одного однокашника, Генку Лебедева. Оба обрадовались, даже обнялись попросту. Чего не было с Корманом.

– Давненько не виделись. Ты где сейчас обитаешь?

– Как уволился тогда со студии, сразу денежную работу нашел. Я теперь на троллейбусе, водителем работаю. Знаешь, сколько зарабатываю? 200 рэ! – хвастался Генка. – Надоело здесь за жалкие 90 рублей сутками по цехам да павильонам бегать. С утра – декорации надо готовить. А потом на съемках до полуночи дежуришь. Жена грозилась из дома выгнать.

– Тут ты прав. У нас как: работаешь, как Илья Муромец, а получаешь, как Иванушка дурачок.

Они посмеялись, и присели на лавку в скверике, поглядывая, как мимо несутся мосфильмовцы. Кто из производственного корпуса в павильоны, а кто наоборот, или еще куда. Студия, это огромный лабиринт, фабрика, в коридорах которой легко заблудиться с непривычки.

– А ты, Юрок, не собираешься отсюда сваливать?

– Да нет, привык я, просто мне нравится здесь. Думаю во ВГИК поступать, на художественный факультет, а может, и на режиссерский.

– Размечтался. Там боссы своих сынков пристраивают, нужен ты им больно. Без денег, без связей.

– Ничего, прорвемся. Кстати, ты же с Витькой Корманом в друзьях ходишь. Где он сейчас? Никак не найду.

Генка нахмурился в ответ, собираясь с мыслями.

– Встречались мы с ним несколько раз. Давно уже. Он с красоткой одной познакомился, так все с ней под ручку, влюбился без памяти. Жену бросил, и поселился у этой Людмилы. Она тоже развелась с мужем. – Он ухмыльнулся.

– У нее однокомнатная квартира, в Сокольниках. Как-то бегут вместе, меня увидели, и к себе в гости зазвали. Ты же знаешь, Витька не дурак выпить, она тоже под стать ему. Я тогда нарезался, не помню, как до дому добрался. На автопилоте.

– Ну, и как они поживают? – Юрий был раздосадован такими новостями, не ожидал, что она так быстро забудет его с другим. И с кем? С Витькой Корманом. Он тоже хорош, однокашник хренов.

– Так у них там и мастерская заодно. Рисуют, пишут маслом этюды, картины. На пленэры ездили. Планов у них было громадье. Не жизнь, а малина. Если бы не ее муженек.

– А что, ревнует по-прежнему?

– Если бы. Да, вспомнил, Витька рассказал мне, что это ты их познакомил. Просил передать тебе спасибо при случае.

– А еще Иуда шлет тебе свой поцелуй, – усмехнулся Юрий. – Я тогда в командировку уезжал, на три месяца. Вот тут и познакомил их, на этой самой лавке. Не думал я тогда, что они так быстро схлестнутся. Кстати, Людмила мне тоже предлагала у нее жить, картины писать.

– Повезло тебе, Юрок. В рубашке родился, не иначе.

– О чем это ты гутаришь? – Юрию не до шуток.

– Муж у нее чересчур ревнивым оказался. Самбист, или каратист, тебе лучше знать. Так вот, появился он к ней домой, пьяный, и забил их обоих до смерти. Не простил, стало быть.

Юрий озадаченно смотрел на однокашника.

– Чего рот раскрыл, не веришь? Вадим этот в бега, было, кинулся, да поймала его наша доблестная милиция. Сидит теперь на зоне.

– А они где же? – невпопад брякнул Юрий.

– Где им быть, на кладбище. Так-то вот, за любовь эту пострадать можно. Сходи в церковь, да свечку поставь. Им за упокой, себе во здравие. Ну, пока, а то заболтались, как бабы, мне домой пора, – вскочил Генка, и они распрощались.

Ошарашенный таким известием, Юрий сам не помнил, как вышел со студии, сел в свой троллейбус, и поехал тоже домой. Вдруг его пронзила острая, как бритва, мысль, что это он мог оказаться на месте Виктора Кормана. И не ехал бы сейчас домой, а лежал в могилке, на кладбище.

Он вспомнил, какие опасения и тревогу вызвало у него знакомство с мужем Людмилы. Тогда он не придавал этому особого значения, а напрасно. Знать, есть судьба. И есть ангел-хранитель. Они и спасли его от такого страшного конца. И все же ему было искренне жаль их всех: Людмилу с Виктором, Вадима, их родных и близких.

Прошло время. Юрий трудился, как и прежде, на студии. За хорошую работу и ответственное отношение к своим обязанностям на кинокартине он получил приличную премию, чем расположил к себе жену с тещей. Они перестали набрасываться на него с упреками.

Может быть, им самим надоело ругаться. Только в их семействе наступила тишь да благодать, а однажды за обедом в воскресный день теща даже улыбнулась зятю, сынишка тоже перестал на него дуться.

Юрий рассказывал ему о своей работе, о съемках, тот о школе, похвастался пятеркой по поведению в дневнике. Домашние посмеялись дружелюбно над хитроумным простаком, а отец стал по вечерам проверять уроки сына, помогал ему решать задачки по математике, хотя это гораздо лучше получалось у матери. Ведь она была дипломированным инженером, а Юрий просто художником-декоратором.

Иногда он вспоминал о той давней уже встрече в метро, которая запала ему в душу. Сердце у него начинало стучать часто-часто, как и тогда.

...В вагоне, кроме них, никого не было, и Юрий преобразился: скромность, и природная стеснительность его куда-то исчезли, и он, собравшись с духом, бросился, словно на крыльях Пегаса, навстречу роковой красавице в красном костюме, как мотылек на огонь.

.....

Москва. Октябрь 2015 г.

Бледная немочь

Это было во время Олимпиады, в 1980 году. Многие семьи тогда вывозили своих детей из шумной Москвы, на отдых.

Мы с женой снимали дачу для нее и нашего семилетнего сына, в ближнем Подмосковье. Если проехать по Казанской железной дороге и выйти на станции «Отдых», то справа был город Жуковский, а по левую сторону располагался дачный кооперативный поселок, в котором в основном жили писатели, их дети и родственники, зачастую настолько дальние, что сразу и не поймешь, кто кому и кем приходится.

Так вот, дачу, являющую из себя уютный дом с мансардой и верандой, увитой диким виноградом, нам сдавала одна из таких дальних родственниц одного известного детского писателя.

Когда-то он построил ее для своего брата, у того был сын с семьей, и Виктория Семеновна была мамой жены этого самого сына. Зять был пропойца, жил безвылазно в Москве, и когда умер от белой горячки, то дочка доверила дачу своей маме, надо же было на что-то проживать, и Виктория Семеновна сама находила приличных людей, и сдавала им половину дома на лето.

Дом имел два отдельных выхода, в одной половине жили мы, в другой – бабушка с внучкой.

Мы снимали у нее дачу несколько лет подряд.

Ее внучка, Ирочка, и наш шалопай Кирилл как-то сразу подружились, и были – не разлей вода. Они вместе играли то у нас во дворе, то у них. Их дружбу не омрачала ни одна ссора. Они с радостью уступали друг другу во всем.

Я работал в Москве, приезжал на дачу в выходные, а жена с сыном жили там постоянно. Иногда они тоже уезжали на день-другой в нашу московскую квартиру в сталинском доме, на проспекте Мира, где их ждала Тамара Федоровна, Олина мама. Помыться, привести себя в порядок, так как не очень любила она деревенскую жизнь, пусть даже и дачную.

Жена была коренной москвичкой с Самотеки, и без Москвы не мыслила своей жизни. Но ради сына готова была потерпеть.

Когда они уезжали, Ирочка сразу же заболела. Ей становилось плохо, болела голова, горло, и даже тошнило, и мы все не сразу догадались, что это из-за Кирилла.

Когда Ольга с Кириллом возвращались, она сразу же выздоравливала, и мчалась к калитке навстречу, теряя тапки. На щеках появлялся румянец, она смеялась и веселилась вместе с Кирюшей, который тоже преобразился рядом с ней, и вместо книгодея, читающего захлеб днем и ночью, мы видели веселого неугомонного мальчишку.

В один из дней Ирочкина мать привезла ей из Москвы хомяка, и дети сразу же его полюбили. Они ухаживали за ним, кормили, купали в бочке с водой.

Однажды мы увидели, как скорбные Кирилл с Ирочкой сидят на лавочке и тяжело вздыхают. Недвижный хомяк лежал рядом с ними на тряпочке.

– У нас Хома умер, – горестно сообщил Кирилл.

– Мы его в бочке купали, а он захлебнулся, – пояснила Ирочка, и когда Ольга протянула руки к хомяку, в глазах у ребят появилась надежда. Они замерли в ожидании.

В руках у Ольги лежало холодное, окаменевшее тельце хомяка. Но не оправдать надежды детей было невозможно, и она начала крутить, мотать из стороны в сторону, тереть, сгибать и разгибать тельце хомяка.

Неожиданно он открыл глаза и чихнул.

Меня, как и жену, поразило это неожиданное воскрешение. Только дети ничуть не удивились ожидаемому чуду, они схватили Хому, и побежали дальше заботиться о нем.

В соседнем доме проживала весьма странная дачная семейка: муж с женой и тещей, иногда приезжал их сын-десятиклассник, долговязый и угрюмый переросток, и тогда все они щебетали и роились вокруг него, не зная, чем угодить, а он только морщился и отмахивался от них, как от назойливых мух.

Уходил в лес, и долго бродил там, не обращая внимания на то, что его близкие волновались и переживали, поджидая его с обедом или ужином наготове.

Хозяин семейства, Борис, красивый и веселый, с улыбающимся лицом и копной волнистых волос на голове, великан под два метра ростом, был из исчезающей в наше время породы настоящих мужчин; широкие плечи, с крупными руками, кулак – что голова ребенка, добряк. Обо всех он заботился, всем хотел угодить, сделать что-то полезное для дома и семьи.

Еще все спали, а он уже делал зарядку, бегал по тропинке в лес и обратно, затем, оседлав дорожный велосипед, мчался к станции, и покупал у бабушек свежие ягоды для своей любимой Танечки, иначе он ее не называл.

Она к этому времени еще спала. В полудреме выходила из душевой комнаты в сад, ложилась в гамак и висела в нем, покачиваясь, время от времени прикладывая тонкую руку к бледному лбу и жалобно, болезненно вздыхая.

«С утра уже устала», – думала она, благосклонно взирая на своего огромного, бронзового от загара, мускулистого мужа, который, бросив велосипед, бежал к ней с кулками в руках.

– Танечка, а это я, прямо со станции. Вот, на, держи. Ягод тебе накупил разных, сейчас сполосну.

Он кидался к бочке с водой возле умывальника, наспех споласкивал то малину с клубникой, то смородину с вишней, крыжовник, и на блюде приносил красиво разложенные ягоды своей даме сердца, как и положено настоящему рыцарю, каким он и являлся на самом деле.

Мило улыбаясь своей доброжелательной улыбкой, за которую ее так любил муж, Танечка целовала его куда-нибудь в большое лицо, и шла по своим делам.

Была она среднего роста, изящная, даже худая, в легких кисейных одеждах, и тапочках на босу ногу. Белесые волосы обрамляли ее бледное, якобы не от мира сего продолговатое лицо, в глазах была какая-то неземная тоска, и даже божья благодать проскальзывала иногда во взгляде ее стального цвета глаз.

За все это ее и любил Борис, боготворя свою жену, и часто носил на своих могучих руках, прижимая к широченной груди.

– Танечка, луна ты моя ненаглядная, ну что еще тебе принести? Ты только скажи, радость моя.

– Да ладно уж тебе, ты не утруждайся. Мне и так хорошо. А знаешь, я бы еще курочку отварную скушала, или цыпленка, целиком, – пробуждался вдруг в ней аппетит, и Борис снова гнал велосипед по дороге на станцию, чтобы купить своей ненаглядной курочку к обеду, а лучше цыпленка, если повезет.

Глядя на эту пару, вспоминалась старая байка:

«Невзрачная жена красавца-мужа отвечает завистливым подружкам: – Когда Бог красоту раздавал, я спала. А когда начал раздавать счастье, я проснулась».

Ее мама, Алевтина Петровна, была женщиной образованной, интеллигентной. Она все видела, всех понимала, и принимала их такими, какие они есть. А что делать?

Иногда она заходила к нам, по-соседски, как к людям, вызывающим у нее доверие и расположенность. Общалась с Викторией Семеновной, разговор в основном шел о литературе, писателях и поэтах, их жизни, сокрытой от глаз обывателей.

Тут уж сама хозяйка, Виктория Семеновна, была на высоте, и выдавала на-гора секреты жизни писательских семей. Да и Ольга, моя жена, знала толк в литературе, так как работала много лет заведующей в книжном магазине, много читала и разговор поддержать могла,

как никто. Пили чай с вареньем разных сортов, отдавая особое предпочтение земляничному варенью, или «царскому», сидя на уютной веранде и поглядывая на резвящихся вокруг них Кирюшу с Ирочкой.

Алевтине Петровне было приятно и тепло в нашей компании. Незаметно для себя разговорившись, она как-то поведала нам о том, что Боря с Танечкой учились вместе в одной школе, в одном классе. Сидели на одной парте. После школы поступили в химико-технологический институт, окончили. Всегда они были вместе. Никогда не ругались. Поженились.

– Мы сначала жили бедненько, даже кольца на свадьбу им пришлось купить простые, на золотые денег не хватило.

– Не в деньгах счастье, – скрасила эту часть ее рассказа Виктория Семеновна.

– Конечно, вы правы. Это из-за чудного Бориного характера мы так дружно живем, – улыбалась Алевтина Петровна, хитро поглядывая сквозь очки на слушающих ее необычный рассказ соседей. – Он и мухи-то никогда не обидит, не то, что людей. Всегда в работе, в заботах о семье. Я иногда думаю, за какие такие заслуги бог приблизил нам сначала этого мальчишка, выросшего затем в такого мужчину.

– Да, Борис человек неординарный, – кивал я солидарно со всеми головой, не зная, что бы возразить для разнообразия. – Не надорвался бы только. Хотя, он мужик здоровенный, как дуб. На сто лет хватит.

Как-то раз деятельная и заботливая, но острая на язык жена очень точно окрестила висящую в гамаке Татьяну бледной немочью. С тех пор мы ее так и называли в своем кругу.

Ольга смеялась вместе со всеми, поддерживая беседу и поглядывая на мужа. Он прав, как всегда. И следила за сыном, не переутомился бы, бегая вперегонки с Ирочкой.

– Кира, пора ужинать! – возвышала она голос, и сын послушно шел к столу, за ним так же послушно шла Ирочка. Было видно, она и идет такой же походкой, как он.

И нам казалось, что детская парочка чем-то напоминает Бориса с Татьяной. Кирюша такой же битюжок, а Ирочка – бледная и прозрачная, как Танечка.

– Надо же, как они подружились. Может быть, как мои Борис с Таней будут, чем черт не шутит, – заметила Алевтина Петровна, уважительно поглядывая на видную, породистую маму Кирилла, не забывая при этом улыбнуться и солидному папе сквозь очки.

Виктория Семеновна согласно закивала головой в ответ. Она не возражала. Чего тут скажешь, это было бы просто замечательно.

Мое воображение тут же нарисовало картину, в которой взрослый и плечистый Кирилл качает в гамаке сонную прозрачную Ирочку, или мчится на велосипеде ей за ягодами на станцию, и мне стало не по себе. Мы с женой переглянулись, и я понял, что она подумала о том же.

Пару раз мы встречались все вместе, и даже пообедали сначала у них, потом они у нас, пообщались, попили чайку с вареньем, посмотрели по телевизору закрытие олимпийских игр, и даже взгрустнули, когда Мишка взмывал в небо.

«До свиданья, наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес...» – пели Лев Лещенко и Валентина Толкунова. Оказалось, что в Москве мы с ними тоже живем неподалеку. Они проживают в соседнем доме, в Капельском переулке.

Работают в НИИ. Инженеры. Вместе ездят на работу, и с работы, ходят по магазинам за продуктами. Алевтина Петровна дома хлопочет, по хозяйству. Да еще, помимо дочери с зятем, за любимым внуком ухаживает.

Однако, у каждого своя жизнь. Со временем мы виделись все реже. Иногда утром, выходя из подъезда, я видел мощную фигуру Бориса, пробегающего мимо нашего дома. Он махал мне рукой в знак приветствия, улыбаясь все так же широко и жизнерадостно, и неся дальше, иногда останавливаясь, и делая разные упражнения, пока малолюдно на улице, затем продолжал свой бег, исчезая между домами и деревьями сквера.

В последний раз я его видел едущим на велосипеде по дороге. Было воскресное утро, и мы с нашим терьером Тишкой гуляли во дворе дома, и в сквере, как обычно. Меня он не заметил, был озабочен чем-то. Может быть, ехал за ягодами и фруктами, или еще зачем, для своей любимой жены Танечки...

Однажды, возвращаясь домой после работы, мы с Олей зашли в наш любимый магазин «Казахстан», что рядом с метро «Проспект Мира», и встретились с Алевтиной Петровной. Но как она постарела и осунулась за то время, что мы не виделись. Хотя и старалась держаться молодцом.

– Как поживаете, Алевтина Петровна?

– Ничего, помаленьку. Танечка все прихварывает, у нее упадок сил. В санатории была, на восстановительном лечении. Но это мало чем помогло, – махнула она рукой, остановившись передохнуть. – Митя наш заканчивает химико-технологический, как и его родители когда-то.

– Ну а как Борис, что-то его не видать в последнее время, – встрял я в разговор, и пожалел об этом.

– А вы разве ничего не знаете? – вскинулась Алевтина Петровна. – Хотя, конечно. У каждого своя жизнь. Город, это не дача в поселке, он разделяет людей...

Она помолчала, оглядывая бывших соседей по даче сквозь очки. – Так умер он, уже год прошел, как похоронили нашего Бореньку. Сами знаете, какой он здоровяк был. Ничем не болел. Зимой в одном демисезонном пальто ходил, без шапки. А тут поехал на своем велосипеде куда-то, и упал вместе с ним. Инсульт. Умер мгновенно. Так врачи потом сказали.

Мы с женой молчали, ошарашенные известием.

– Ну ладно, пошла я, а то там дома Танечка моя одна, да Митя скоро придет. Обедом их кормить надо...

Мы долго смотрели ей вслед, все еще не в силах осознать и поверить в то, что услышали. Здоровяк-спортсмен Борис уже год, как на кладбище, а его болезненная Танечка осталась одна, без него. Без его поддержки и заботы.

Правда, у нее есть вполне бодрая еще мать, сын, и все же безумно жаль Бориса, и их всех.

Прошли годы. Прогуливаясь в сквере возле нашего дома-высотки, как его все называли, с неугомонным и вездесущим терьером Тишкой, мы вдруг увидели ее, Танечку.

Она шла по дорожке, о чем-то задумавшись, все такая же болезненно-бледная, тонкая, в легкой струящейся на ветру одежде, белесые волосы ее слегка поседели, но это было почти незаметно. Она мало чем изменилась. Она прошла мимо, не заметив нас.

И нам обоим вспомнилось вдруг, как часто, проходя мимо их сада на даче, мы видели ее висящей в гамаке в томной изнеженной позе, с доброжелательной, как всегда, улыбкой на лице, и ждущей, когда же это приедет со станции ее Боренька, и привезет ей разных ягод в бумажных кулечках.

.....

Сентябрь 2015 г.

Виктор, в переводе с латинского – победитель

Прошли годы после того, как я закончил ВГИК, не говоря уже о той далекой, но веселой и счастливой поре, когда мне довелось обучаться вместе с группой самоуверенных, бесшабашных молодцов на курсах художников-декораторов от Госкино СССР, при киностудии «Мосфильм».

Просматривая как-то альбомы с фотографиями, я увидел на одной из них себя с Виктором Судневым: в руках у нас были кисти, на лицах застыли улыбки. Мы в то время помогали живописцам расписывать задники в декорациях, которые стояли за окнами и изображали то фрагменты природы, то здания напротив, дворы, или небо.

Я решительно снял трубку телефона. Стыдно сказать, но уже прошло года два или три, как мы не общались с ним.

– Здравствуйте. Можно Виктора к телефону?

«А кто его спрашивает?»

– Это Николай, его товарищ. Добрый день, Татьяна.

«Добрый день».

– Я давно не звонил вам, по командировкам все разъезжаю. Был на Украине, в Днепропетровске, в Новой Каховке. Вот недавно приехал из Киева. Как вы там поживаете, Виктор дома?

«Как раз сегодня ровно год, как он не живет дома».

– Вы что, разошлись? – спросил я первое, что пришло в голову. Моему удивлению не было границ. Я знал, как он любит свою жену, и сын у них растет, он так мечтал об этом.

«Если бы. Умер он, годовщина сегодня со дня его смерти. Вот, мы с сыном, Сашей, помянули его. Простились. Товарищи были, из цеха. Недавно все разошлись...»

Я молчал, потрясенный, не веря своим ушам. Как это, Виктор, и умер? Он же такой здоровяк, жизнелюб, не может быть такого, что за чушь!

«Он попал под машину на переходе. Сзади него старушка споткнулась, и он бросился на помощь, вытолкнул ее на остановку, а сам не успел, легковушка на полном ходу сбила его».

– Это я знаю. Он рассказывал мне в прошлый раз, по телефону.

«Не обижайтесь. Он гордый, не хотел, чтобы увидели его слабым, больным. А дальше все пошло под откос. Вся наша жизнь. От увечий он так и не оправился. Полгода провалялся в больнице, получил инвалидность, оказался на пенсии. Хотя он не сдавался, гири там разные, гантели. Мечтал поправиться, на работу выйти, повидаться с друзями».

Я еще долго не мог прийти в себя от услышанного. На стене передо мной висели два пейзажа, написанные маслом, они мне нравились больше других. Когда-то мы с Виктором часто ездили по заповедным подмосковным местам, на пленэры, теперь эти пейзажи на стене – дань памяти о моем товарище, Викторе Судневе.

Это был высокий здоровяк с кротким выражением лица, и смущенной улыбкой. Таким я его увидел впервые на студии, где работал грузчиком мебельного участка, и так же, как и он, поступал на курсы художников-декораторов. Экзамены были серьезные, почти как в художественный институт; рисунок, живопись, композиция, общеобразовательные предметы, собеседование. Я успешно сдал экзамены, и в числе двадцати абитуриентов, а всего поступало человек сто, не меньше, был принят на курсы.

Вскоре мы все перезнакомились, но настоящими товарищами моими стали Виктор Суднев, Юрий Фомичев, и еще несколько бойких ребят, остальные остались просто одногруппниками.

За учебу все принялись рьяно, даже истово: во втором блоке нам выделили на втором этаже просторную комнату, где мы слушали лекции по киноискусству и материальной культуре, изучали архитектуру и комбинированные съемки, декорационное мастерство, рисовали, писали акварелью натюрморты, в перерывах курили на лестнице в отведенном для этого месте, шлялись по павильонам.

Учителями нашими были настоящие профессионалы кинематографа. Уроки живописи давал Василий Васильевич Голиков, фронтовик, инвалид войны и самобытный, яркий живописец.

Поскольку живописью я увлекался с детства, и мой отец, художник, был примером для подражания, то и результаты мои были выше других. Василь Василич, так мы звали его промеж себя, выделял меня среди всех.

– Ну, Николай, тебе и поправлять ничего не надо, молодец. Всем советую присматриваться к работам друг друга. Это помогает, – он переходил к следующему мольберту, за которым пытел розовощекий Владимир Лобанов, балагур и рассказчик анекдотов, но вот по части живописи и рисунка он был слаб, как младенец. Василь Василич хватал его кисти, и начинал править натюрморт, исправляя огрехи горе-ученика.

– Ты смотри, вот он натюрморт, перед тобой. Работай цветом, мазки клади по смыслу, а не тычь кистью куда попало. Кувшин веди сверху вниз, скатерть свисает со стола, и ты кистью работай вниз, по складкам. Смешивай цвета, они должны быть чистыми, без грязи. Кувшин синий, скатерть белая, арбуз зеленый, тени прозрачные...

Проходя мимо Виктора, который истово работал за мольбертом, он одобрительно кивал головой и шел дальше, к следующему...

Мастером рисунка был Ипполит Новодережкин, глядя на которого, сразу всем было ясно, что это художник. Он тихо подходил к листу ватмана, на котором были попытки ученика перенести с натуры изображение Сократа, например, гипсовая голова которого стояла на постаменте перед нами, и бережно поправлял карандашом пробелы в рисунке.

Он соединял линии то там, то здесь, превращая разрозненные куски рисунка в единое целое, то бишь, в голову Сократа, придавая искусными штрихами выражение глубокой мысли и воли на лице мыслителя.

Декорационное мастерство вел художник-постановщик Портной Сергей Александрович. Невысокого роста, в сером костюме, был он настоящим профи в своем деле, дотошно и въедливо вдавливая в наши пустые головы специфику кинопроизводства, в частности, художественное оформление кинокартины в целом.

Однажды, когда мы оказались в спорткомитете, наш руководитель любил и спорт, Виктор увидел двухпудовую гирию в углу, и обрадовался, как ребенок. Стал жонглировать ею перед нами, затем легко отжал раз по десять каждой рукой, чем поразил всех, включая и сотрудников спортотдела. Никто из нас не смог выжать даже вполовину. Я с трудом выжал гирию два раза, и едва не вывихнул руку. У других получалось и того хуже.

И лишь Виктор Корман, высокий, крепкий молодой мужик в бородке, он был постарше нас, отжал гирию три раза тоже каждой рукой и усмехнулся, вполне довольный собой. Подняв кверху палец, изрек многозначительно:

– Виктор, в переводе с латинского языка означает – Победитель!

С тех пор все мы частенько при случае повторяли эту фразу, приводя нашего скромного товарища в смущение, и все вместе смеялись. Над чем, сами не знали. Просто так, по молодости.

С Виктором нас сблизил общие интересы. На занятиях по живописи и рисунку сидели рядом, ревниво поглядывая время от времени на то, как мы пишем и рисуем. Старались пере-

щеголять друг друга в мастерстве. Может быть, от того живопись и рисунки наши были ярче и глубже, чем у остальных одноклассников. Хотя и они были ребята не промах, старались вовсю.

После занятий мы вместе ехали на троллейбусе; я до метро «Университет», он выходил раньше, делал пересадку и ехал в Фили на автобусе. Как-то незаметно для обоих, в разговорах, мы стали лучше понимать друг друга. Я рассказал о себе, он поведал о своей жизни.

В семнадцать лет он влюбился в соседскую девушку. Знали они друг друга с малого детства, вместе ходили в школу, сидели за одной партой. Незаметно для себя выросли, и сами не поняли, когда их дружба переросла в нежную трогательную любовь.

Как-то они решили покататься по озеру. Взяли лодку напрокат, и Витька сел за весла; греб он уверенно, сильно, лодка мчалась посреди озера, счастливая Таня сидела на корме и восхищенно смотрела на своего Витю, ничего не замечая вокруг себя.

Беда возникла ниоткуда. Огромный катер с пьяными горлающими мужиками и бабами наехал на них и рванул дальше; лодка пошла на дно вместе с влюбленными, которых ударило и накрыло безжалостной волной.

Когда Витька вынырнул, вокруг никого не было; ни катера, ни лодки, ни его девушки. Только бездушное озеро. В отчаянии он нырял и нырял возле этого страшного места, почти до самого дна, но безуспешно.

Обезумевшего от горя и отчаяния, его подобрала рыбаки на моторке. Он все рвался в озеро, в волнах которого исчезла его любовь, хотел сам утопиться, но рыбаки с трудом сумели скрутить его, и доставили домой...

После окончания школы он работал грузчиком на заводе «ЗИЛ», получал хорошую зарплату, помогал матери с сестрой.

Виктор узнал, что в ДК их завода функционирует студия рисунка и живописи, показал педагогам свои работы, и его приняли. Оказалось, что изостудия одна из лучших в Москве, и он был счастлив, что может учиться мастерству художника, хоть и по вечерам.

Его трудолюбию могли позавидовать самые способные и прилежные, и вскоре Виктор стал одним из лучших. Однажды один из студийцев рассказал, что на Мосфильме открываются курсы художников-декораторов, и предложил Виктору поехать на студию, попробовать поступить, хотя и сомневался в успехе.

Курсы были престижные, о них узнали многие в Москве. Но Виктор не привык отступать, и вот мы с ним сидим в сквере напротив Мосфильма, отдыхаем после занятий. Месяц учебы пролетел незаметно, как говорится, день за днем, неделя прочь.

– До сих пор, как услышу имя Таня, сразу в душе все переворачивается, а перед глазами та жуткая картина на озере, – Виктор захрустел могучими пальцами рук, снимая напряжение, и отвернулся в сторону.

– И что, больше ни с одной девушкой не дружил?

Он отрицательно покачал головой.

Я был впечатлен рассказом от души. Не часто с тобой делится сокровенным. – Подожди меня здесь, я мигом.

И не успел Виктор возразить, как я скрылся в дверях винного магазина, напротив нас. Купил пару бутылок портвейна, колбасы с хлебом, и вот он я, снова возле лавки с Виктором.

Две бутылки красного мы осушили быстро, теперь уже вдвоем сбегали в магазин, купили еще портвейна. Языки у нас развязались, беседа потекла непринужденно и громче обычного, привлекая внимание прохожих.

– Знаешь, Вить, клин клином вышибают. Найди себе девушку, женись, и жизнь наладится, это я тебе говорю, твой друг.

– Пробовал, не получается.

– Плохо пробовал, надо повторить. А вдруг случится чудо, и ты снова полюбишь?! Хотя, вряд ли, ты же однолюб, я вижу...

Языки у нас стали заплетаться, и тут неподалеку от сквера с лавкой возле винного магазина, где проходил наш невинный диспут, остановилась милицейская машина. Из нее вышли два милиционера, и направились в нашу сторону, никуда не сворачивая.

– Нарушаем? Предъявите документы.

– Прямо напротив места работы расположились, распиваете спиртные напитки, гражданам мешаете отдыхать, – кивнули они на открытые окна в доме рядом, и мы поняли, откуда вызвали наряд милиции.

– Придется проехать с нами.

Машина быстро домчала нас до отделения милиции. Часа два мы просидели смиренно в предбаннике, выписали нам штраф за мелкие нарушения общественного порядка, и отпустили с миром.

Не чуя под собою ног, мы мчались по дороге, подальше от злосчастного отделения милиции. И только, когда сели в троллейбус, вздохнули с облегчением, и долго еще смеялись, вспоминая.

– Все, с пьянством покончено навсегда, – сдохнул я, но Виктор на полном серьезе закивал головой в знак согласия, такое с ним приключилось впервые, как и со мной, впрочем...

За время учебы на курсах, а это целый год, мы побывали в лучших музеях-усадьбах Москвы и Подмосковья.

Писали этюды с натуры, делали эскизы интерьеров и экстерьеров, иногда устраивали сабантуи на природе; привозили с собой вино, закуски, выпивали, рассуждали об искусстве, о своих пристрастиях, любимых художниках. Василь Василич тоже участвовал в диспутах, выпивал с нами, ведь он был настоящий художник, и этим все сказано.

Делали совместные фото, которые впоследствии заняли место в моих альбомах, и на стенах кабинета. Прошли годы, а на фотографиях мы так и остались молодые, бесшабашные разгильдяи, весельчаки и мечтатели.

Нам платили стипендию в размере шестидесяти рублей в месяц, так как учились мы с отрывом от производства. Такая моя зарплата очень не нравилась жене с тещей, и они не упускали случая ехидно критиковать жалкого неудачника, лодыря и бездельника в придачу.

Летом пришло спасение. Всех нас распределили по кинокартинам, как стажеров, и мы разъехались по командировкам на съемки, кто куда. И только осенью снова встретились в нашей учебной мастерской, чтобы обменяться впечатлениями о работе в съемочных группах.

Экзамены прошли успешно.

Так началась работа декораторов, окончивших курсы художников-декораторов 1972 года выпуска.

Как и все остальные, Виктор тоже уехал в командировку.

Со временем фильмы, на которых мне посчастливилось работать, пошли один за другим, а это разные города и села, люди вокруг, съемочные группы и актеры, сам увлекательнейший процесс подготовки и проведения съемок захватил меня на долгие годы.

Виктор же как-то не прижился в съемочных группах, ему мешала скромность и нерешительность, неумение постоять за себя, отстоять свое мнение, излишняя деликатность и даже обидчивость, когда тебя обзывают недотепой, например. Это в лучшем случае.

И вскоре он перешел на работу в живописный цех. Там было спокойнее, где все зависело от твоих способностей и умения, как художника-живописца. Он писал фоны за окнами декораций в павильонах, позже перешел в цех росписи тканей, где приобщился расписывать ткани, гобелены с орденами, портретами для исторических фильмов.

Когда я работал в Москве, мы с ним встречались иногда. То у меня были наряд-заказы в живописный цех, то заглядывал к нему просто так, по-дружески. Тогда мы обедали вместе в столовой ОДТС, или же после работы выпивали по стаканчику вина в яблоневом саду Мосфильма, рассевшись на лавочке возле пруда. На улице больше не рисковали, памятуя о том, как нас тогда замели в милицию.

– Да уж, зато здесь нас никто не заметет, – отвечал я, оглядывая высокие ели, прудик, на берегу которого мы сидели, ряды яблонь, уходящие вглубь сада. А за оградой в это время сновали люди и машины.

– Нас на студии осталось всего несколько человек, остальные разбежались кто-куда после курсов, – с сожалением констатировал этот прискорбный факт Виктор, нахмурившись вдруг.

– Это точно. Я недавно Генку Лебедева повстречал, он водителем троллейбуса работает, говорит, по 250 рэ огребает, ведь у него семья, дети есть просят. На наши 90 рэ не особо разгуляешься. Мне вон жена весь хребет перепилила за это, – пожаловался я другу. – Ты вот когда женишься? Еще лет десять, и останешься бобылем, никто замуж не возьмет дедушку Витю.

Мы развеселились, представив себе этот казус, допили бутылку вина и встали, разминаясь. Затем двинулись неспешно к проходной.

Иногда мы встречались с одноклассниками на киностудии, куда их тянуло, несмотря ни на что. Как-то собрались в сквере, что между первым и вторым корпусами. Виктор Корман, Юра Фомичев, Генка Лебедев, Володя Лобанов, Леша Песков, мы с Виктором подошли. Все были в приподнятом настроении. Еще бы, целый год вместе учились, такое не забывается.

Корман снова вспомнил вдруг, глядя на Суднева:

– Виктор, в переводе с латинского языка означает – победитель! – и крепко приобнял того по-приятельски. – Как ты тут, герой, небось всех девчонок обрюхатил?

Одноклассники засмеялись шутке острого на язык Кормана, хлопая по могучим плечам засмущавшегося агнца Виктора.

– Да он не по этой части.

– Все мы не по этой...

– Может, на пленэр вместе махнем? – однажды предложил я другу, он обрадовался. – А что, давай. Я знаю в Подмосковье такие лесные опушки, перелески с озерцами, ахнешь.

И вот в ближайшие выходные мы встретились рано утром на Киевском вокзале. По площади из динамика разносилась шуточная песня *«На недельку до второго я уеду в Комарово...»* в исполнении Игоря Скляра. Нам стало сразу веселее, и не только нам, народу вокруг было полно.

Сели в электричку, и поехали на пленэр, взволнованные и полные радужных предчувствий от встречи с желанной природой. Ехали в тесноте, да не в обиде. Они, то есть предчувствия, нас не обманули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.